

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Российский государственный педагогический
университет им. А. И. Герцена»

На правах рукописи

Никифорова Анастасия Владимировна

«Социальные представления о материнстве у женщин, не имеющих детей»

специальность: 5.3.5. — социальная психология, политическая и
экономическая психология

Диссертация на соискание ученой степени кандидата психологических наук

Научный руководитель
доктор психологических наук,
доцент А. В. Микляева

Санкт-Петербург
2025

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О МАТЕРИНСТВЕ У ЖЕНЩИН, НЕ ИМЕЮЩИХ ДЕТЕЙ	14
1.1. Теория социальных представлений в работах отечественных и зарубежных исследователей	14
1.2. Материнство в социально-психологических исследованиях	33
1.3. Бездетность как предмет исследования социальной психологии	55
1.3.1. Терминология, классификация и научные подходы к исследованию бездетности	56
1.3.2. Социально-психологические характеристики женщин, не имеющих детей	70
Выводы по итогам главы 1	79
ГЛАВА 2. ОРГАНИЗАЦИЯ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ	84
2.1. Методы и методики исследования	84
2.2. Статистические методы обработки данных	100
2.3. Характеристика выборки исследования	102
2.4. Процедура исследования.....	110
ГЛАВА 3. РЕЗУЛЬТАТЫ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О МАТЕРИНСТВЕ У ЖЕНЩИН, НЕ ИМЕЮЩИХ ДЕТЕЙ	111
3.1. Структура и содержание социальных представлений о материнстве у женщин, не имеющих детей	111
3.2. Типы представлений женщин о материнстве	124
3.3. Социально-психологические характеристики личности женщин с разными типами представлений о материнстве	147

3.4. Социально-демографические и социально-психологические предикторы, влияющие на представления женщин о материнстве	174
Выводы по итогам главы 3	197
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	202
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	208
ПРИЛОЖЕНИЯ.....	255

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы диссертационного исследования связана со значительными трансформациями в области семейных ценностей и репродуктивного поведения. В современном мире заметен рост числа женщин, которые сознательно откладывают рождение детей или отказываются от материнства вовсе, при этом вопросы, связанные с негативными изменениями личности женщины после появления ребенка, отраженные в терминах «послеродовая депрессия», «девиантное материнство», «интенсивное материнство» и т.д., приобретает особую значимость как для науки, так и для общества.

В целом, актуальность данного исследования связана и с вызовами современности:

— во-первых, снижение рождаемости. Во многих странах, включая Россию, наблюдается устойчивое снижение рождаемости. Это связано с изменением приоритетов женщин, которые всё чаще выбирают карьеру, самореализацию и личную свободу вместо традиционной роли матери (Кудинов С.И., Ежова Н.А., 2011);

— во-вторых, экономические и социальные факторы. Нестабильность экономики, отсутствие доступного жилья и недостаточная поддержка со стороны государства также влияют на репродуктивные решения женщин (Соколовская Т.А. и др., 2022);

— в-третьих, современные женщины активно участвуют в общественной и профессиональной жизни, что приводит к переосмыслению традиционных представлений о материнстве как о главной женской роли (Клецина И.С., Иоффе Е.В., 2019).

Государственная политика России имеет пронаталистский характер, тем не менее, совокупный спад рождаемости в 2023 году составил 8-10 % от 2022 года (Гареева И.А., 2023). Однако важно отметить, что согласно демографическим прогнозам Росстата до 2046 года, рождаемость в период с 2023 по 2027 будет снижаться и начнет расти с 2028 года, суммарный

коэффициент рождаемости также начнет расти с 2023 года¹. Таким образом, политика государства направлена на стимулирование рождаемости, однако её эффективность может различаться в зависимости от причин, мотивов, представлений и других личностных характеристик, влияющих на решение женщин не иметь детей. Исследование же материнства через призму теории социальных представлений позволяет изучить разнообразие взглядов женщин на данную социальную роль.

Всё это делает актуальным дифференцированный подход к исследованию социально-психологических характеристик женщин, не имеющих детей. В современной психологической литературе данный вопрос раскрыт недостаточно. В большинстве работ бездетные женщины подразделяются на две большие категории: 1) «бездетные женщины, желающие иметь детей, но имеющие проблемы с фертильностью» (Гафизова Н.Б., Цалко Е.О., 2023; Тимченко Д.Д., 2024) и 2) «бездетные женщины, нежелающие иметь детей и не имеющие проблем с фертильностью» (Гараева Э.И., Костина, Н.Б., 2019). В рамках данного диссертационного исследования преимущественно рассматриваются психологические особенности женщин второй группы. Анализ отечественных исследований бездетных женщин показывает, что работы, направленные на поиск внутригрупповых различий в группе женщин, не имеющих детей и проблем с фертильностью, фактически отсутствуют. В основном, распространены труды, в которых добровольно бездетные женщины противопоставляются женщинам – матерям и женщинам, желающим иметь детей (Перова А.П., Кара Ж.Ю., 2020; Земзюлина И.Н., Северинова А.В., 2020; Козырева В.В., 2022), однако ещё в ранних зарубежных исследованиях, начиная с работ Дж. Э. Виверс, поднимался вопрос о неоднородности группы «добровольно бездетных» (Veevers J.E., 1973, 1980; Houseknecht S.K., 1977, 1979; Gillespie R., 1999), например, допускалась возможность изменения их позиции относительно деторождения (Gillespie R., 2003; Settle B., Brumley K., 2014), а также

¹ «Демографический прогноз до 2046 года», опубликованный Росстатом в 2023 году

целесообразность введения критерия идентификации с группой «добровольно бездетных» для распределения выборки (Neal J.W., Neal Z. P., 2021). Также важно учитывать, что репродуктивные стратегии могут меняться под воздействием внешних и внутренних факторов (Кочepasова А.Ю., 2020; Филиппова Г.Г., 2023).

Итак, в настоящее время существует тенденция рассматривать женщин, добровольно отказывающихся от рождения детей, как однородную группу, наделённую однополярными характеристиками, и противопоставлять её женщинам с другими родительскими статусами. Однако анализ литературы показал, что исследователи приходят к противоречивым результатам относительно социально-психологических особенностей добровольно бездетных женщин, что позволяет предположить неоднородность этой группы. Также важно отметить, что в настоящее время существует проблема ошибочного включения в группу «добровольно бездетных» женщин с другими родительскими статусами (Лысенко Т.А. и др., 2024), например, женщин, нерешительных или сомневающихся в вопросе материнства (Donath O. et al., 2022). Таким образом, важно выработать критерии дифференциации внутри самой группы добровольно бездетных женщин и критерии их отличий от женщин, также не имеющих детей, но занимающих другую позицию относительно деторождения (женщины, которые хотят иметь детей; женщины, нерешительные в вопросе материнства).

Следовательно, **проблема** исследования заключается в противоречии между распространённым в науке представлением о женщинах, не имеющих детей, как однородной группе и эмпирическими данными, указывающими на возможную неоднородность этой группы, что требует уточнения критериев их дифференциации.

Объект исследования – социальные представления о материнстве.

Предмет исследования – социальные представления о материнстве у женщин, не имеющих детей.

Целью исследования является изучение социальных представлений о материнстве у женщин, не имеющих детей.

Основная гипотеза исследования: социальные представления о материнстве у женщин, не имеющих детей, неоднородны и зависят от следующих факторов: планы относительно своего родительского статуса в будущем, возможность изменения своей позиции относительно деторождения, идентификация с социальной группой добровольно бездетных. **Частные гипотезы:** 1) женщины с разными типами представлений о материнстве различаются по таким социально-психологическим характеристикам, как социальные аксиомы, ценностные ориентации, моральные основания, мотивы избегания материнства, стиль семейного воспитания в родительской семье, семейные эмоциональные коммуникации в родительской семье; 2) представления женщин о материнстве определяются социально-демографическими и социально-психологическими предикторами.

Задачи исследования:

1. разработать теоретическую модель эмпирического исследования, характеризующую социально-психологические и социально-демографические характеристики социальных представлений о материнстве у женщин, не имеющих детей, на основе анализа отечественной и зарубежной литературы;
2. определить методики исследования и критерии распределения выборки;
3. проанализировать структуру и содержание социальных представлений о материнстве у женщин, не имеющих детей;
4. сравнить социально-психологические характеристики женщин с разными типами представлений о материнстве;
5. определить социально-демографические и социально-психологические предикторы, влияющие на представления женщин о материнстве.

Теоретико-методологическую основу исследования составили:

— теория социальных представлений (Московичи С., 1976, 1984, 1992, 1993, 2013) и структурный подход к исследованию социальных представлений (Абрик Ж.-К., 1971, 1993, 2003);

— социально-психологический подход к исследованию личности (Андреева Г.М., 2005, 2012, 2013);

— социально-психологический подход к исследованию феномена материнства (Филиппова Г. Г., 1999, 2002, 2017, 2022, 2023);

— подход к исследованию материнства через призму «межличностных отношений» (Бухтиярова И. Н., 2019).

Методы и методики исследования. Анкета была использована для распределения выборки на группы для дальнейшего исследования, анализа их социально-демографических характеристик, выявления уровня выраженности мотивов избегания материнства. Общий уровень дисфункций в родительской семье изучался с помощью методики «Семейные эмоциональные коммуникации», а стиль семейного воспитания при помощи методики «Стиль воспитания в родительской семье». Сокращенная версия методики «Опросник социальных аксиом» (ОСА-31) была использована для исследования социальных аксиом, методика «Ценностный опросник» был использован для определения ценностных ориентаций, а методика «Опросник моральных оснований» для изучения моральных оснований. Также был использован ассоциативный метод для выявления ассоциаций на стимульное слово «материнство» и фокус-группа, результаты которой легли в основу подбора инструментов для исследования и уточнения критериев для распределения выборки.

Характеристика выборки исследования. Всего в исследовании приняли участие 512 человек, из них 123 человека – добровольно бездетные женщины, заявившие о неизменности своей позиции ² (средний возраст

² Здесь и далее под добровольно бездетными женщинами, заявившими о неизменности своей позиции, будут пониматься женщины, заявившие, что желают навсегда оставаться бездетными и

26±0,16), 117 человек – добровольно бездетные женщины, заявившие о возможном изменении своей позиции,³ (средний возраст 24±0,23), 169 человек – бездетные женщины, желающие иметь детей и заявившие о неизменности своей позиции ⁴ (средний возраст 23±0,59), 103 человека – бездетные женщины, нежелающие иметь детей, но заявившие о возможном изменении своей позиции и не идентифицирующие себя с группой добровольно бездетных ⁵ (средний возраст 25±0,75). Всем опрашиваемым на момент исследования исполнилось 18 лет, детей нет. Женщины первой группы обозначены как добровольно бездетные женщины с неизменной позицией, женщины второй группы – добровольно бездетные женщины с возможностью изменения позиции, женщины третьей группы – бездетные женщины с неизменной позицией, женщины четвертой группы – бездетные женщины с возможностью изменения своей позиции.

Научная новизна исследования заключается в том, что обозначена неоднородность социальных представлений о материнстве в группе женщин, не имеющих детей, а также предложена их авторская типология. Определены специфические различия в социально-психологических характеристиках личности женщин, обозначены социально-психологические и социально-демографические предикторы, влияющие на представления женщин о материнстве. На основании анализа типа представлений, а также социально-психологических и социально-демографических характеристик разработаны рекомендации по консультированию женщин по вопросам материнства.

отметившие неизменность данной позиции и при этом идентифицирующие себя с социальной группой добровольно бездетных

³ Здесь и далее под добровольно бездетными женщинами, заявившими о возможном изменении своей позиции, будут пониматься женщины, отметившие, что желают оставаться бездетными, но отметившие возможность изменения своей позиции и при этом идентифицирующие себя с социальной группой добровольно бездетных

⁴ Здесь и далее под группой бездетных женщин, желающих иметь детей и заявивших о неизменности своей позиции, будут пониматься женщины, заявившие о желании иметь детей и не идентифицирующие себя с социальной группой добровольно бездетных

⁵ Здесь и далее под бездетными женщинами, нежелающими иметь детей, но заявившие о возможном изменении своей позиции и не идентифицирующие себя с группой добровольно бездетных будут пониматься женщины, заявившие, что желают оставаться бездетными, но отметившие возможность изменения своей позиции и при этом не идентифицирующие себя с социальной группой добровольно бездетных

Теоретическая значимость заключается в систематизации данных о социальных представлениях о материнстве у женщин, не имеющих детей. Определены критерии дифференциации группы добровольно бездетных женщин на подгруппы: планы относительно своего родительского статуса в будущем, возможность изменения своей позиции относительно деторождения, идентификация с социальной группой добровольно бездетных. Уточнено содержание понятия «добровольно бездетные женщины» и предложено его новое определение, отражающее логику исследования, согласно которому добровольно бездетные – женщины, осознанно принявшие решение оставаться бездетными и идентифицирующие себя как представителей данной социальной группы. Особое внимание уделено группе женщин, не идентифицирующих себя с группой «добровольно бездетных», но при этом нежелающих иметь детей и допускающих возможность изменения данной позиции в будущем.

Практическая значимость исследования заключается в следующем:

— во-первых, результаты исследования могут быть использованы для разработки программ психологической и социальной поддержки женщин с разными типами представлений о материнстве, а также для разработки программы психологического консультирования женщин по вопросам материнства;

— во-вторых, материалы данного исследования могут быть использованы в профессиональной подготовке психологов в рамках учебных дисциплин, посвященных проблемам психологии семьи;

— в-третьих, материалы работы могут быть использованы в создании образовательных программ и комплектации тренинговых групп, направленных на профилактику негативных родительских сценариев молодёжи (откладывание появления детей и т.д.).

Положения, выносимые на защиту:

1. Социальные представления о материнстве у женщин, не имеющих детей, неоднородны и зависят от планов относительно своего

родительского статуса в будущем (желание иметь детей в будущем / нежелание иметь детей в будущем), возможности изменения позиции относительно деторождения и идентификация с социальной группой добровольно бездетных (или отсутствия такой идентификации).

2. Существует шесть типов представлений о материнстве: 1) материнство как бремя; 2) материнство как трудность; 3) материнство как испытание; 4) материнство как опека; 5) материнство как призвание; 6) материнство как ответственность.

3. В группе добровольно бездетных женщин, заявивших о неизменности своей позиции и идентифицирующих себя с группой добровольно бездетных, чаще всего встречаются представления о материнстве как о бремени; в группе добровольно бездетных женщин, заявивших о возможном изменении своей позиции и идентифицирующих себя с группой добровольно бездетных — как об опеке; в группе бездетных женщин, желающих иметь детей и заявивших о неизменности своей позиции и не идентифицирующих себя с группой добровольно бездетных — как о призвании; в группе бездетных женщин, нежелающих иметь детей, но заявивших о возможном изменении своей позиции и не идентифицирующих себя с группой добровольно бездетных — как об испытании.

4. Представления женщин о материнстве определяются социально-демографическими и социально-психологическими предикторами: представления о материнстве как о бремени формируют многодетность в родительской семье, неполная родительская семья, социальная аксиома «награда за усилия», ценности конформности, стимуляции, гедонизма, традиций, мотивы избегания материнства «обида на родителей», «воспоминание о детских потрясениях и кризисах», «желание построить успешную карьеру и занять высокую должность», «желание сохранить здоровье и неготовность жертвовать здоровьем ради вынашивания и рождения ребенка», «страх родить больного ребенка»; как о трудности — позиция младшего/единственного ребенка в семье, отсутствие/получение

образования, более старший возраст, ценность гедонизма, позиция младшего/единственного ребенка в семье, мотив избегания материнства «отсутствие уверенности в «завтрашнем дне»; как об испытании – моральное основание «уважение к авторитету», социальная аксиома «социальная сложность», ценности самостоятельности, доброты, традиций, власти, мотивы избегания материнства «отсутствие уверенности в «завтрашнем дне», «страх остаться одной с ребенком без поддержки со стороны близких людей»; как об опеке — неполная родительская семья, ценности достижения, безопасности, власти, конформности, мотивы избегания материнства «невозможность обеспечить ребенку достойный уровень материального благополучия», «отталкивающее поведение детей (крики, шум, плач)», «отсутствие уверенности в «завтрашнем дне», «нежелание обрекать ребенка на морально-нравственные и душевные страдания»; как о призвании — позиция младшего/единственного ребенка в семье, социальная аксиома «социальная сложность», ценность доброты, мотив избегания материнства «страх воспитать ребенка, не соответствующего идеальным представлениям о нем»; как об ответственности — ценности универсализма, доброты, гедонизма, конформности, мотивы избегания материнства «отсутствие уверенности в «завтрашнем дне», «страх остаться одной с ребенком без поддержки со стороны близких людей», «нежелание обрекать ребенка на морально-нравственные и душевные страдания».

Апробация результатов исследования: результаты исследования обсуждались на заседаниях кафедры общей и социальной психологии института психологии Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. Основные положения были представлены на XVIII Всероссийской Парыгинской научно-практической конференции (с международным участием) «Проблемы социальной психологии и социальной работы» (СПбГУП, Санкт-Петербург, 2023), Международной научно-практической конференции «Этнопсихологические и кросс-культурные проблемы и ресурсы становления многополярного мира (восточный и

западный подходы)» (ИГУ, Иркутск, 2023), XIX Всероссийской Парыгинской научно-практической конференции (с международным участием) «Проблемы социальной психологии и социальной работы» (СПбГУП, Санкт-Петербург, 2024), Всероссийской научной конференции «XVIII Ковалевские чтения. Социология в меняющемся мире: теория, практика, образование» (СПбГУ, Санкт-Петербург, 2024), XXII Всероссийской научно-практической конференции «Реклама и PR в современной России: современное состояние и перспективы развития» (СПбГУП, Санкт-Петербург, 2025), XX Всероссийской Парыгинской научно-практической конференции (с международным участием) «Проблемы социальной психологии и социальной работы» (СПбГУП, Санкт-Петербург, 2025); XXIX Международной научно-практической конференции молодых ученых «Психология XXI века: человек и мир» (СПбГУ, Санкт-Петербург, 2025), Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Дети и молодежь в системе современной семейной политики: направления и механизмы реализации» (СЗИУ РАНХиГС, Санкт-Петербург, 2025), Международной научной конференции «Ананьевские чтения — 2025. Забота о будущем: психическое здоровье и ранняя помощь ребенку и семье» (СПбГУ, Санкт-Петербург, 2025), VIII Международной научно-практической конференции «Герценовские чтения: психологические исследования в образовании», посвященной 100-летию психологической подготовки в Герценовском университете (РГПУ им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, 2025).

Структура диссертации: диссертация состоит из введения, трёх глав, двух выводов, заключения, списка литературы, приложений. Список литературы включает 375 источников (в том числе 89 – на иностранных языках). Основной текст и список литературы составляют 254 страницы. В работе имеются 38 таблиц, 2 рисунка, 3 приложения.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О МАТЕРИНСТВЕ У ЖЕНЩИН, НЕ ИМЕЮЩИХ ДЕТЕЙ

1.1. Теория социальных представлений в работах отечественных и зарубежных исследователей

В данном параграфе представлен теоретический анализ различных подходов и методов исследования социальных представлений. Обосновывается выбор структурного подхода Ж.-К. Абрика как методологической основы исследования.

Согласно Doise существуют четыре уровня объяснения социально-психологических феноменов: (Doise W., 1986): интраиндивидуальный, интериндивидуальный, позиционный и идеологический; теория социальных представлений достигает самого высокого уровня объяснения, позволяя затрагивать предыдущие уровни. В целом, в рамках европейской социальной психологии сформировались два основных направления – психологическая социальная психология и социологическая социальная психология. По мнению R.M. Farra, первая представлена в теории социальной идентичности Тэдшфела, Тернера и их последователей, «вторая – в теории социальных представлений С. Московичи (Farr R.M., 1996). Начиная с 1950-х годов, были предприняты попытки создать единую социальную психологию, и теорию социальных представлений можно считать результатом этих стремлений. Так, по мнению ряда исследователей, возникновение теории социальных представлений, во-первых, стало ответом на кризис американского подхода и, во-вторых, попыткой преодоления дихотомии между психологическим и социологическим подходами к человеческому поведению (Бовина И.Б., 2010).

В целом, точкой отсчета теории социальных представлений можно считать 1961-й год, когда была опубликована диссертационная работа С.

Московичи «Психоанализ: его образ и публика» (Бовина И.Б., Мельникова Д.В., Лаврешкин Н.В. и др., 2022). В концепции С. Московичи данная теория структурирована и определена как знание большинства (Гуриева С.Д., Виноградова Я.Е., 2019).

Очевидно, что у теории социальных представлений существует ряд интеллектуальных источников, в первую очередь, это идеи Э. Дюркгейма, также следует отметить труды В. Вундта, П. Леви-Брюля, Дж. Мида, Л.С. Выготского, Ж. Пиаже и др. Прежде чем перейти к анализу концепции С. Московичи, рассмотрим мысли каждого из исследователей более подробно.

Идеи Э. Дюркгейма о выделении общества как единицы исследования нашли свое отражение в теории «социального реализма», что, по мнению Т.П. Емельяновой, является исходной точкой для современных психологов-исследователей (Емельянова Т.П., 2016). В работе «Методы исследования» Э. Дюркгейм рассматривает теорию «социального реализма», подчеркивая, что индивиды, взаимно дополняя друг друга, создают что-то, что представляет собой психическую индивидуальность иного рода (Подвойский Д.Г., 2004). Выделяя индивидуальный и коллективный тип сознания, ученый подчеркивал, что первый тип характеризует человека как индивидуальность, а второй - является общим для определенной социальной группы, выражающейся в коллективных представлениях. Для отображения процесса принуждения индивида обществом, Э. Дюркгейм говорит о «социальном факте» как о том, что существует в обществе независимо от отдельных индивидов; таким образом, у индивида, постоянно испытывающего давление извне в виде определенных норм и правил, формируется система «внутреннего принуждения».

П. Леви-Брюль разделял идею Э. Дюркгейма о существовании «коллективных представлений» и определял их как то, что передается из поколения в поколение, пробуждая в индивидах определенные аффективные состояния (Верстин И.С., 2013). Однако П. Леви-Брюль ставил перед собой задачу не просто проанализировать коллективные представления, а доказать

изменчивость мышления, выявить особенности мышления людей различных типов культур, а также определить особенности первобытного (дологического) мышления и научного мышления. Он пришел к выводу о том, что в мышлении первобытного человека нет причинно-следственных связей, оно подчинено «эмоциональному заражению», не отделено от мифов и легенд и имеет слабую чувствительность к противоречиям. Таким образом, огромную роль в существовании первобытного человека играет не его личный опыт, а общественные верования и традиции. Несмотря на то, что мышление современного человека более обособлено, дологическое мышление не исчезло, а продолжает сосуществовать вместе с научным (Дамте Д., 2022).

Исследования Ж. Пиаже и Л. С. Выготского в рамках развития детского интеллекта, как уже было отмечено ранее, также повлияли на идеи С. Московичи (Jodelet D., 2008). Вопрос об «эгоцентрической речи» у детей был основным вопросом в дискуссии между Ж. Пиаже и Л. С. Выготским, и, если для Ж. Пиаже главной особенностью эгоцентрической речи было то, что это речь со своей точки зрения, то для Л. С. Выготского – это речь для себя (Обухова, Л.Ф., 2016). С. Московичи, изучив работы предшественников о развитии ребенка, при исследовании сознания взрослых людей отмечал, что изучение наших представлений о себе и об окружающем мире ведет нас к более общему представлению о связи между возрастной и социальной психологией (Moscovici S., 1984).

В работах Дж. Мида можно выделить идею о том, что любую психологическую деятельность нельзя отделять от социальной реальности, так как Я – нечто развивающееся, которое не дано с момента рождения, а развивается в процессе включения индивида в систему общественных отношений (Мид Дж., 1998). Следует отметить, что идеи Дж. Мида долгое время оставались непризнанными американскими психологами по нескольким причинам: во-первых, он утверждал, что формирование индивида невозможно без общества, во-вторых, согласно его идеям,

общество стоит над индивидом, а не наоборот, что не отражало методологию американских психологов 20-х годов XX века.

С. Московичи указывал на достижения французской социологической школы и, в частности, опирался на работы П. Леви-Брюля и Э. Дюркгейма в определении теории социальных представлений, однако отмечал, что социальная психология должна рассматривать данный вопрос в другом ракурсе, отличном от социологии (Московичи, 2000). Таким образом, несмотря на значительный вклад социологов в вопрос о представлениях как таковых, С. Московичи предложил отойти от термина «коллективные представления», так как, во-первых, данный термин охватывает слишком широкий круг знаний и верований, а, во-вторых, XX век, по мнению С. Московичи, это «век толп» (Московичи, 2011), отличающийся от традиционного общества. Таким образом, коллективные представления Э. Дюркгейма являлись статическими и отражали традиционное общество, в то время как социальные представления являются динамическими, отражающими состояние современного общества (Бовина И.Б., 2010).

Важно указать, что в своих работах С. Московичи поднимает вопрос о разумности (научности) современного человека. Он приходит к выводу о том, что люди по-прежнему усваивают то поведение и те знания, которые отражали бы их внутренние привычные убеждения, т.е. предпочитают видеть не объективный мир, какой он есть на самом деле, а, по мнению Т.П. Емельяновой, предпочитают смотреть сквозь призму своих желаний и интересов (Емельянова Т.П., 2016). Именно исследование социальных представлений, считает С. Московичи, способно помочь обнаружить причины искажения в мышлении людей через исследование процесса коммуникации и практику социальных групп.

Далее следует отметить несколько важных аспектов в трактовке социальных представлений в теории С. Московичи. Во-первых, он определяет социальные представления как систему понятий, образов и чувств, которые разделяются между членами общества (Московичи, 1988),

имеющих двоякую функцию: 1) возможность ориентироваться в материальном и социальном мире, позволять человеку овладевать ими; 2) возможность выстраивать коммуникацию между членами общества.

Результаты анализа отечественных и зарубежных источников позволили выделить следующие функции социальных представлений (таблица 1):

Таблица 1

Функции социальных представлений на основе анализа отечественных и зарубежных работ

Авторы	Функции социальных представлений
Т. П. Емельянова	1) сохранение стабильности, устойчивости индивидуальной или групповой когнитивной структуры; 2) детерминация поведения 3) адаптация внешних социальных фактов, введение их в строй духовной жизни коллективного субъекта (Донцов А.И., Емельянова Т.П., 1984)
Т. П. Емельянова	1) познавательная; 2) функция устойчивости индивидуальной или групповой когнитивной структуры; 3) адаптационная функция; 4) функция опосредования поведения; 5) упрощение социального общения (Емельянова Т.П., 2016)
И.Б. Бовина Т.Г. Стефаненко О.А. Тихомандрицкая и др.	1) трансформация чего-то неизвестного и зловещего – в известное; 2) облегчение осуществления коммуникаций; 3) регуляция поведения индивидов и оправдание их социальных отношений (Бовина И.Б., Стефаненко Т.Г., Тихомандрицкая О.А. и др., 2010)
О. Е. Баксанский	1) социальное представление есть инструмент познания 2) социальное представление опосредует поведение членов различных групп исходя из норм 3) социальное представление адаптируют совершающие события, наблюдаемые явления к уже сформировавшимся взглядам (Баксанский, 2002)

К. А. Абульханова	1) укрепление когнитивной сферы; 2) регулирование межличностных отношений; 3) функция адаптации (К. А. Абульханова, 2002)
Л. Г. Почебут	1) когнитивная функция; 2) интеграции нового; 3) интерпретация реальной действительности; 4) ориентация поведения и социальных отношений (Почебут Л.Г., 2016)
Д. Жоделе	1) интеграция новизны; 2) интерпретация реальности и ориентация поведения; 3) конституирование социальной реальности и социальных порядков; 4) оператор политических и социальных трансформаций; 5) символическое посредничество, поддерживающее социальную идентичность и социальные связи; 6) моделирование чувств и практик в массовой культуре (Jodelet D., 1984)

Социальные представления являются важным элементом групповой активности, позволяющей облегчить процесс взаимодействия между группами (Емельянова Т.П., 2016). Проанализировав функции социальных представлений, следует отметить, что многие из них связаны с поведением; так, в многочисленных экспериментах вне зависимости от школы исследователей (Jodelet D., 1984; Abric J.C., 1971; Doise W, 1972), было установлено, что смыслы, входящие в социальные представления, имеют связь с поведением (Виноградова Я.Е., 2023).

Во-вторых, «социальные представления рассматриваются как специфическая форма социального знания, соединяющего в себе понятийный и образный компоненты» (Бовина И.Б., Дворянчиков Н.В., 2020).

В-третьих, С. Московичи выделял следующие типы социальных представлений: руководящие, эмансипированные и полемические (Moscovici S., 1976), которые выражаются в разной степени свободы индивида в

формировании своих собственных представлений. Он отмечает, что в современном обществе каждая социальная группа стремится к выработке и легитимизации своего понимания окружающего мира, то есть к формированию своего аппарата смыслов, через призму которых можно этот мир воспринимать. Это, в свою очередь, может приводить и к различным конфликтам, так как если в традиционном обществе общепризнанная власть являлась источником консолидации общества, то теперь у каждой группы есть возможность занять свое главенствующее положение. Такое противоречие можно заметить в современной России относительно вопросов семьи и материнства. В настоящее время деятельность государства носит пронаталистский характер (Новкунская А.А., Сергеев Е.В., 2023), то есть поощряет рождаемость и направлена на формирование позитивного образа материнства.

В настоящее время можно выделить несколько подходов к классификации направлений изучения социальных представлений. Традиционно в литературе принято рассматривать три основных подхода: «структурный подход Ж.-К. Абрика (школа Экс-ан-Прованса), подход Д. Жоделе (Парижская школа), динамический подход В. Дуаза (Женевская школа)» (Бовина И.Б., 2010; Jodelet D., 2012; Скрипкина Т.П., 2022; Виноградова Я.Е., 2023).

Структура, предложенная Ж. К. Абриком, отличается от структуры социальных представлений С. Московичи. Структура социальных представлений по С. Московичи включала в себя следующие элементы: 1) информация, 2) «поле представления» 3) установка (Moscovici S., 1992). Информация содержит необходимые знания об объекте для формирования будущих представлений, «поле представления» выражает организацию содержания представлений, в установке же отражается отношение к объекту представления. Ж. К. Абрик предлагает выделить следующие элементы в структуре социальных представлений: 1) центральное ядро, 2) периферическая система (Abric J.C., 1993). Так, центральное ядро является

устойчивой и стабильной частью социальных представлений, в нём отражается коллективная память группы, в то время как периферическая система характеризуется как изменчивая часть (Abric J.C., 2003). Любые изменения в центральном ядре приводят к изменениям самого социального представления, а изменения в периферической системе – нет, однако, благодаря этому, у человека есть возможность быстрее адаптироваться к переменам. И. Б. Бовина с коллегами отмечают, что при исследовании социальных представлений в рамках структурного подхода необходимо «выявить и проанализировать структуру представления, его ядро» (Бовина И.Б., Стефаненко Т.Г., Тихомандрицкая О.А. и др., 2010). Также важно отметить функции ядра: 1) ядро определяет структуру представлений (Бовина И.Б., 2010); 2) ядро создаёт целостную когнитивную систему, генерирует смыслы (Moscovici S., 1984); 3) ядро связано с коллективным сознанием (Абульханова-Славская К. А., 2002); 4) ядро выполняет стабилизирующую функцию и связано с коллективной памятью (Донцов А.И., Емельянова Т.П., 1984); 5) ядро устойчиво и играет роль в формировании группового консенсуса, связано с коллективными ценностями (Бовина И.Б., 2010). Таким образом, трансформация социальных представлений в рамках структурного подхода происходит тогда, когда происходят изменения в его центральном ядре. Подход Ж. К. Абрика критиковался представителями других школ. Например, родоначальник Женевской школы В. Дуаз отмечал, что данный подход создаёт иллюзию внеконтекстного существования социальных представлений (Doise W., 1992, с. 189). Тем не менее, идеи Ж. К. Абрика нашли своё отражение в технике прототипического анализа П. Вержеса, позволившей разделять ассоциации на 4 области (Verges P., 1994).

Также говоря о структуре и динамике социальных представлений, следует рассмотреть современную теорию «коллективного коупинга» В. Вагнера, который выступал за разъединение теории социальных представлений и социального когнитивизма. Он отмечал, что «представление

– это социальные процессы, вовлеченные в репрезентирование, а представления – это образы, метафоры, изображения как результаты этого процесса» (Емельянова Т.П., 2016), поэтому возможно изучение структуры и динамики этих представлений.

Согласно подходу, предложенному Д. Жоделе (Парижская школа), изучение социальных представлений должно быть интегрируемым, т.е. включать в себя не только социальные отношения, «но и материальную, социальную и воображаемую реальность, которые оказывают влияние на представления» (Бовина И.Б., 2010). Также вслед за С. Московичи, Д. Жоделе отмечает роль социальной коммуникации в формировании представлений и пишет о непосредственной взаимосвязи социальной психологии и социолингвистики (Jodelet D., 1989). Д. Жоделе выделял пять фундаментальных характеристик социальных представлений: 1) это всегда представление объекта; 2) обладает картой-образом и свойством обмениваться чувственным и идеей, восприятием и понятием; 3) носит символический и значимый характер; 4) носит конструктивный характер; 5) имеет автономный и творческий характер (Jodelet D., 1984).

В рамках данного подхода также рассмотрим теорию «социальной репрезентации» и концепцию «здорового смысла», встречающиеся во всех социальных науках.

Теория «социальной репрезентации», по мнению Д. Жоделе, является точкой пересечения психологического и социального (Jodelet D., 1984). Автор определяет социальные репрезентации как «сложные явления, включающие социальные, культурные, когнитивные, психические, эмоциональные и воображаемые измерения» (Jodelet D., 2012, с. 17).

Затем Д. Жоделе выделяет несколько основных подходов к определению репрезентации:

1) Первый подход (Abric J.C., 1971) ограничивается чисто познавательной деятельностью, посредством которой субъект конструирует

свое представление. Экспериментальные исследования репрезентаций чаще всего происходят в рамках данного подхода.

2) Второй подход (Herzlich C., 1969) делает акцент на существенных аспектах деятельности. Социальный характер репрезентации возникает из использования систем кодирования и интерпретации, предоставляемых обществом, или из проекции социальных ценностей и стремлений; в этом подходе представление также является выражением конкретного общества.

3) Третий подход (Doise W., 1972) базируется на видении того, что развитие взаимодействий между группами изменяет представления членов о себе, своей группе, других группах и своих членах (Jodelet D., 1984).

Концепция «здорового смысла» является новаторской (Jodelet D., 2012) и воспринимается как результат социальных и интерактивных процессов и как новая форма знания, слово, относительно неизвестное социальной психологии (Peritane A., 2008). Новаторский характер базируется на трех основных моментах: 1) ориентация на мышление, основанное на здоровом смысле; 2) конституирование реальности и 3) сложность.

Д. Жоделе подчеркивал следующие новаторские идеи С. Московича в вопросе специфики социальной психологии познания: 1) соответствие между организацией социальных отношений и социальными представлениями, что отличалось от социологии знания, 2) комплексный подход, охватывающий широкий спектр коммуникативных форм; в результате была разработана аналитическая модель коммуникационных систем, 3) анализ взаимоотношений познавательных процессов и социального взаимодействия, что позволило разработать интегративную модель социального мышления (Jodelet D., 2012).

Основной заслугой подхода В. Дуаза (Женевская школа) стало следующее: 1) постарался объяснить, как индивидуальное сознание человека сосуществует с коллективным сознанием, 2) настаивал на рассмотрении социальных представлений не как чего-то, что существует само по себе, а как на объективной реальности, проявляющейся в человеческих отношениях

(Скрипкина Т.П., 2023). Он выделял две взаимодействующие когнитивные системы: 1) операциональная система, работающая на основе ассоциаций и занимающаяся поиском различий и т.д., 2) нормативная система, контролирующая и отбирающая материал по определенным правилам (Емельянова Т.П., 2016). В. Дуаз вводит два важных термина: 1) «организующая метасистема», которая представляет, контролирует и отбирает материал; таким образом, индивидуальное сознание индивида «перерабатывается» (Емельянова Т.П., 2001) и 2) «анкеровка», под которым понимается запечатлевание объективной реальности. Таким образом, любая деятельность индивида подтверждена определенному «фильтру», помогающему выстраивать жизнь человека в русле определенных логических правил, и, несмотря на то что социальные представления, так или иначе, обозначены различными человеческими мнениями, сохраняется возможность вычленить общие для человеческих групп принципы. Также акцент на отношениях социальных репрезентаций с межгрупповым и внутригрупповым взаимодействием привел к сложному анализу, в котором переплелись детерминанты социального базиса и когнитивные аспекты социальных репрезентаций (Jodelet D., 2012).

Более современный вариант подходов теории социальных представлений был предложен Р. Moliner и G. Guimelli в 2015 году: социогенетический подход (С. Московичи), структурный подход Ж.-К. Абрика, динамический подход В. Дуаза и диалогический подход И. Марковой (Moliner P., Guimelli G., 2015). Некоторые из предложенных подходов были проанализированы нами ранее, поэтому рассмотрим более подробно социогенетический подход С. Московичи и диалогический подход И. Марковой.

Социогенетический подход С. Московичи характеризуется пониманием того, что в каждой культуре есть точки напряжения, слома, в результате которых возникают новые социальные представления. В рамках данного подхода следует выделить два термина, благодаря которым, как считал С.

Московичи, и происходит возникновение социальных представлений: «якорение» и «объективация» (Moscovici S., 1984; Бовина И.Б., Мельникова Д.В., Лаврешкин Н.В. и др., 2022). Так, сталкиваясь с чем-то ранее неизвестным, человек будет стремиться к тому, чтобы встроить эти новые категории в уже имеющуюся систему, параллельно классифицируя и конкретизируя их. Данный аспект можно заметить при категоризации пугающих и непонятных объектов (неизвестные заболевания, представители аут-групп и т.д.), что отражает одну из основных функций социальных представлений – трансформация неизвестного в известное; данный этап называется «якорением». С «якорением» социальное представление становится полезным инструментом для интерпретации реальности и действий в соответствии с ним. Следующий этап, этап «объективации», необходим для того, чтобы перенести то, что существует в сознании в физический мир, то есть конкретизировать абстрактный объект. Оба процесса («якорение» и «объективация») действуют одновременно и усиливают друг друга, после чего социальное представление становится эталонной теорией для понимания реальности. Всё это необходимо для того, чтобы снять с субъекта напряжение, поставив под контроль существующую реальность.

Далее считаем целесообразным рассмотреть такие современные термины как «темата» и «когнитивная полифазия» (Бовина И.Б., 2010; Казанцева Е.В., Липовая О.А., 2019; Емельянова Т.П., Исраелян Т.В., 2021; Хорошилов Д.А., 2022). И. Б. Бовина пишет, что под «тематой» подразумевается «первоидея, которая порождает новые аксиомы в эволюции наших представлений о мире» (Бовина И.Б., 2010, с. 11). Так, «якорение» социальных представлений достигается путём связки с семантической «тематой», выполняющей роль регулятора в оформлении социальных представлений (Казанцева Е.В., Липовая О.А., 2019).

С. Московичи предполагал, что у каждого социального представления есть три измерения, которые необходимо изучать для понимания содержания

и значения представлений; он выделял три измерения: 1) отношение, 2) информация, 3) поле репрезентации (Емельянова Т.П., 2016).

1) Отношение относится к связям, которые устанавливаются вокруг объекта, транслируя выбор, опыт и ценности, которые ему социально приписывают; данное измерение связано с аффективно-когнитивной природой человека (Vala J., 1993).

2) Информационное измерение соответствует организации знаний субъектов о представляемом объекте. Если у группы нет никакой информации об объекте, то данное измерение не будет отражено в их представлениях (там же).

3) Поле репрезентации представляет собой иерархию элементов представления (Смирнова И.В., 2013), в котором находят свои отражения знания, ценности, нормы человека, проистекающие из межличностного взаимодействия (Саликова Э.М., 2020).

Диалогический подход И. Марковой (2003) позиционируется как «теория социального знания» (Бовина И.Б., Дворянчиков Н.В., 2020). Данный подход является одной из альтернатив исследования мышления и базируется на понимании того, что «человеческое мышление производит себя во взаимодействии людей» (Боброва Л.А., 2012). В основе диалогического подхода лежит концепция диалогического общения М. М. Бахтина и социогенетическая теория С. Московичи. Данная модель обеспечивает динамическую концепцию социально разделяемого знания, предполагая, что в коммуникативном взаимодействии Эго и Alter сближаются не общим проектом, а диалогическим напряжением (Markova I., 2003), возникающим в результате деятельности различных сил; Alter всегда вмешивается в отношения между Эго и Объектом, каждый полюс триады эмпирически реализуются в различных формах. Результатом диалогического процесса являются общие знания, отмеченные историческими, культурными и риторическими характеристиками и представляющие противоречивые и спорные аспекты (Jodelet D., 2012).

Анализ отечественных публикаций продемонстрировал, что за период 2017-2021 гг. было опубликовано 3700 статей, отсылающих к теории социальных представлений (Гуриева С.Д., Виноградова Я.Е., 2021). И. Б. Бовина отмечает, что изменение общественных интересов приводит к появлению новых форм коммуникации, и, в конечном итоге, к новым социальным представлениям, а различия между культурами и обществами непосредственно связаны с внедрением социальных представлений в окружающую человека реальность (Бовина И.Б., 2010).

Результаты анализа отечественных и зарубежных источников позволили выделить следующие методы исследования социальных представлений (таблица 2):

Таблица 2

Методы исследования социальных представлений на основе анализа
отечественных и зарубежных работ

Метод исследования	Описание метода	Специфика метода
Опросные методы (анкета и интервью)	Метод опроса в рамках исследования социальных представлений соответствует установленной методологии его проведения	Данный метод направлен на выявление содержаний социальных представлений, что позволяет фиксировать вербальные и иконические данные (Бовина И.Б., Дворячников Н.В., Мельникова Д.В. и др., 2022)
Ассоциативный эксперимент (П. Вержес)	Данный метод является проективным, позволяющим выявлять бессознательные проявления в отличие от опросных методов (Лемиш В.В., 2022). Испытуемому даётся стимульный материал, подходящий исследуемому феномену; как правило, в инструкции есть ограничения в количестве ассоциаций, которые должен дать опрашиваемый для упрощения работы по интерпретации полученных результатов	Данный метод направлен на определение поля социальных представлений (Пономарёв А.В., 2016; Гуриева С.Д., Виноградова Я.Е., 2021)
Прототипический анализ (П. Вержес)	Данная техника была разработана в рамках структурного подхода Ж-К. Абрика, базирующаяся на теории ядра и периферии. Техника прототипического анализа П. Вержеса позволяет разделять ассоциации на 4	Позволяет отследить динамику и зону потенциальных изменений социальных представлений (Шалаева Н.Ю., Садран С., 2015; Гуриева С.Д., Виноградова Я.Е., 2021).

	области (Verges P., 1994). Рассмотрена нами более подробно в гл. 2, ч. 2.2.	Позволяет получить структуру социальных представлений, тем не менее, носящей гипотетический характер без дополнительных проверок (Бовина И.Б., 2022). Проблемы связаны с методологической неопределенностью, например, с «контролем центральности» (Емельянова Т.П., 2016). В работе применяются специально разработанные методики для проверки гипотез об иерархии социальных представлений: 1) методика сомнений П. Молинер, 2) тест независимости от контекста, 3) умозаключение на основе двусмысленного сценария П. Молинер и т.д. (Бовина И.Б., Дворянчиков Н.В., Мельникова Д.В. и др., 2022).
Шкалирование (Ж.К-Абрик).	Данный метод в России был апробирован Т. П. Емельяновой; с применением данного метода были исследованы такие феномены как справедливость, бедность, предпринимательство, качество жизни в мегаполисе, зависимость политических предпочтений испытуемых от их принадлежности к различным социальным и социально-психологическим группам общества (Емельянова Т.П., 2015) Расчет коэффициента позитивных оценок для каждого явления из списка ТСР (i) производится по следующей формуле: $ТСР(i) = 100 \frac{n(4) + n(5)}{N}$ где n(4) — число ответов «значительная степень» по шкалам опросника, n(5) — число ответов «очень значительная степень», N — общее число ответов (Емельянова Т.П., 2015)	Данный метод направлен на определение ядра и периферии социальных представлений, он также позволяет определить направленность представлений (Гуриева С.Д., Виноградова Я.Е., 2021)
Метод компонентной структуры	Данный авторский метод представлен в работе С.Д. Гуриевой С.Д. и М.М.Борисовой; он позволяет изучать социальные представления в рамках эмоционального, когнитивного и поведенческого аспектов (Гуриева С.Д., Борисова М.М., 2017)	Данный метод позволяет анализировать и соотносить элементы и компоненты структуры представления группы (Гуриева С.Д., Виноградова Я.Е., 2021)

Наблюдение	Метод наблюдения в рамках исследования социальных представлений соответствуют методологии проведения научного наблюдения	Метод наблюдения используется в совокупности с другими методами, например, в исследовании безумства во Франции D. Jodelet помимо наблюдения также использует анализ документов и интервью (Jodelet D., 1991).
Контент – анализ	Метод контент-анализа в рамках исследования социальных представлений соответствуют методологии проведения контент-анализа	Метод контент-анализа часто используется в совокупности с другими методами, например, метод неоконченных предложений, что позволяет более комплексно подходить к исследованию изучаемых феноменов (Тертышникова А.Г., 2012)
Эксперимент	Эксперименты в рамках исследования социальных представлений соответствуют методологии проведения эксперимента. Первые исследования в рамках теории социальных представлений велась посредством лабораторного эксперимента (Емельянова Т.П., 2016). Начиная с 1960-х годов, данный метод в исследовании групповых процессов и феноменов набирает популярность	Эмпирическое изучение социальных представлений можно условно разделить на три направления: 1) исследование малых групп, 2) исследование межгрупповых отношений, 3) исследование больших групп. В первых двух случаях применяется лабораторный эксперимент (Тертышникова А.Г., 2012). Популярны экспериментальные работы по изучению репрезентации (Abric J.C., 1971, (Jodelet D., 2012), а также по изучению внутригрупповых и межгрупповых аспектов (Doise W., 1972). Отдельно следует отметить эксперимент С. Московичи, направленный на исследования влияния меньшинства на мнение большинства (1969). Благодаря данному эксперименту появилась концепция социального влияния активного меньшинства. Концепция социальных представлений дала новый импульс для лабораторных исследований (Емельянова Т.П., 2016).
Метод неоконченных предложений (О. Сакс)	Испытуемому предлагается несколько незаконченных предложений. Ему необходимо закончить предложения, вписав ответ, который первый приходит в голову.	Применение данного метода особенно необходимо при исследовании представлений о возможных травмирующих событиях, например, насилие, терроризм и т.д. (Пузанова Ж.В., Тертышникова А.Г., 2015)
Метод экспертной оценки	Метод экспертной оценки в рамках исследования социальных	Данный метод применяется для исследования больших социальных

	представлений соответствуют методологии проведения метода экспертной оценки	групп (Тертышникова А.Г., 2012)
Метод семантического дифференциала (Ч. Осгуд);	Метод семантического дифференциала в рамках исследования социальных представлений соответствуют методологии проведения семантического дифференциала. Также следует отметить методику «Личностный дифференциал», разработанную в НИНПИ им. Бехтерева (модификация В. И. Тараненко, 2002).	Данный метод применяется для диагностики представлений, существующих в сознании субъекта в явной форме (Павлова Е.В., 2018).
Методика личностного дифференциала (НИНПИ им. Бехтерева)		
Метод Бухона – Вержеса	Данный метод представлен в работе С.Д. Гуриевой и Я.Е.Виноградовой; в его основе лежат идеи П. Вержеса и М. Бухона. Результаты могут быть отображены в 4 графиках: 1. «J» - элемент является частью социального представления; 2. «L» - элемент не является частью социального представления; 3. «A» - респонденты игнорируют элемент, что делает его частью периферической системы представления; 4. «V»-образное распределение показывает, что элемент является предметом контрастного восприятия и что существует две подгруппы с различными социальными представлениями об объекте (Гуриева С.Д., Виноградова Я.Е., 2021; Виноградова Я.Е., 2023)	Данный метод используется для снятия ограничения только количественных или только качественных исследований социальных представлений, позволяет изучить тенденции в социальных представлениях (Гуриева С.Д., Виноградова Я.Е., 2021)

И. Б. Бовина с коллегами отмечает классификацию эмпирических подходов П. Молине и К. Гимелли: 1) социологический (исследования С. Московичи о психоанализе), 2) этнографический (исследования Д. Жоделе о безумии), 3) кросс-культурный (анализ связи культуры и социальных представлений), 4) экспериментальный (чаще применяется в школе Экс-ан-Прованса) (Бовина И.Б., Дворячников Н.В., Мельникова Д.В. и др, 2022).

В рамках дальнейшего рассмотрения темы нашего диссертационного исследования, обратимся к работам, направленным на изучение социальных представлений о материнстве.

В результате анализа отечественных и зарубежных публикаций было обнаружено, что существуют противоречивые представления о материнстве (Мицюк Н.А., 2017; Микляева А.В., Румянцева П.В., 2018; Невструева Т.Х., Кон Л.Л., 2019; Gates S.R., 2019; Stone A., 2020; Янак А.Л., 2022; Williamson T. et al, 2023). Было установлено, что «социальные представления о материнстве неоднородны»; женщины-матери подвергаются противоречивым ожиданиям со стороны общества (Микляева А.В., Румянцева П.В., 2018), несмотря на преимущественно позитивный образ данной социальной роли. Данный конфликт может выражаться в таких феноменах как «штраф за материнство» (Бирюкова С.С., Макаренцева А.О., 2017; Абдуллаева А.М., 2020; Torres A.J.C., Barbosa-Silva, L.C., Oliveira-Silva L.C., 2024; Fisher B.M., 2024), «двойная занятость» (Тонких Н.В., Черных Е.А., 2022), восприятие беременной женщины как неэффективного сотрудника (Микляева А.В., Румянцева П.В., 2018) и т.д.

Другие работы направлены на исследование структуры социальных представлений у незамужних женщин об одиноком материнстве (Еремеева А.И., Довжик Г.В., 2020). Так, было установлено, что за пять лет лонгитюдного исследования произошли изменения в представлении о матерях-одиночках, если в 2014 году «соло-мамы» воспринимались как слабые, то уже в 2019 как сильные. Авторы исследования отмечают рост лояльного отношения к одиноким женщинам с ребенком (там же).

Третий вектор работ направлен на исследование представлений о материнстве среди молодёжи (Мецлер В.В., 2009; Непочатых Е.П., Кетова Н.А., Холодова К.А., 2017). По результатам рисуночного теста «Я и мой ребенок» исследователи обнаружили конфликт между возрастными потребностями и потребностями ребенка, при этом отмечая, что при

грамотной поддержке девушки способны справиться с ролью матери (Крысько А.А., Ланцбург М.Е., 2014).

И наконец, существует ряд работ, в которых исследуется представление о материнстве среди людей, выросших в неполных семьях, и девушек-сирот (Непочатых Е.П., Кетова Н.А., Холодова К.А., 2017; Невструева Т.Х., Кон Л.Л., 2019). Несмотря на преимущественно положительный образ материнства, была обнаружена вариативность и рассогласованность в представлениях о материнстве, особенно это выражалось у людей из неполных семей (Непочатых Е.П., Кетова Н.А., Холодова К.А., 2017). Т. Х. Невструева и Л. Л. Кон обнаружили, что девушки-сироты сознательно изображают позитивный инфантильный образ материнства, на практике же данная социальная группа (95%) больше склонна к девиантному материнству (Невструева Т.Х., Кон Л.Л., 2019).

Таким образом, социальные представления являют собой коллективные интерпретации, отражающие совокупность знаний и убеждений общества о чем-либо, порождаемых в процессе коммуникации. В этом плане изучение материнства и представления о нём среди разных социальных групп необходимо для понимания сложных трансформационных процессов, происходящих в данной сфере не только в России, но и во всём мире.

Подводя итог, можно сделать вывод о том, что в основе процесса формирования социальных представлений, социальных явлений лежит многообразие различных факторов, поэтому исследование представлений допускает разнообразие концепций, что влияет и на разнообразие исследовательских подходов. Выбранный структурный подход Ж.-К. Абрика позволяет определить структуру и содержание социальных представлений, что поспособствует выявлению сходств и различий в выделенных группах.

1.2. Материнство в социально-психологических исследованиях

В данном параграфе представлен анализ материнства в рамках социально-психологического подхода и обоснован его выбор для дальнейшего исследования.

Значительные сдвиги в религиозной, моральной и социальной организации западных обществ сопровождались масштабными экономическими и политическими изменениями, которые принесла индустриализация. Историко-философский подход к анализу феномена материнства позволяет отметить, что представления о материнстве не являются константными, а меняются под влиянием разных социокультурных факторов. В таблице номер 3 представлены результаты анализа философских работ, в которых отражены вопросы положения женщины в обществе.

Таблица 3

Результаты анализа философских работ, в которых отражены вопросы
положения женщины в обществе

Авторы	Основные идеи
Платон	1. Ограничение деятельности женщин исключительно домашними делами является исключительно следствием традиций и обычаев, что никак не связано с природными задатками. 2. Семья ограничивает женщину, привязав ее к одному мужчине и обязав следить за домом и детьми, что противоречит основной цели стражей как сословия. Следовательно, женщины-стражи должны быть независимы от мужчин, а их дети не должны знать, кто именно является их родителями, поскольку они будут воспитываться коллективно всем обществом (Хитрук Е.Б., 2016).
Аристотель	1. Женщины связаны с телесностью, что не является абсолютной негативностью, но при этом они страдают от природного изъяна, их целью и главной задачей является деторождение. В отличие от мужчин, они характеризуются пассивностью, отсутствием рациональности и стремления к открытиям и познанию (Шибаршина О.Ю., 2015). 2. При этом неограниченное деторождение, как считает Аристотель, будет непременно иметь своим следствием общее обнищание общества, которое спровоцирует дальнейшие волнения и преступления (Галактионов И.В., 2021) 3. Женщина является не социальным, а естественным рабом, что не может быть изменено и является постоянной их чертой (Хитрук Е.Б., 2015)
Ф. Аквинский	1. Бинарность по женскому вопросу; невозможность обвинения женщин в грехопадении, поскольку душа Евы как женщины не может быть

	приравнена к мужской. 2. Деторождение выступает в качестве единственной возможной помощи мужчине со стороны слабого существа (Хитрук Е.Б., 2017)
К. Пизанская	Непринятие идеи о женской глупости и оскорблении со стороны мужчин (Пророкова М.В., 2010; Денисова К., 2022)
Вольтер, Дидро Монтескье, Руссо	1. Вольтер обличал несправедливость женской доли. 2. Дидро полагал, что униженное существование женщины есть следствие определенных гражданских законов и обычаев. 3. Монтескье считал, что женщина может и должна участвовать в общественной жизни (Безрукова А.А., 2010) 4. Руссо подчеркивал непосредственную необходимость совместного сосуществования мужчин и женщин, при этом отмечая, что женщины больше зависимы от мужчин (Руссо Ж.Ж., 1961).
Ж. Мишле, П.-Ж. Прудон	1. Проблемы спада рождаемости и разводов Ж. Мишле связывал с падением нравов; женщина рассматривалась с позиции биологического детерминизма как неполноценное, неравное мужчине существо. 2. П.-Ж. Прудон говорил о физическом несовершенстве женщины по сравнению с мужчиной, настаивая на её физической слабости (Батуренко С.А., 2019).
Г. Гегель	1. Женщина приобретает полное достоинство только после вступления в брак. 2. Женщины не склонны к стабильности, их действия подчинены воле случая. (Безрукова А.А., 2010)
И. Кант	Взгляд на женский вопрос двойственный: 1. С одной стороны, философ восхищается женщинами, отмечая их «прекрасный ум», который, тем не менее, отличен от мужского «глубокого ума». 2. С другой стороны, скептически относился к женщинам-ученым (Румянцева Т.Г., 2018).
А. Шопенгауэр	1. Женщина - промежуточная ступень между ребенком и мужчиной, чья функция заключается исключительно в деторождении. 2. По своей природе она обладает такими чертами как слабоумие, лживость, лицемерие, неспособность сохранять верность и пр. 3. Вне рамок продолжения рода женщина предстает как неэстетичное и не изящное создание. Она всегда стоит на втором месте относительно мужчин и не должна претендовать на равенство с женщиной, поскольку женщине всегда нужен господин, которому она сможет вверить свою независимость (Хитрук Е.Б., 2015)
О. Вейннингер	1. Женщина обладает рабским сознанием, которое имеет социальные, а не природные корни. 2. Ей нравится находиться в зависимом положении, но при этом она продолжает оставаться человеком, следовательно, к ней нужно относиться с уважением. 3. Женщине необходимо понимание со стороны мужчины, что позволит ей однажды выйти из своего рабского положения; этим уважением должно воспитаться самоуважение, что будет иметь своим следствием самоуничтожение женщины. Данное самоуничтожение проявится в форме самоопределения, выраженного в отказе от полового акта (Хитрук Е.Б., 2015)
Г. Зиммель	1. Женщины дают нечто непосредственное, пребывающее бытие, которое, однако, лишь в мужчине становится «культурой» (Зиммель Г., 1996).

	2. Женщин необходимо воспитывать так, чтобы образовывать и культивировать в них женскую сущность (Биккина Ю.Е., 2006).
А. И. Герцен	1. Личностное развитие женщины связано с выполнением ею семейных функций. Также условием женского развития является практическая деятельность в основных сферах общественной жизни. 2. Предоставление женщинам равных прав с мужчинами способствовало раскрытию скрытых способностей. 3. Материнство – подавление женщины; будущее за репродуктивными технологиями (Казнин Л.Н., 2010).
М. И. Михайлов	1. Недопустимость мысли о природном несовершенстве женщины, приравнивая это к расизму. 2. Женщины не реализовали себя полноценно не по причине ограниченности ума, а из-за привязки к дому и семье. 3. Женщине необходимо предоставить свободу в выборе деятельности (Батуренко С.А., 2021).
Н. А. Бердяев	1. Женщина - существо совсем иного порядка, чем мужчина. Она гораздо менее человек, гораздо более природа. Она по преимуществу - носительница половой стихии. В поле мужчина значит меньше, чем женщина. (Бердяев Н.А., 2018). 2. Женщина не ниже мужчины, она, по меньшей мере, равна ему, а то и выше его, призвание женщины велико, но в женском, в женственном, не в мужском. (Бердяев Н.А., 2017).
Н. П. Ткачёв	Женщинам в преобразовании общества отводится важная роль, для этого им необходимы следующие качества: высокий уровень развития интеллекта, высокая социальная ответственность, гуманизм, жертвенность (Мартынова О.А., 2020).
С. Н. Булгаков	Материнство – искупление за грехи, пройдя через страдания, женщина будет чувствовать радость от встречи с новым человеком. (Типикина А.А., Желтикова Е.В., 2017).
В. В. Розанов	1. Главную роль в семье играет мужчина; он – активное начало, женщина – пассивное. «Чадородие» - базовая миссия мужчины и женщины (Лысюк А.И., Соколовская М.Г., 2020). 2. Акт деторождения и воспитания – наивысшее предназначение женщины (Типикина А.А., 2023).
Н. Ф. Фёдоров	1. Любовь к женщине – пустая трата времени, а акт деторождения – преступление. 2. Женщины делятся на три типа: 1) женщины-матери, способные вскормить «деспотов», 2) женщины, склонные к глубокому состраданию, 3) женщины, старающиеся походить на мужчин. Философ негативно относится к женщинам-матерям, считая, что именно они отвлекают мужчин от социально важных дел, третий же тип осуждается им из-за желания занять территорию, которая никогда им не принадлежала. 3. Основное предназначение женщины заключается в утешении мужчины, в служении ему (Типикина А.А., Желтикова Е.В., 2017).
Д. С. Мережковский	1. Сакрализация «женственного» начала с течением времени усиливается, а категория «мужественности» уходит на периферию (Коптелова Н.Г., 2016). 2. Женская сила есть сила притяжения, в то время как мужская - сила отталкивания (Мережковский Д.С., 2018).

Рассмотрение вопроса материнства в историко-философском подходе важно для понимания смены научных парадигм и трансформации общественного сознания, что способствует комплексному рассмотрению проблемы материнства на современном этапе развития (Соколюк Н.В., 2009).

Тем не менее, данный подход недостаточно уделяет внимание ключевым аспектам, необходимым для глубокого понимания данного феномена. Например, остаются малоизученными вопросы самосознания женщины-матери, а также влияние детско-родительского опыта на формирование готовности к материнству. Данные положения и ряд других раскрываются в рамках социально-психологических исследований (Долгих А. Г., 2018).

Специфика социально-психологического подхода заключается в акценте на микросреде формирования личности, в анализе системы межличностных отношений. Главным направлением в исследовании личности является изучение результата от взаимоотношений личности с группой. Г. М. Андреева отмечает, что для этого важно изучить, через какие группы происходит влияние общества на человека, т.е. делать акцент на проблеме социализации (Марцинковская Т. Д., Хорошилов Д. А., 2022). Таким образом, социально-психологический подход позволяет изучать характеристики личности как результат её взаимодействия с социальными группами, являющимися агентами социализации. Важно отметить, что социализация – это двухсторонний процесс, заключающийся в передаче обществом социокультурных норм и ценностей и освоение их индивидом в течение жизни (Ковалева А. И., 2004). На определенном этапе социализации человек сам превращается в агента социализации. Исходя из этого, при изучении материнства, важно исследовать личностные характеристики будущих матерей, как потенциальных агентов социализации детей, отдельно анализируя и характеристики, сформированные в результате взаимодействия с родительской семьей, так как семейные сценарии и травмы имеют поколенческий аспект.

Специфика социально-психологического подхода в исследовании материнства заключается, во-первых, в исследовании отношений мать – ребенок, во-вторых, в анализе семейных и детско-родительских отношений (Статная Т.Н., Чибисова М. Ю., 2006). Согласно подходу Г. Г. Филипповой, материнство как «психосоциальный феномен» важно рассматривать не только с позиции «обеспечения условий для развития ребенка», но и как «часть личностной сферы женщины» (Филиппова Г.Г., 2002).

Исследованием материнства как функции обеспечения развития ребенка занимались такие ученые, как А. Я. Варга, О. В. Баженова, В. Ю. Сидорова, В. И. В. Брутман и др.; как личностной сферы женщины – Г. Г. Филиппова, С. Ю. Мещерякова, Л. М. Рудина, Л. А. Базалева, Н. А. Устинова и др.

Г. Г. Филиппова выделила шесть стадий развития материнской сферы в онтогенезе (таблица 4) (Филиппова Г.Г., 2002):

Таблица 4

Развитие материнской сферы в онтогенезе (по Г. Г. Филипповой)

Стадия	Основное содержание	Потребностно-эмоциональный блок	Операциональный блок	Ценностно-смысловой блок
Стадия взаимодействия с собственной матерью в онтогенезе	Начинается с внутриутробного развития и продолжается всю жизнь женщины	Выражается в стремлении взаимодействовать с ребенком	Включает в себя стиль эмоционального взаимодействия с ребенком	Характеризуется несколькими этапами осознания ценности ребенка
Развитие материнской сферы в игровой деятельности	Данная стадия мало исследована в плане развития материнства, тем не менее отмечается важность включения материнства в сюжетно-ролевую игру	В процессе игры с куклой-младенцем происходит дальнейшее образование объекта материнской сферы	В игре происходит репетиция всех аспектов материнского поведения	Ценностное отношение к кукле соотносится ценностью ребенка и материнства
Нянчание	Данный этап имеет четкие возрастные	Ребенок становится/не становится	Отрабатываются операции ухода за младенцем,	Формируется основа ценности материнства,

	границы (с 4,5 до начала полового созревания) Характеристики этого этапа связаны с семейной, культурной и материнскими моделями материнства и детства	объектом для потребностно-мотивационной сферы	формируются их стилевые характеристики	данный этап влияет на формирование интерференции ценностей
Дифференциация мотивационных основ материнской и половой сфер	Является особенно важным в формировании потребностно-эмоционального блока, происходит конкретизация связи половой и материнской сфер	При адекватной заполненности предыдущего этапа в послеродовом периоде ощущения от ребенка интерпретируются как часть материнской сферы Если предыдущий этап был конфликтен, то новые ощущения от взаимодействия с ребенком будут восприниматься женщиной как некомфортные	Овладение инфантильным стилем поведения с половым партнером, имеющим значение для актуализации инфантильных черт поведения в беременности	Связь между половой и родительской сферами имеет специфику в зависимости от культуры и семейной модели
Стадия	Основное содержание			
Взаимодействие с собственным ребенком	Сложный этап для развития всех трех блоков; это тот этап материнско-детского взаимодействия, на котором начинается психологическая работа с матерью и ребенком	Данная стадия содержит в себе несколько самостоятельных периодов: беременность, роды, послеродовой период, период младенчества		
Отношения с ребенком после окончания возраста, с характеристиками гештальта младенчества	На данном этапе ребенок теряет комплекс гештальта младенчества; прошлые переживания	Происходит развитие эмоциональной привязанности к ребенку, интерес к его внутреннему миру; также прикладываются усилия к развитию этого мира		

	позволяют матери активно включаться в социальную и игровую жизнь ребенка, искать баланс во взаимодействии с ним	
--	--	--

Исследование материнства связано с методологическим многообразием подходов к его изучению представителями разных наук, что, с одной стороны, способствует комплексному рассмотрению данного феномена, однако при этом не даёт чёткой трактовки и целостного представления о нём. Н. Д. Субботина и Е. А. Лушина, проанализировав подходы к материнству, предложили следующую классификацию по «критерию соотношения естественной и социальной сторон материнства вне зависимости от специальности исследователя»: 1) акцент на естественной стороне материнства; 2) акцент на социальной стороне материнства, 3) акцент на обеих сторонах материнства, изучение их противоречий (Субботина Н.Д., Лушина Е.А., 2023, 27).

Рассмотрим основные подходы к определению материнства и обозначим основные направления исследований в русле каждого из них.

1. Природно-биологический подход. В рамках данного подхода материнство является биологической предрасположенностью женщины (Улыбышева А.М., Котлярова М.Н., 2023); акцент делается на «материнском инстинкте» (Филиппова Г.Г., 1999), на формировании физиологической «доминанты материнства» (Магденко О.В., 2012), на существовании «некоего типа гормональной или физиологической основы, обуславливающей специфическое поведение женщины» (Чодороу Н., 2006). Следует отметить, что данный подход к вопросу материнства является самым древним, так как в ходе истории женщины преимущественно рассматривались в тесной связи с материнством (Баркова Л.А., 2019); принцип биологического детерминизма лежал в основе психологических

исследований данного феномена до середины XX века (Шаповаленко И.В., 2020). Н. Л. Пушкарёва отмечает, что в 1960-1970 гг. Авторы, рассматривающие «материнский инстинкт», были уверены, что он, во-первых, присущ нерожавшим женщинам, которые реализуют данный инстинкт в заботе о других людях, и, во-вторых, были убеждены, что женщины наиболее остро чувствуют потребность в уходе за потомством и его защите (Пушкарёва Н.Л., 2014). С биологической точки зрения, материнство является более важным, чем отцовство, выполняющим преимущественно вспомогательную функцию (Савинков С.Н., 2019).

В рамках данного подхода можно выделить несколько направлений исследований:

1) Этологические исследования (Г. Харлоу, К. Лоренц и др.). Представители данного направления руководствуются имплицитными представлениями о поведении человека, то есть поведение человека равно поведению животного (Чибисова М.Ю., 2010); таким образом, материнство – это, в первую очередь, материнское поведение (Спиридонов, Бенелли, 2020). Исследователи отмечают противоречивость результатов этологических работ, что затрудняет их использование в рамках «психологии развития» (Чибисова М.Ю., 2010). С одной стороны, они позволили определить универсальные черты материнского поведения, например, было обнаружено, что психосоматическая стабильность ребенка непосредственно связана с эмоциональным контактом с матерью (Брутман И.В., Радионова М.С., 1997). С другой, не было доказано, что материнские особи биологически более приспособлены к заботе о потомстве (Чибисова М.Ю., 2010). Этологический подход противопоставляется другим подходам, например, психоаналитической теории привязанности Дж. Боулби, которая будет рассмотрена нами далее (Бурменская Г.В., 2003).

2) Социобиологические исследования (Р. Докинз, Д. Дьюсбери и др.). Социобиология возникла при пересечении этологии с социальными науками как показатель противоречий между социальным и биологическим

подходами к исследованию феноменов, в том числе и материнства (Субботина Н.Д., Лушина Е.А., 2023). В рамках данного подхода материнство рассматривается как «генетически детерминированная стратегия поведения, направленная на максимальное распространение гена в популяции» (Спиридонов, Бенелли, 2020), т.е. материнское поведение (как и любое другое) детерминировано биологическими законами.

3) Физиологические и психофизиологические исследования (К. Остин и Р. Шорт, К. Флейк – Хобсон и др.). В рамках данных исследований анализируется связь гормонального фона и эмоциональных состояний, их роль в развитии материнства и влиянии на детско-родительские отношения (Филиппова Г.Г., 2002). Отдельно хочется отметить работы по исследованию развития привязанности матери к младенцу в послеродовом периоде.

Г. Г. Филиппова выделяет три аспекта:

1) Исследование влияния гормонального фона на восприятие самкой детёныша, его изменение при их сепарации.

2) Исследование влияния гормонального фона в послеродовом периоде на установление привязанности матери к ребенку. В рамках данных исследований изучается послеродовая депрессия; согласно статистике, в России с данным состоянием сталкиваются 15% женщин (Корнетов Н.А, 2015).

3) Влияние пролактина на эмоциональное состояние то время грудного вскармливания (Филиппова Г.Г., 2002).

2. Культурно-исторический подход. В рамках данного подхода материнство рассматривается как одна из социальных ролей, установленная общественными нормами и ценностями, влияющих на материнское поведение (Газирова Ю.С. и др., 2007).

Рассмотрим несколько подходов к материнству, предложенных М. Мид и Э. Бадинтер.

1) М. Мид утверждала, что материнство имеет тесную связь с культурой, например, она отмечала, что в тех культурах, где социальный

ранг значимее материнства, женщина может пойти на преступление (Спиридонов, Бенелли, 2020). Материнство глубоко заложено в женщине, и только серьезные социальные установки могут заставить её отказаться от этой роли (Филиппова Г.Г., 2002). М. Мид пишет, что если мужественность определяется в основном понятием отец, муж и любовник, то для женщин потенциальная женственность менее значима, чем потенциальное материнство (Мид М., 2004, 334с). Также М. Мид видела связь между ощущением мужественности у мужчин и материнством; по её мнению, если в определение женщины не входит материнство, то мужественность будет казаться несколько неадекватной, потому что её продолжение в отцовстве тоже теряет свое определение (Мид М., 2004). Таким образом, все женщины априори являются матерями (Мид М., 1988).

2) Э. Бадинтер утверждает, что материнский инстинкт – это миф (Badinter E., 2010, 2011). Материнство характеризуется противоречивостью и изменчивостью чувств, а понятие материнской любви эволюционирует, наполняясь различным содержанием в зависимости от эпохи (Филиппова Г.Г., 2002; Белова А.В., 2018). Общество влияет на материнское отношение, задавая определенные правила и ориентиры для взаимодействия с ребенком, таким образом успешность реализации женщиной своей материнской роли очерчена ценностями того общества, в котором она живёт (Брутман В.И., Филиппова Г.Г., Хамитова И.Ю., 2002). Культурное давление также оказало важное влияние в пользу «семейных отношений» (Schumacher M.M., 2013). Э. Бадинтер отмечает, что современная европейская культура, делающая акцент на свободе личности и индивидуальности, предоставила женщинам право выбора в важных для себя вопросах, в том числе и в материнстве (Badinter E., 2010).

Исследователь выделяет четыре новых социальных «типа» женщин: 1) традиционалистки, 2) неотрадиционалистки, 3) женщины модерна, 4) женщины постмодерна. Женщины-традиционалистки продолжают исторически сложившуюся модель многодетной матери, связывая свою

идентичность с воспитанием детей и ведением домашнего хозяйства; при этом они отказываются от работы. Женщины-неотрадиционалистки не имеют более двух детей, работают; для обоих этих типов семья и забота о детях стоит на первом месте. Для женщин модерна и постмодерна самым главным является карьера и индивидуальное развитие; в случае с постмодернистками бездетность – их осознанный и желанный выбор (Michna N.A., 2014).

3. Функционально-личностный подход, в котором материнство рассматривается как часть личностной сферы женщины (Спиридонов, Бенелли, 2020). Комплекс работ в рамках данного подхода обширен; исследуются материнские установки и ожидания, удовлетворенность материнской ролью, влияние дочерне-материнских отношений на формирование материнства дочери и её самооценки, личностная идентификация женщин-матерей (Филиппова Г.Г., 1999; Onayli S., Erdur-Baker O., 2013; Захарова Е.И., 2018; Zemp M. et al., 2022; Улыбышева А.М., Котлярова М.Н., 2023; Булыгина М.В., 2023; Мордас Е.С., Демидова А.М., 2024).

В рамках данного подхода можно выделить несколько направлений исследований:

1) Психоаналитические направление исследований (К. Хорни, Э. Эриксон, А. Фрейд, М. Кляйн, Дж. Боулби, Д. Винникот и др.). Н. Л. Пушкарёва отмечает, что довоенные психоаналитические исследования базировались на принципах биологического детерминизма (Пушкарёва Н.Л., 2014), в 1930-е годы классические идеи психоанализа стали пересматриваться.

Психоаналитики активно изучали материнство в контексте детско-родительских отношений, в которых матери отводится весомая роль (Спиридонов, Бенелли, 2020). З. Фрейд обращал внимание на многогранность феномена детско-родительских отношений, с одной стороны, кормление, преодоление дискомфорта, уход за ребенком приводит к укреплению связи между матерью и младенцем, однако с другой, отмечал амбивалентность

чувств женщины по отношению к нежеланному ребенку (Пушкарёва Т.Н., 2002). Тем не менее, следует отметить, что относительно долго З. Фрейд делал акцент на материнской фигуре исключительно как объекте, удовлетворяющем желания ребенка на оральной стадии развития (Бурменская Г.В., 2003). К. Хорни подробно рассматривала конфликты, вытекающие из особо сильной привязанности женщины к матери в детстве; по её мнению, результаты такого взаимодействия приводят к неприятию у взрослой женщины своего собственного женского мира, в результате чего она эмоционально отворачивается от своей сексуальной роли (Хорни К., 2019). А. Фрейд отмечала, что настроение матери непосредственно влияет на состояние ребенка (Обухова Л.Ф., 1999). Автор теории «объектных отношений» Д. Винникот отмечал, что, вырастая, ребенок продолжает испытывать те же ощущения, которые были у него в детстве; всё, что происходит с человеком во взрослой жизни связано с отношениями с матерью (Winnicott D.W., 2021).

М. Эйнсворт и Дж. Боулби считаются основоположниками психологии привязанности. М. Эйнсворт считала, что причины разного типа привязанности ребенка зависят от качества ухода за ним со стороны матери, материнской опеки (Авдеева Н.Н., 2017). Основные идеи Дж. Боулби следующие:

- 1) У ребенка существует врожденная потребность в привязанности к значимой фигуре.
- 2) Контакт с опекающей фигурой очень важен в течение первых двух лет; если этот контакт нарушен, ребенок будет испытывать горе и страдание.
- 3) Замена простых систем управления поведением все более и более сложными, в том числе плановыми иерархиями, — это закон развития поведения. Опасность такой замены заключается в том, что появляются бесчисленные возможности для ошибок, так что в результате поведенческая система может стать менее, а не более эффективной и адаптированной.

4) Стабильные отношения привязанности со значимым взрослым приводят к формированию рабочей модели, включающей представления о мире, других и самом себе.

5) Полная материнская депривация характеризуется ситуацией, когда у ребенка возник импульс к удовлетворению потребностей, но нет фигуры, способной это состояние удовлетворить; частичная материнская депривация возникает, когда прямой разлуки нет, но отношения между матерью и ребенком неудовлетворительны. Материнская депривация в дальнейшем негативно влияет на эмоциональные, поведенческие и когнитивные аспекты формирования и развития ребенка (Лангмейер Й., Матейчек З., 1984).

2) Психотерапевтическое направление исследований нацелено на выявление особенностей матери, являющихся источником нарушений психического развития ребенка (Пьянкова Л.Я., Хомичева В.Е., 2017). В рамках данного направления и логике нашего дальнейшего исследования сделаем акцент на таком феномене как девиантное материнство, под которым подразумевается поведение, затрудняющее процесс нормального становления и развития ребенка, при этом осуждаемое со стороны общества. Несмотря на то, что данный феномен начал исследоваться относительно недавно, работы по его исследованию широко представлены в России и за рубежом (Брутман В.И. и др., 1996; Захаров А.И., 2000; Брутман В.И. и др., 2002; Wilson H., Hungtinton A., 2006; Саенко Л.А., Гукасова Г.С., 2012; Faulk L.J., 2013; Couvrette A. et al., 2016).

Важным аспектом данной проблемы является нежелательная беременность; есть исследования, доказывающие, что такой ребенок будет испытывать ряд трудностей, так как женщины с кризисной беременностью преимущественно испытывают негативные эмоции, амбивалентно относятся к будущему ребенку и к самой себе (Осипенко И.М., 2019). Для формирования материнского чувства женщина и ребенок должны взаимно влиять друг на друга на эмоциональном уровне (Бутова О.А., Фогель А.В., 2009). К психологическим особенностям женщин, принявших решение о

прерывании беременности, относятся экстернальный локус контроля, низкая личностная и ситуативная тревожность, потребность в материнской сфере уступает потребностям в других сферах (Петрова Н.Н., 2006). Нежелание иметь детей – это не категорическое понятие, А. И. Захаров предлагает следующие градации:

- 1) «Случайным ребенком является тот, кто появляется у молодых родителей, не настроенных на рождение детей.
- 2) Вынужденным ребенком является тот, кто тоже появляется случайно, и при этом вынуждает родителей вступать в брак.
- 3) Преждевременным ребенком является тот, кто появляется тогда, когда родители ещё не готовы к своим новым ролям.
- 4) Несоответствующие по полу дети могут воспитываться неадекватно; мальчиков воспитывают как девочек, и наоборот. Ситуация может усугубляться, если родители хотели ребенка одного пола, а родился ребенок противоположного пола (Захаров А.И., 1998)».

Одной из причин девиантного материнства могут являться нарушения в детско-родительских отношениях, проблемы в идентификации с родителем того же пола (Захарова Е.И., 2015; Шелехов И.Л. и др., 2019; Ипполитова Е.А. и др., 2023).

Следует обратить внимание на то, что в настоящий момент преимущественно изучена тема мужского насилия, работ по женскому насилию, в отношении детей в том числе, представлено значительно меньше. Тем не менее, следует обратить внимание на следующие психологические особенности женщин, прибегающих к насилию: женщины-агрессоры, в отличие от мужчин, в момент насилия выражают острый гнев или фрустрацию (Лактионова М.А., 2010), не имея возможности проявить свои негативные чувства, женщины обращают гнев на собственное тело и на тела своих детей (Моц А., 2021). В зарубежных источниках распространены работы по изучению сексуального насилия над детьми со стороны женщин. Из наиболее последовательных выводов в отношении растлителей

малолетних женщин является высокая частота случаев физического, эмоционального и сексуального насилия в их личной истории (Баер А.М., 1977; Grayston A.D., De Luca, 1999; McLeod D.A., 2015; Саночкина А.В. и др., 2022).

3) Представители психолого-педагогического направления исследований (Л. Ф. Обухова, Г. И. Брехман, М. В. Сафонова и др.) отмечают важность психолого-педагогической культуры для гармоничного развития материнства (Спиридонов, Бенелли, 2020). С психолого-педагогическими и физиологическими аспектами связана перинатальная психология, занимающаяся исследованием беременности, родов и послеродового периода (Филиппова Г.Г., 2002). М. В. Сафонова и О. Ф. Лысенко отмечают, что формирование готовности к материнству – циклично; женщина, будучи матерью, влияет на формирование образа материнства у своей дочери (Сафонова, Лысенко, 2020). Ими были предложены следующие этапы психолого-педагогического сопровождения процесса формирования готовности к материнству: 1) взаимодействие с собственной матерью; 2) развитие материнской сферы в игровой деятельности; 3) нянчение; 4) отношения с ребенком старше 3-х лет; 5) взаимодействие с собственным ребенком; 6) дифференциация мотивационных основ материнской и половой сфер (там же). Л. Ф. Обухова, ссылаясь на исследования Р. Сирс с коллегами, отмечает, что отсутствие необходимого ухода за ребенком приводит к формированию зависимого поведения последнего; прекращение внимания со стороны матери приводит к появлению агрессивности, к попыткам обратить на себя внимание, то есть к поиску «негативного внимания» опекающей фигуры. Ещё одной формой зависимого поведения является поиск постоянного подтверждения, при этом Р. Сирс с коллегами отвечает, что мать по отношению к девочке может подкреплять данную модель поведения давлением на эмоции ребенка с целью её дезориентации. Помимо перечисленных двух форм зависимого поведения были выделены следующие: «поиск позитивного внимания», где мать может поощрять

зависимость дочери, её идентификацию с ней, «пребывание поблизости», выражающееся в постоянной близости с другими детьми, «прикосновение и удержание», которое выражается в неагрессивном прикосновении, обнимании ребенка (Обухова Л.Ф., 2016). Л. Ф. Обухова и О. А. Шаграева делают акцент на социально-психологических аспектах жизнедеятельности семьи в формировании личности ребенка. Рассмотрим некоторые аспекты, необходимые для дальнейшего исследования:

«1) на развитие ребенка оказывают влияние пристрастия и антипатии матери, её отношение к себе и наличие/отсутствие депрессивных состояний, которые могут наблюдаться в первые два года жизни ребенка.

2) психическое развитие ребенка связано с характером детско-родительских и супружеских отношений.

3) поведенческий компонент образа жизни семьи включает в себя практику ухода за ребенком, особенности внутрисемейного общения, дисциплинарные воздействия.

4) доверие к миру формируется тогда, когда потребности ребенка сразу же удовлетворяются.

5) взгляд родителей на их отношения с детьми развивается:

1) «эгоистическая ориентация», где ребенок выступает как объект воздействия,

2) «условная ориентация» предполагает восприятие ребенка через призму традиций и установок,

3) «субъективно-индивидуалистическая ориентация» позволяет рассматривать ребенка как нечто уникальное,

4) «взаимодействующая ориентация», в которой родители воспринимают ребенка как сложную систему (Обухова Л.Ф., Шаграева О.А., 1999)».

4) Представители феноменологического направления исследований (О.В. Баженова, О. Ю. Дубрвик, Р. М. Шерешевский и др.) изучают стиль поведения (в том числе и отклонения от нормы), функции, ожидания,

установки женщин-матерей, их отношения с родителями (в частности с матерью), детьми, супругом и т.д. (Денисова В.А., 2012; Спиридонов, Бенелли, 2020). Значительная часть исследований в русле данного направления учитывает возраст ребенка и период материнства (Филиппова Г.Г., 2002).

М. А. Копейкина и И. А. Мещерякова предложили следующую типологию, исходя из возрастного периода ребенка: 1) ожидание ребенка (беременность), 2) младенческий возраст ребенка, 3) ранний и дошкольный возраст, 4) школьники и подростки (Копейкина М.А., Мещерякова И.А.; 2014).

1. Ожидание ребенка (беременность). Данные исследования направлены изучение протекания беременности, установок на рождение и воспитание ребенка, их влияние на общее состояние матери. Можно выделить следующие исследования:

1) исследования психологических характеристик женщин с разными особенностями протекания беременности с учетом различных социально-демографических характеристик (возраст, образование, наличие партнера, место рождения и т.д.) (Dolan R., 2019; Москвитина М.М., Бовин Б.Г., 2022).

2) исследования желательной и нежелательной беременности (Брутман В.И. и др., 1994).

3) исследования с учетом первородящих женщин и повторнородящих женщин (Мамышева Н.Л., Шелехов И.Л., 2005).

4) исследования, учитывающие опыт взаимодействия или его отсутствия с родителями, одинокое материнство (Невструева Т.Х., Кон Л.Л., 2019).

5) исследования гестационной доминанты женщин, не встающих на учёт (Хазова С.А., Золотова И.А., 2009).

6) исследования женщин, посещающих курсы по подготовке к родам (Блох М.Е. и др., 2012).

7) исследования женщин, проходящих ЭКО (Захарова Е.И., Якупова В.А., 2016; Осипенко И.М., 2019).

2. Младенческий возраст ребенка. Исследования материнства в данном возрастном периоде преимущественно представлены в работах по изучению материнских качеств, необходимых для гармоничного развития ребенка; чаще всего они встречаются в работах психоаналитиков (Дж. Винникот, Э. Эриксон и др.). Диадические отношения (диада «мать-дитя») характеризуются взаимным развитием и взаимным влиянием субъектов друг на друга; в рамках данного подхода ребенок воспринимает мир через взаимосвязь с матерью (Ланцбург М.Е., 2010). Существующие исследования доказывают угрозу нарушения симбиотической связи между матерью и ребенком, например, в случае рождения ребенка раньше срока, неактивность младенца может восприниматься матерями как отвержение, что влияет на её эмоциональную реализацию в роли матери (Карпенко А.А., 2016). В связи с распространением теории диадических отношений и завышенных требований к женщине-матери Г. Г. Филиппова, Ю. Б. Гиппенрейтер, Л. В. Петрановская и другие специалисты предлагают проанализировать такой социально-психологический феномен как «эмоциональное выгорание матери», который находит своё отражение во внутреннем конфликте между стремлением быть «хорошей матерью» и хронической усталостью (Филиппова Г.Г., 2017; Ильина Т.И., 2020).

3. Ранний и дошкольный возраст. Данные исследования направлены на изучение типа материнского отношения. Некоторые отечественные исследования отмечают тенденции двойственного, противоречивого и субъект-объектного отношения к ребенку со стороны матерей в России (Авдеева Н.Н., 2006). Поведение матерей, нацеленных на первичный контроль, проявлялось в приказах, что снижало активность детей, поведение матерей с вторичным контролем характеризовалось либо стратегией невмешательства, либо помощью ребенку, что повышало его активность (Бортникова Ю.А., 2003). Также была обнаружена преимущественно

доминирующая гиперпротекция и эмоциональное отвержение со стороны матерей в семьях, воспитывающих гиперактивных детей (Белозерова Л.А., Брагина Е.А., 2018).

4. Школьники и подростки. На данном этапе исследуются материнские установки, позиция, особенности взаимодействия матери с ребенком (А. Я. Варга, Ю. В. Баскина). Рассмотрим понятие внутренней материнской позиции, которая характеризуется принятием женщиной своей социальной позиции матери (Захарова Е.И., 2002). В структуре ВМП выделяют 3 уровня:

- 1) мотивационный уровень, характеризующий личностные смыслы и внутренние ориентации;
- 2) когнитивный уровень, характеризующий представления о себе в роли матери;
- 3) эмоциональный уровень, характеризующий эмоциональное отношение к себе в роли матери и к ребенку (Соловьёва Е.В., 2012).

Внутренняя материнская позиция может различаться в зависимости от наличия/отсутствия репродуктивных проблем; в исследовании ВМП женщин, забеременевших благодаря ЭКО, Е. И. Захарова и В. А. Якупова обнаружили внутренний конфликт, который характеризуется желанием материнства, с одной стороны, и неготовностью принять на себя материнские функции, с другой (Захарова Е.И., Якупова В.А., 2016). Внутренняя материнская позиция также может меняться в зависимости от количества детей; А. М. Абдуллаева и М. А. Коргожа отмечают, что при воспитании близнецов женщина не уделяет достаточно внимания их индивидуальным характеристикам, также было обнаружено снижение чувствительности матерей близнецов (Абдуллаева А.М., Коргожа, 2024).

Отдельного внимания заслуживает теория «межличностных отношений» И. Н. Бухтияровой. В рамках данной теории автор уделяет особое внимание анализу взаимоотношений между родителями и детьми, которые задают вектор для развития семьи и влияют на формирование и развитие личности. И. Н. Бухтиярова включает несколько компонентов в

понятие «межличностные отношения детей и родителей», одним из которых являются «эмоциональные связи», отражающие единую общесемейную деятельность (Бухтиярова И. Н., 2019).

Таким образом, в рамках дальнейших рассуждений целесообразно рассмотреть работы, направленные на исследование детско-родительских отношений и их роль в формировании материнского отношения.

Анализ отечественной и зарубежной литературы позволил сделать вывод о наличии взаимосвязи между позитивными/негативными отношениями в диаде «мать – дочь» и образом материнства у дочери. Высокая степень удовлетворенности собственным материнством и положительная установка на деторождение была обнаружена у женщин, имеющих низкий уровень беспокойства в отношениях с матерью и высокий уровень привития семейных ценностей (Калачикова О.Н., 2023; Мордас Е.С., Демидова А.М., 2024). В целом личностные образования, складывающиеся при общении с матерью, задолго влияют на формирование материнского отношения (Лисина М.И., 2009). Травматические события, тревога в детстве приводят к чрезмерной концентрации матери на ребенке, низким эмоциональным контактам с ним и высокому уровню тревожности и у матери, и у ребенка (Борисова А.Е., Ижванова, 2009; Александрова Т.В., Костина Л.М., 2018), при этом травмирующий опыт от взаимодействия с матерью не является константным, а переосмысливается на разных этапах жизненного цикла (Борисова А.Е., 2011). Эмоциональное принятие и доверительное общение лежат в основе принятия беременной женщиной плода, а беременность актуализирует симбиотическую связь с собственной матерью в раннем детстве (Котова А.В., 2012). Адекватное отношение к себе как к будущей матери во многом определено идентификацией с её матерью в детстве; 1) враждебная и директивная материнская позиция приводит к неадекватному восприятию данной социальной роли; 2) автономная материнская позиция приводит к непониманию дочерью отношения к ней матери; 3) позитивная материнская позиция приводит к позитивному образу

своего «Я» (Куликов Л.В. и др., 2020). Также следует отметить, что уровень осознанности связан с удовлетворенностью детско-родительскими отношениями; «жертвенное материнство» больше свойственно не совсем осознанным женщинам, автономия же, наоборот, характеризует внутреннюю сбалансированность женщины (Гунзунова Б.А., 2019).

Е. И. Захарова в рамках рассмотрения освоения женщиной материнства акцентирует своё внимание на термине «семейная история», который определяется как «специфическая, несущая эмоциональную нагрузку информация о семье, определяющая способ организации жизненных событий и внешне проявляющаяся в стереотипах поведения, которые воспроизводятся из поколения в поколение» (Захарова Е.И., 2018, 135). Подход к семье как к системе позволил сделать акцент на повторяющихся моделях поведения из поколения в поколение; матери опыт воспитания передается от её матери, затем он служит ориентиром для её дочери и так далее (там же). Таким образом, можно сделать вывод о том, что опыт взаимоотношений между матерью и дочерью передаётся последующим поколениям, при этом, как отмечает А. Е. Борисова, видоизменяясь в зависимости от культурной специфики новых поколений (Борисова А.Е., 2011). При изучении репродуктивных установок у современных девушек было установлено, что, несмотря на положительную репродуктивную стратегию, желание иметь детей у них ниже, нежели это было у их мам и бабушек (Шляпникова Ю.В. и др., 2018). Данное положение имеет особую значимость для нашего исследования, так как повышает актуальность изучения семейной истории, стиля семейного воспитания, а также опыта общения с матерью у добровольно бездетных женщин; мы предполагаем, что распространение данного феномена имеет глубокие социокультурные основания, что может быть связано с ценностными переориентациями молодого поколения на индивидуализм и гедонизм, изменениями в морально-нравственных основаниях, возможностью транслировать эгалитарную модель полоролевого поведения в отличие от предыдущих поколений.

Как уже было написано ранее, материнство как психосоциальный феномен принято рассматривать с двух позиций (Филиппова Г.Г., 2002). Рассмотрим их подробнее в рамках социально-психологического феномена неполных семей (в частности, одиноких женщин-матерей). Существуют исследования, определяющие специфику воспитания детей одинокими матерями, а также их психологический портрет. Было установлено, что стремление матери инфантилизировать ребенка девочками воспринимается как позитивное явление, мальчиками же наоборот, как негативное (Егорова В.Н., Матвеева Н.В., 2018), при этом может наблюдаться феномен «жертвенного материнства», который выражается в страхе потерять своего ребенка (Гасанова П.Г., Даудова Д.М., 2015). Однако следует отметить, что психологическое благополучие ребенка не зависит от воспитания его матерью-одиночкой или супружеской парой (там же). Опрос одиноких матерей-подростков выявил, что они описывают своё положение преимущественно как тяжелое, испытывают вину за своё воспитание (Ефимова А.А., Чеботарева Е.Ю., 2018). Е. П. Белинская и Е. М. Дубовская выделили несколько стратегий одиноких матерей: 1) материнская стратегия позитивного переформулирования обозначена как способ увидеть в своей жизненной ситуации позитивное, при этом отмечается дисгармония в системе запретов, 2) материнская стратегия активного совладания направлена преимущественно на систему поощрений (Белинская Е.П., Дубовская, 2016). На основании специфики поведения М. А. Мягкова предлагает следующую типологию одиноких матерей: 1) «позитивная мать», 2) «сознательная мать», 3) «традиционная мать» (Мягкова М.А., 2012).

На основании проведенного теоретического анализа следует сделать вывод о том, что социально-психологический подход позволяет проанализировать материнство не только в контексте изучения характеристик женщины-матери, способствующих гармоничному развитию ребенка, но и сделать акцент на возможных изменениях в личности самой женщины в результате этого взаимодействия. Таким образом, исследование

психологических характеристик женщин, не имеющих детей, важно в контексте рассмотрения их через призму двух характеристик: 1) личностные характеристики - изучение личностных особенностей женщин как потенциальных матерей с целью прогнозирования специфики их взаимодействия с будущим ребенком и 2) межличностные характеристики - изучение «межличностных отношений» в родительской семье с целью «установить определенные закономерности родительского влияния на социализацию и развитие личностных качеств ребенка» (Бухтиярова И. Н., 2019, с. 77).

1.3. Бездетность как предмет исследования социальной психологии

С 1970-х годов в некоторых европейских группах населения наблюдался рост уровня бездетности, отчасти из-за того, что женщины постепенно откладывали деторождение до более поздних возрастов и соответствующего снижения плодовитости, а отчасти из-за большего социального признания индивидуальных предпочтений в отношении нетрадиционных детских технологий. Таким образом, пути к бездетности могут различаться не только между отдельными людьми, но и на популяционном уровне (Fiori F. et al., 2017). Г. Г. Филиппова отмечает, что на данную тенденцию влияют и изменения в возрастной идентичности современных женщин, откладывающих рождение детей на поздний срок и игнорирующих биологические ограничения (Филиппова Г.Г., 2023).

Бездетность, будучи многогранным явлением, требует комплексного анализа, включающего как индивидуальные, так и социальные аспекты.

В данном параграфе представлен теоретический обзор феномена бездетности в рамках социально-психологических исследований, проанализированы различия между «вынужденной бездетностью» и «добровольной бездетностью», рассмотрены социально-психологические

характеристики личности женщин, не имеющих детей. В конце параграфа приведено обоснование теоретической модели эмпирического исследования.

1.3.1. Терминология, классификация и научные подходы к исследованию бездетности

Ряд современных исследователей отмечают, что термин «бездетность» используется для обозначения как добровольной, так и вынужденной бездетности (Дюпра-Куштанина В.А., Лутошкина С.Ю., 2014; Борисова О.А., 2016; Жуковская С.В., 2023; Тимченко Д.Д., 2024); также данный термин используется для обозначения осознанного желания оставаться бездетными (Козырева В.В., 2022).

В рамках нашего исследования принципиально важно разграничить вынужденную и добровольную бездетность. В первую группу женщин входят те, кто хотят иметь детей, но имеют проблемы с фертильностью (Тимченко Д.Д., 2024), также в исследованиях встречается аналог термину «бездетный» - «чайлдлесс» (Матрос М.А., 2021), который также означает невозможность иметь детей по медицинским показаниям. Е. И. Новицкий предлагает термин «бездетные поневоле», который характеризует людей, которые хотят иметь детей и прилагают для этого все усилия (Новицкий Е.И., 2015), другие специалисты акцентируют внимание на психологическом состоянии женщин с диагнозом «бесплодие» (Тювина Н.А., 2019), а также изучают социально-психологические особенности женщин данной группы. Согласно исследованиям Д. Д. Тимченко, невозможность родить ребенка приводит к комплексу несостоятельности (Тимченко Д.Д., 2024), другие авторы отмечают риск развития депрессивного состояния (Апресян С.В., 2013).

Тем не менее следует отметить, что некоторые зарубежные исследователи ставят критерий «фертильность» для разделения женщин по вопросам «бездетности» под сомнение, так как в современном мире можно

стать родителем, не имея возможности родить ребенка (Neal J.W., Neal Z.P., 2021). Однако Э. И. Гараева отмечает, что для группы вынужденно бездетных характерно принятие своей проблемы с фертильностью и осознанный отказ от усыновления, при этом важно отметить, что автор рассматривает вынужденно бездетных как подгруппу добровольно бездетных, включая в нее также временно бездетных и добровольно сознательно бездетных (Гараева Э.И., 2020).

Во вторую группу женщин входят те, кто не имеет физиологических проблем, при этом не желает становиться родителями по ряду других причин. Мы обозначаем их как «добровольно бездетные».

Термин «добровольная бездетность» появился в науке относительно недавно, но является довольно распространенным в настоящее время (Гараева Э.И., Костина Н.Б., 2019). Важно отметить, что добровольность в принятии решения оставаться бездетными может ставиться под сомнение, так как существует термин «косвенная бездетность», который характеризуется тем, что женщина желает иметь детей, но не становится матерью из-за внешних обстоятельств, на которые она не может повлиять (например, нежелание супруга становиться отцом) (Rich S. et al, 2011).

В настоящий момент можно выделить несколько подходов к изучению феномена добровольной бездетности, каждый из которых характеризуется высокой степенью важности и ценности за счет предоставляемой ими информации: 1) социально-демографический подход; 2) биологический подход; 3) социально-психологический подход (Hird M.J., Abshoff K., 2000; Mcquillan J. et al., 2008; Rich S. et al, 2011; Новоселова Е.Н., 2012; Гараева Э.И., 2014; Белинская Д.В., 2018; Халфина Р.Р. и др., 2018; Neal J.W., Neal Z.P., 2021; Клецина И.С., 2022; Fisher B.M., 2022; Рогова А.М., Давыдов С.А., 2023).

Краткий обзор подходов представлен в таблице 5.

Следует отметить, началом распространения феномена добровольной бездетности можно считать 1921 год, когда М. Зангер создала лигу по

контролю над рождаемостью в США (Лысенко Т.А. и др., 2024). Наибольшую популярность стали набирать исследования после 1975 года (Houseknecht, 1987), хотя некоторые работы были написаны раньше (Jacobsen R.B., Bigner J.J., 1991).

Таблица 5

Обзор подходов к изучению добровольной бездетности

Подход	Характеристика
Социально-демографический	В рамках этого подхода уделяется внимание социально-демографическим характеристикам и социально-экономическим особенностям добровольно бездетных. Социологические исследования позволили изучить жизненные стратегии женщин данной группы, их мотивацию, взаимодействие в реальной жизни и социальных сетях
Биологический	В рамках этого подхода к добровольно бездетным относят женщин, не имеющих проблем со здоровьем, следовательно, если у женщины есть проблемы с фертильностью, то она в данную социальную группу попасть не может
Социально-психологический	В рамках данного подхода исследования были направлены на анализ пути и принятых решений, из-за которых человек решает, оставаться ли бездетным, а также определяется отношение добровольно бездетных женщин к институту брака

Анализ современных исследований позволил определить специфику, преобладающую в большинстве рассмотренных нами работ:

1) во-первых, во многих исследованиях добровольно бездетные рассматриваются через призму их противостояния пронаталистской политике;

2) во-вторых, акцент преимущественно делается именно на желании иметь/не иметь детей, что характеризует свободу выбора; особенно в работах, где авторам было необходимо выработать критерии для отделения добровольно бездетных женщин от людей с другими родительскими статусами;

3) в-третьих, преобладают качественные исследования (в основном – глубинное интервью), позволившие изучить жизненный путь добровольно бездетных женщин и их мотивы;

4) в-четвертых, позиция добровольной бездетности не воспринимается как девиация, а трактуется как нормальное решение;

5) в-пятых, в эмпирических исследованиях преимущественно сравниваются добровольно бездетные женщины и женщины, имеющие детей.

Все перечисленные элементы являются важными и для нашего исследования. Рассмотрим их более подробно, параллельно сравнив зарубежный подход со спецификой изучения добровольной бездетности в России.

И. В. Ломакин акцентирует внимание на «консервативных пронаталистских тенденциях последних лет» (Ломакин И.В., 2019, 396); по мнению же О. Г. Исуповой, «открытый пронатализм в любой ситуации не воспринимается большинством населения стран как соответствующий их общему интересу» (Исупова О.Г., 2020, 57). Затем И. В. Ломакин отмечает, что, несмотря на то что в России фактическая бездетность воспринимается легитимно, на индивидуальном уровне она по-прежнему воспринимается как отклонение от социокультурно обусловленной нормы. Автор пишет, что пронатализм в рассмотрении добровольной бездетности не даёт возможности получить реальную картину распространения данной социальной группы (Ломакин И.В., 2019).

В целом, можно выделить две основные парадигмы в отношении феномена добровольной бездетности: 1) кризисная парадигма; 2) современная парадигма (Саляхиева Л.М., Савельева Ж.В., 2018). Как уже было отмечено нами ранее, в зарубежном подходе добровольная бездетность анализируется как норма, как естественный процесс изменения социальных институтов (Hird M.J., Abshoff K., 2000; Donath O. et al, 2022), в России большинство исследователей опираются на «теорию институционального

кризиса семьи» (Салыхиева Л.М., Савельева Ж.В., 2018, 50), подчеркивают данный феномен как отклонение от нормы (Полутова М.А., Жанбаз О.О., 2015; Большунова Т.В., 2018). Таким образом, в отечественных исследованиях добровольной бездетности можно встретить работы по рассмотрению данного феномена через призму угрозы традиционным ценностям, демографического и семейного кризиса. Эти аспекты широко освещены в трудах В. С. Ивановой (2015), М. М. Бичаровой и О. В. Морозовой (2016), С. М. Вильдановой с соавторами (2017), А. А. Михалевой (2018), В. В. Вихрова и Е. Ю. Удалых (2020), В. Р. Ушаковой (2020) и др. Тем не менее некоторые ученые подвергают сомнению, что данная социальная группа в нынешнем виде представляет угрозу из-за своей малочисленности (Рачицкая М.К, Петровская О.А., 2015; Ломакин И.В., 2019).

В целом, как показывают современные исследования, 70% современной молодёжи настроены на продолжение рода (Бушкова-Шиклина Э.В., Корелина С.К., 2024). И. В. Лебедева отмечает, что данный феномен не представляет угрозы из-за специфики российского менталитета, при этом подчеркивая агрессию со стороны добровольно бездетных в отношении людей с традиционными ценностями (Лебедева И.В., 2016; Бичарова М.М. и др., 2017).

Проведенный анализ отечественных работ позволяет сделать вывод о том, что российские ученые рассматривают вопрос добровольной бездетности как угрозу демографии, однако есть исследования, в которых данный феномен рассматривается и как новая форма современной семьи (Казанчихина М.В., 2014). Т. М. Дадаева, изучив добровольно бездетные пары, отметила определенную противоречивость в тенденциях: с одной стороны, в системе жизненных приоритетов семья и гармоничные отношения с партнером стоят на первом месте, с другой - респонденты обращали внимание на гедонистическую направленность (Дадаева Т.М., 2017).

В целом отечественный подход к исследованию связан и с пронаталистской политикой России, направленной на повышение

рождаемости (Гокова О.В., 2017), а пронатализм имеет тесную связь с традиционными формами семьи, поэтому любое отклонение воспринимается как «кризис семьи» (Исупова О.Г., 2020). Тем не менее, следует отметить, что зарубежные исследователи также отмечают пронаталистские тенденции со стороны правительства (Rich S. et al., 2011), а некоторые отмечают, что, исходя из неэффективности пронаталистской политики, женщины, у которых нет детей, могут обвиняться в «национальном упадке» (Gietel-Basten S. et al., 2023).

Итак, очевидно, что предложенная нами специфика зарубежных и отечественных исследований не ограничивается лишь перечисленными аспектами; основная цель состояла лишь в иллюстрации акцентов при изучении данного феномена в России и за рубежом.

Следует отметить, что если на западе учеными подчеркивается определенная «естественность» данной позиции, то в общественном сознании добровольно бездетные женщины воспринимаются как аут-группа и наделяются негативными личностными характеристиками (особенно со стороны матерей) по сравнению с людьми другого родительского статуса (Iverson H. et al., 2020; Neal J.W., Neal Z.P., 2021; Fisher B.M., 2022).

Отечественные исследования отношения молодёжи к добровольно бездетным продемонстрировали либо нейтральное отношение, несмотря на желание создать семью (Кислов А.Г., Шапко И.В., 2016; Левченко В.В., Баяндина Я.О., 2022), либо положительное (Гокова О.В., 2024), либо негативное (Загирова Э.М., 2023) в зависимости от региона. Исходя из этого, можно предположить, что неоднозначное отношение к добровольно бездетным – это общераспространенное явление.

Итак, помимо смещения акцентов в исследовании данного феномена, менялась и терминология, используемая для описания взрослых, решивших не иметь детей.

В 1970-х в работах преимущественно использовался термин «бездетный», однако, как уже было отмечено нами ранее, этот термин слишком обширен и включает в себя слишком много аспектов.

Термин «добровольная бездетность» возникает как альтернатива таким ярлыкам, как «бездетность», постулирующим потерю или отсутствие чего-то, что считалось необходимым (Wood G.J., Newton J., 2006). Понятие «бездетность» означает отсутствие ребенка (например, из-за бесплодия или проблем со здоровьем), тогда как понятие «бездетный образ жизни» фокусируется на сознательном выборе не быть родителем (Tessarolo M., 2006; Rizka S. M. et al, 2021).

В 1980-е увеличилось количество исследований, в которых использовались термины «добровольно» и «намеренно», связанных с бездетностью (Blackstone A., Stewart M.D., 2012).

Родоначальником научных исследований по проблеме добровольной бездетности следует считать канадского социолога Дж. Э. Виверс (Veevers J.E., 1980). Социально демографические характеристики добровольно бездетных легли в основу многих исследований:

- 1) высокий уровень дохода и образования;
- 2) трудовая занятость женщин и их ориентация на карьеру;
- 3) атеизм;
- 4) состав родительской семьи, включая порядок рождения;
- 5) размер семьи;
- 6) занятость матери;
- 7) восприятие семейного счастья родителей
- 8) отношение к детям (Исупова О.Г., 2010; Shapiro G., 2014).

Отечественные и зарубежные авторы предлагают следующие трактовки данного термина (таблица 6):

Подходы к определению добровольной бездетности в трудах
отечественных и зарубежных авторов

Автор(ы)	Определение «добровольной бездетности»
И. В. Романова О. О. Жанбаз (2014)	«явление, при котором люди сознательно отказываются от рождения детей, не имея при этом каких-либо физиологических ограничений»
М. А. ПолUTOва О. О. Жанбаз (2015)	«индивид как женского, так и мужского пола, сознательно нежелающий когда-либо иметь детей»
О. Г. Исупова (2010)	«люди, состоящие в браке и живущие полноценной сексуальной жизнью, но целенаправленно принимающие меры для того, чтобы у них при этом не рождались дети»
О. А. Камзина Н. Ю. Самыкина (2014)	«социально-психологическое явление современного общества, которое поддерживает идею осознанного отказа от деторождения»
И. В. Ломакин (2019)	«группа единомышленников, объединенная по базовому принципу добровольной бездетности и имеющая потребность в утверждении этой позиции в глазах окружающего общества»
Т. В. Большунова (2018)	«люди с активной социальной позицией, пропагандирующие свой образ жизни в социальных сетях и интернет-форумах, призывающие других людей вступить в их сообщество»
Т. М. Дадаева (2017)	«отсутствие детей и сознательное нежелание когда-либо их иметь»
Т. Н. Голубова с соавторами (2016)	««продукт» современной цивилизации, свидетельствующий о процессах изменения семейно-ценностных ориентаций»
Л. М. Саляхиева Ж. В. Савельева (2018)	«люди, мировоззрение которых исключает принятие родительской роли в той или иной форме в данный момент времени и вообще в будущем»
Д. В. Белинская (2018)	«добровольный отказ пар, имеющих возможность иметь детей, от их появления»
Л. М. Попов П. Н. Устин Ю. В. Шляпникова (2018)	«это попытка сообщить миру о том, что ценности нового поколения отличаются от традиционных, а, следовательно, существует больший диапазон вариантов семьи и отношения к деторождению»
А. О. Макаренцева Е. А. Середкина (2021)	«новая жизненная стратегия и один из вариантов репродуктивных планов населения»
А. М. Рогова С. А. Давыдов (2023)	«добровольный отказ от рождения и воспитания детей, даже при наличии достаточных социально-экономических ресурсов»
О. Donath N. Berkovitch D. Segal-Engelchin (2022)	«намеренное активное решение не быть родителем»

S. A. Parlak I. Tekin (2020)	«индивиды, обрабатывающие решение относительно родительского решения мысленно и социально»
S. Zulaikha (2023)	«точка зрения супружеской пары, решившей не иметь детей»
S. M. Rizka S. M. et al (2021)	«человека, у которого нет желания или плана иметь детей»
A. Blackstone M. D. Stewart (2012) И. В. Ломакин (2019)	«люди, идентифицирующие себя как добровольно бездетные» «определенная идентичность, относящая человека к соответствующему сообществу»
P. A Dykstra G. Hagestad (2007)	«люди, достигшие конца своего фертильного периода, позиция которых в отношении детей остаётся неизменной»
K. Park (2002, 2005)	«люди, осознающие выбор отказа от родительства» «люди, принявшие решение не иметь детей в молодом возрасте, при этом данное положение может не ставиться учеными под сомнение»
J. Moore (2014)	«спорная идентичность, которая относится к лицам, которые сделали выбор никогда не иметь детей и идентифицируют себя как таковые»
S. Gietel-Basten et all (2023)	«альтернативное выражение, которое обозначает активный выбор, свободу и эмансипацию»

Анализ показывает, что ученые не только по-разному расставляют акценты, но и используют в трактовке различные категории. Также одни авторы делают акцент на фертильности и возрастных характеристиках, другие отмечают, что люди могут принять решение и в молодом возрасте. Тем не менее, чаще всего акцент делается именно на осознанности принятия решения не рожать детей. Данные различия приводят к трудностям в определении реального распространения представителей данной группы не только в России, но и во всём мире.

Дж. Э. Виверс предложила «выделить два типа таких людей: «реджекторы, ненавидящее всё, что связано с детьми, и аффеക്ഷонадо, предпочитающие бездетный образ жизни, не испытывающие при этом неприязни к детям» (Исупова О.Г., 2014).

Ещё одну общепринятую классификацию предложили S. K. Houseknecht (1979) и D. Tietjens-Meyers (2001) – «волнообразные отказники»,

постоянно меняющие своё решение относительно рождения детей, и «постоянные откладыватели», ставящие на первое место другие задачи (карьера, обустройство быта).

Последних можно разделить на две подгруппы: те, кто всегда воображал, что станет матерью, но откладывал это в силу жизненных обстоятельств, и те, кто всегда сомневался в материнстве (Donath et al, 2022). Однако некоторые ученые подчеркивают, что данные типы можно отнести к добровольно бездетным условно (Петрова И.В., 2012; Исупова О.Г., 2014).

Другую классификацию предлагают R. Gillespie (2003), B. Settle и K. Brumley (2014). На основании исследования разных уровней принятия решения о позиции добровольной бездетности ученые «предлагают следующую классификацию: 1) добровольно бездетные женщины с «активной» позицией и 2) добровольно бездетные женщины с «пассивной» позицией». При этом следует отметить, что первая группа часто решает в детстве, что они останутся бездетными (Gillespie R., 1999). Первый тип принимает решение о желании бездетности рано, второй тип можно разделить на два подтипа: женщины, нерешительные в отношении материнства, и женщины, желающие стать матерями, но не стремящиеся к материнству в силу жизненных обстоятельств. Исследования А. Д. Андреевой иллюстрируют, что «отложенное родительство» является характерной чертой поведенческой модели современных женщин (Андреева А.Д., 2016).

О. Donath с коллегами отмечают, что вопрос «нерешительного материнства» практически не изучен, несмотря на всю его актуальность; в своём исследовании данного феномена они пришли к следующим выводам:

1) женщины не отвергали и/или не сомневались в материнстве как социальном институте, но при этом находились в состоянии нерешительности в отношении собственного материнства;

2) женщины могут стать матерями и при этом считать себя не определившимися в вопросе материнства (Donath O. et all, 2022).

В других зарубежных исследованиях также были предложены термины, отражающие феномен «нерешительного материнства»: А. Нанди предлагает термин «колеблющиеся» (Nandy A., 2017), Л. Дж. Мартин – «дебатирующие» (Martin, 2021). Нами не было обнаружено использование данного термина в отечественных исследованиях, тем не менее, Г. Г. Филиппова предлагает термин «отложенное материнство», основанное на «предыдущих установках, определяющих для женщины устойчивый выбор «или — или» (Филиппова Г.Г., 2023, с.2), а И. В. Ломакин термин - «намеренно бездетный» (intended childlessness) – «люди, не имеющие детей и утверждающие, что не намереваются их заводить, но на вопрос об идеальном количестве детей называют больше одного» (Ломакин И.В., 2019). Также Е. И. Новицкий использует термин - «временно бездетные» (temporarily childless) – люди, которые после решения ряда экономических и другого рода проблем захотят стать родителями (Новицкий Е.И., 2015).

Таким образом, важно отметить, что во всех рассмотренных терминах делается акцент на различных причинах данного репродуктивного статуса, однако в целом отражают актуальную проблему отсутствия перехода к родительству. Это согласуется с результатами исследований О. Donath и её коллег, которые подчеркивают необходимость рассмотрения вопроса материнства не только через полярные категории (женщины с детьми – женщины без детей), но и с включением в анализ женщин, находящихся в состоянии неопределенности относительно этого выбора и при этом не идентифицирующих себя с группой добровольно бездетных.

Трудности в определении критериев включения людей в выборку добровольно бездетных не позволяют определить реальный процент представителей данной социальной группы (Лысенко Т.А. и др., 2024), а также повышают вероятность допущения ошибки при включении женщин, не определившихся в вопросах материнства, в группу «добровольно бездетных» (Donath O. et al, 2022).

J. K. Dariotis предложила похожую классификацию, в основе которой лежат пути добровольно бездетных женщин, которые они проходят в своем решении об осознанной бездетности: 1) «ранние артикуляторы»; 2) «поздние артикуляторы»; 3) «вечные отсрочники».

Первый тип характеризуется ранним принятием активного решения отказаться от родительских обязанностей во время своего детства. Обычно это происходит в середине или конце подросткового возраста и в начале двадцати лет. Они утверждают, что приняли решение не иметь детей из-за личных предпочтений и отношения к детям и родительству; из-за того, что от них ожидалось, что они возьмут на себя родительские обязанности по воспитанию младших, они отмечают, что уже выполнили своё родительское предназначение. Однако следует отметить, что «ранние артикуляторы» наименее вероятны среди всех добровольно бездетных.

Второй тип характеризуется принятием активного решения отказаться от родительских обязанностей в зрелом возрасте (20 – 30 лет). Они считают, что родительские устремления и карьерные устремления несовместимы или же опасаются, что родительство поставит под угрозу их интимные отношения с супругом. Они могут связываться с партнером, который не хочет детей.

Третий тип пассивно выбирают жизнь без детей из-за последовательности решений о том, что сейчас неподходящее время для рождения детей из-за карьеры, образования и/или брака (отсрочка) планов (возраст 40 лет и старше, когда биологические «барьеры» наиболее заметны) (Dariotis J.K., 2004).

Л. М. Саляхиева и Ж. В. Савельева предлагают классификацию добровольно бездетных женщин на основании критерия субъективации мировоззрения: 1) добровольно бездетные с четкой позицией, уверенно заявляющих о своей позиции; 2) неуверенные добровольно бездетные идентифицируют себя с данной социальной группой, но не решаются рассказать о ней близким людям; 3) детные добровольно бездетные – люди,

родившие детей по ряду причин и не испытывающие к ним теплых чувств (Саляхиева Л.М., Савельева Ж.В., 2018). Исходя из этого, мы видим, что критерий «отсутствия детей», который чаще всего используется в идентификации данной социальной группы, не всегда работает; женщины могут физически стать матерями, но психологически – нет. Всё это говорит о том, что феномен бездетности – сложное и многогранное образование, которое не может трактоваться однозначно. Тип «добровольно бездетных женщин, имеющих детей», перекликается с социальным феноменом «сожаление о материнстве», который в России практически не представлен. Сожаление о материнстве и амбивалентное отношение к материнству – это разные вещи, так как второе не всегда предполагает именно сожаление (Бичарова М.М., 2016; Ломакин И.В., 2019). Важно отметить, что в нашем исследовании, женщины, заявившие о своем желании иметь детей в будущем, но при этом идентифицирующие себя с группой добровольно бездетных, из нашего исследования исключались.

Решение быть бездетным — это процесс, который находится в контексте работы, жизненного опыта, личного здоровья и отношений (Shapiro G., 2014), поэтому решение остаться бездетным может измениться в течение жизни под влиянием различных факторов. Например, на реализацию положительных репродуктивных намерений влияет наличие стабильного партнерства (Гудкова Т.Б., 2019; Архангельский В.Н. и др., 2021; Neal J.W., Neal Z.P., 2021; Бирюкова С.С., Макаренцева А.О., 2023).

Учитывая данные аспекты в определении бездетности, следует отметить несколько моментов, важных для нашего исследования, так как они учтены при формировании критериев выборки.

Во-первых, установлено, что желание быть родителем может меняться под «влиянием возраста и в ответ на текущие обстоятельства жизни» (Макаренцева А.О., Галиева Н.И., 2021, 512). В исследовании А.О. Макаренцевой с коллегами было обнаружено: 1) редкие высказывания о нежелании иметь детей были высказаны респондентами в возрастном

диапазоне 25-34 года; 2) в возрастном диапазоне 18-24 года скорее говорится об откладывании рождения детей, чем о предпочтении оставаться бездетными (там же). Некоторые исследователи указывают на трудности определения бездетности с точки зрения выбора (Letherby G., 2002); согласно другому источнику, чаще всего позиции добровольной бездетности придерживаются женщины в возрасте 20-35 лет (Переселкова З.Ю., 2024).

Согласно результатам ранних исследований (Veevers J.E., 1980; Houseknecht S.K., 1987), лишь небольшой процент опрошиваемых заявил о раннем принятии решения оставаться бездетным (Keizer R. et al, 2007). Тем не менее, другие ученые отмечают, что ряд женщин принимают решение о добровольной бездетности в подростковом возрасте (Rich S. et al, 2011; Neal J.W., Neal Z.P., 2021); К. Park отмечает, что ранний возраст принятия решения добровольно не иметь детей не должен являться основанием для сомнения в осознанности и неизменности данной позиции (Park K., 2005). Также важно отметить, что согласно исследованиям Т. В. Пальцевой, репродуктивные стратегии являются практически сформированными уже к 18 годам (Пальцева Т.В., 2006).

Итак, в данном разделе нами была рассмотрена классификация феномена бездетности, в результате чего были определены три основные группы: 1) вынужденно бездетные женщины – женщины, имеющие проблемы с фертильностью, 2) временно бездетные женщины – женщины, не имеющие проблем с фертильностью и рассматривающие возможность стать родителем после решения ряда вопросов, препятствующих появлению детей, 3) добровольно бездетные женщины – женщины, не имеющие проблем с фертильностью, но заявившие о своем желании навсегда оставаться бездетными. Наиболее подробно нами были рассмотрены женщины третьей группы, исходя из чего было отмечено, что женщины, заявившие о своем намерении оставаться бездетными, могут поменять свое решение в сторону детности. Также необходимо отметить, что вопрос идентификации с группой добровольно бездетных является принципиально важным для избегания

ошибочного включения в данную группу женщин, нерешительных в вопросе материнства.

1.3.2. Социально-психологические характеристики женщин, не имеющих детей

Анализ отечественных и зарубежных работ позволил выделить социально-психологические характеристики женщин, не имеющих детей.

Семейные и партнерские отношения следует рассмотреть через призму следующих отношений: 1) детско-родительские отношения; 2) дочерне – материнские отношения; 3) сиблинговые отношения; 4) супружеские отношения.

1) Детско-родительские отношения.

Семья является ценностью и агентом первичной социализации личности (Махиянова А. В., Шелуханова Л. В., 2012). А. Адлер писал, что неблагоприятная ситуация в детстве влияет на личностные характеристики: самооценка, принятие себя, борьба с жизненными трудностями, адекватное представление о мире. Г. Г. Филиппова отмечает, что дисфункциональная семья не может сформировать у детей адекватные модели детско-родительских отношений (Филиппова Г.Г., 2002).

Психосоциальная деформация дисфункциональной семьи обусловлена рядом фактором, включая дисгармоничный стиль воспитания ребенка и взаимодействие с ним (Фомина О.В., 2018). С. А. Капустин отмечает, что аномальность личности родителей приводит к формированию личностных деформаций и у ребенка (Капустин С.А., 2023). О. А. Камзина и Н. Ю. Самыкина обнаружили, что преобладающей стратегией семейного воспитания у добровольно бездетных женщин была либо гиперопека, либо гипоопека (Камзина О.А., Самыкина Н.Ю., 2014), являющиеся крайними дисгармоничными стилями семейного воспитания. Доказано, что наибольшее негативное влияние оказывают два типа неправильного семейного воспитания: 1) гипоопека с явным или скрытым отвержением ребенка,

применением насилия, 2) гиперопека, характеризующаяся чрезмерным потворством ребенку (Буторин Г.Г., Крыжановская Н.В., 2016).

В настоящее время большая часть отечественных и зарубежных исследователей отмечают роль семейных кризисов в формировании будущей позиции относительно деторождения (Казанчихина, 2014; Белинская Д.В., 2018; Шелехов И.Л. и др., 2019; Ушакова В.Р., 2020; Козырева В.В., 2022; Ипполитова Е.А. и др., 2023; Houseknecht, 1978; Hird M.J., Abshoff K., 2000, Rizka S.M. et al, 2021). Авторы пишут, что преобладание негативных воспоминаний о детстве (жестокое обращение, насилие со стороны родителей) является одним из преобладающих мотивов отказа от деторождения. В это же время другие ученые не находят этому подтверждения (Захарова Е.И., 2015; Устин П.Н., 2018).

2) Дочерне-материнские отношения.

В рамках рассмотрения функционально-личностного подхода к материнству мы уже рассматривали влияние дочерне-материнских отношений на формирование материнства дочери. Н.В. Пушкина в своём исследовании использует термин «пустая» мать, подчеркивая, что нарушения в диаде «мать-дочь» приводят к проблеме развития у дочери женской идентичности, к невозможности выражения агрессии (Пушкина Н.В., 2013). Отсутствие надёжной идентичности из-за конфликтных взаимоотношений с матерью могут затруднять мотивацию приобретения материнской идентичности (Блох М.Е., 2024) и приводить к «идентификационным разрывам» (Фоминых Е.С., 2018, 474). В рамках данной темы важен вопрос сепарации. По мере взросления ребенок начинает отдаляться от матери и ощущать себя автономно, однако некоторые женщины – матери могут переживать данный разрыв невротично (Гусева, Ю. Е., 2019). Н. Эйниш и К. Эльячефф отмечали, у каждой женщины две роли: роль женщины (отношения с мужем) и роль матери (отношение с ребенком). Женщины, не сумевшие найти баланс в этих ролях, могут неосознанно оставлять своего взрослого ребенка в детской позиции, боясь сепарации. Взрослые дочери

таких матерей могут никогда не выйти замуж и не стать матерями сами; для них свойственно два основных сценария: 1) отказ от собственного материнства с целью «навсегда остаться дочерью своей матери» и 2) рождение ребенка с целью избавиться от её влияния (Эйниш Н., Эльячефф К., 2018]). Также, по мнению В. И. Брутмана, отказ от материнской любви приводит к нарушениям самоидентификации женщины (Брутман В.И. и др., 2000).

В ряде глубинных интервью добровольно бездетные женщины подчеркивали, что в детстве матери не оказывали им ценную и стабильную поддержку для формирования уверенности в себе, а игра в «дочки-матери» в целом их не интересовала (Doyle J.A. et al, 2013; Höglund B., Hildingsson I., 2023). В отечественных и зарубежных исследованиях авторы также отмечают, что большинство представителей добровольно бездетных испытывали эмоциональную отстранённость и жестокое обращение со стороны матери в детстве (Камзина О.А., Самыкина Н.Ю., 2014; Моц А., 2021).

3) Сиблинговые отношения.

На репродуктивные стратегии также влияет то, сколько было детей в родительской семье. Согласно результатам исследования И. Осиповой, люди, выросшие в многодетных семьях, с вероятностью 55% хотели бы иметь трёх детей и больше (Осипова И., 2020). Тем не менее, результаты этого же исследования иллюстрируют, что межпоколенческая преемственность важна, но не гарантирует многодетность однозначно (там же).

В рамках детской подструктуры со стороны некоторых родителей существует тенденция выделения старшего из детей, чаще всего подростка, и возложение на него родительских обязанностей по уходу за младшими, что нарушает нормальную логику его развития (Лукьянченко Н.В., 2010). С нарушением родительского функционирования нагрузка падает на сиблинговую подсистему, и если старший сиблинг не справляется с предоставленными ему обязательствами, то он может прекратить контакты с

младшими (Якимова Т.В., 2011). Исходя из этого, ссылаясь на идеи А. Адлера, можно предположить, что порядок рождения в родительской семье и прочие характеристики могут влиять на репродуктивные стратегии, однако следует отметить, что ряд работ не подтверждают теорию А. Адлера (Ibodova G., Avezov O.R., 2022).

Н. В. Лукьянченко отмечает, что с социально-психологической точки зрения изучение sibлинговых отношений и опыта необходимо для полноценного исследования развивающейся личности, включая зрелый возраст и старость (Лукьянченко Н.В., 2010). Было установлено, что характер отношения с братьями и сестрами характеризуется определенной противоречивостью. С одной стороны, данные отношения положительно влияют на общий уровень благополучия человека и его коммуникативные навыки, с другой, неравное отношение родителей к детям, низкий уровень принятия и эмоциональной близости с их стороны могут приводить к конфликтам между sibлингами во взрослом возрасте и влиять на самооценку (Козлова И.Е., 2010; Булыгина М.В., 2021). Исследование детей дошкольного возраста показало, что старшие дети тяжело переживают возникновение sibлинговой подсистемы, их отношение к младшим характеризуется либо негативно, либо амбивалентно, дети стремятся отделить новорожденного из семьи, к матери проявляется агрессия (Варга и др., 1999). Зависимость характера взаимоотношений между sibлингами от типа привязанности к матери была подтверждена эмпирически; взрослые sibлинги с эмоционально-позитивными или амбивалентными отношениями имеют надежный тип привязанности к матери, в отличие от sibлингов с отстраненными или конфликтными отношениями, в их сознании сохраняется паттерн материнского поведения и стиль взаимодействия с ней (Алмазова О.В., 2014). Также следует отметить, что в процессе социализации старший sibс идентифицирует себя с родителем определенного пола, в то время как младший sibс ориентируется ещё и на старшего (Тулегенова А.Г., Васильева В.В., 2018).

Следует отметить, что некоторые ученые отмечают, что добровольно бездетные были единственным ребенком в семье (Shapiro G., 2014; Макаренцева А.О., Галиева Н.И., 2021), другие - что они выросли в многодетной семье, реализуя роль воспитателя для младших братьев и сестер (Султанова И.В., 2018; Лысенко Т.А., Дашкевич Д.Д., 2024; Höglund B., Hildingsson I., 2023).

4) Супружеские отношения.

Согласно некоторым исследованиям, отсутствие партнёра приводит к тому, что женщины принимают решение остаться бездетными (Романова И.В., Жанбаз О.О., 2014; Ломакин И.В., 2019; Moore J., 2019). Также установлено, что, хотя мужчины и женщины используют разные подходы в выборе партнёров и рождении детей, представители обоих полов главным образом стремятся установить между собой глубокую эмоциональную связь. (Полякова И.Г., Акрамова Г.Р., 2024).

Тем не менее, есть ряд работ, демонстрирующих, что даже при наличии партнёра женщины остаются бездетными.

Во-первых, один из партнеров может смириться с позицией добровольной бездетности другого и принять её (Ломакин И.В., 2019).

Во-вторых, добровольно бездетные – это люди, которые, как правило, имеют партнера и ведут активную сексуальную жизнь, следовательно, ищут способы, чтобы не стать родителями (Белинская Д.В., 2018).

В-третьих, было обнаружено, что некоторые женщины оказались в социальной группе добровольно бездетных из-за сознательного их включения мужчинами (Ростовская Т.К., Васильева Е.Н., 2021; Rich S. et al, 2011).

Таким образом, очевидно, что наличие/отсутствие партнёра, а также его собственная позиция в отношении детей могут оказывать существенное влияние на формирование или поддержание существующей позиции относительно деторождения.

3. Ценностные ориентации.

Г. Г. Филиппова выделяет четыре основных типа ценности ребенка: «1) эмоциональная; 2) повышено эмоциональная; 3) замена самостоятельной ценности ребенка на ценности из социально-комфортной сферы; 4) отсутствие ценности» (Филиппова Г.Г., 2002).

Ценности связаны с репродуктивными стратегиями (Кочepasова А.Ю., 2020), например, есть исследования, доказывающие, что у женщин, желающих иметь детей, репродуктивные стратегии связаны с такими ценностями как любовь и семья (Бурага Н., Толмач И., 2017). Т. В. Пальцева отмечает, что основным фактором, влияющим на репродуктивные стратегии, являются ценностные ориентации (Пальцева Т.В., 2006).

В отечественных и зарубежных исследованиях ценностные ориентации добровольно бездетных женщин представлены довольно обширно. Кратко обозначим результаты отечественных исследований: «1) гедонистическая направленность; 2) нежелание брать на себя ответственность; 3) не выражена такая ценность как любовь, но преобладают такие ценности как материальное благополучие, досуг и отдых, 4) женщины данной группы меньше готовы руководствоваться общепринятыми нормами и правилами, нежели женщины – матери» (Захарова Е.И., 2015; Голубова Т.Н. и др., 2016; Устин П.Н., 2018; Ушакова В.Р., 2020; Земзюлина И.Н., Северинова А.В., 2020; Виллюжанина Т.А., 2020; Ерофеева М.А., 2021; Молодцова Н.Г., 2021; Шестернина Т.Д., Панькова А.М., 2021; Козырева В.В., 2022; Косцова М.В. и др., 2022).

В целом, зарубежные исследователи также подчеркивают гедонистическую направленность представителей группы добровольно бездетных по сравнению с теми, кто хочет их иметь (Baum F., 1983), отсутствие религиозности, большую ценность общего качества жизни, нежели карьеры (Shapiro G., 2014), ориентацию на эгалитарные женские роли (Manning-Kelly S.M., 2007; Sakman E., 2021), меньшую склонность к сохранению определенных социальных норм (Мелконян А.А., Мкртчян А.А., 2019).

Согласно другим исследованиям, добровольно бездетные женщины сообщают о более высокой приверженности своей карьере, об отсутствии категорий материнство и дети как центральных аспектов их жизни (McQuillan J. et al, 2012; Doyle J.A. et al, 2013), о ценности свободы во многих измерениях жизни (Brumley K., Settle B., 2014; Graham M. et al., 2015; Salgado F., Magalhaes S.I., 2024).

Примерно с 60-х годов прошлого века начинает формироваться психология социального познания с целью получения знаний об особенностях понимания, интерпретации и осмысления индивидами и большими социальными группами окружающего мира. Помимо ценностной теории М. Рокича и Шварца, среди теорий, пытающихся объяснить социальное поведение, можно выделить следующие: 1) теория социальных представлений С. Московичи и его последователей; 2) теория социальных аксиом М. Бонда и К. Леунга (Татарко А.Н., Лебедева Н.М., 2020).

Отдельно следует отметить и диагностику моральных оснований, включающую в себя не только нравственные ценности, но и эмоции, установки, когнитивные элементы (Graham M. et al, 2015). Авторы теории полагают, что в ходе эволюции формировались различные моральные основания как реакция на специфические адаптационные вызовы (Сычев О.А., 2023). Таким образом, исследование моральной сферы необходимо для изучения острых социальных проблем.

Отдельного внимания заслуживает исследование мотивов избегания материнства.

Первые работы по исследованию мотивов избегания материнства у женщин, добровольно отказывающихся от рождения детей, появились практически сразу после внедрения данного феномена в науку (Blackstone A., Stewart M.D., 2012). Мотивация является одним из компонентов готовности к материнству (Филиппова Г.Г., 2002), а также отношения к нему (Радостева А.Г., 2019).

Исследователи отмечают, что выявление истинных мотивов избегания материнства может поспособствовать гармонизации состояния женщины и коррекции ее репродуктивной стратегии в сторону детности (Осипенко И.М., 2019), а мотивация рождения ребенка «раскрывает побудительный компонент репродуктивной установки» (Киричик Е.С., Ярмольчик Е.В., 2023, с. 138). Ученые выделяют конструктивные и деструктивные мотивации: 1) к конструктивным мотивациям можно отнести, например, желание дать новую жизнь, обоюдное желание обоих супругов иметь ребенка и т.д., 2) к деструктивным мотивациям относят, например, восполнение дефицита любви за счет ребенка, стремление удержать партнера и т.д. (Стойнова И.Я., Магденко О.В., 2012; Морозова И.С., Белогай Ю.В., 2014; Корниенко Д.С и др., 2017).

Следует отметить, что существует несколько взглядов на вопрос мотивации рождения ребенка: 1) В. В. Бойко отмечает, что «потребность в детях – это социально-психологическое образование и никак не связано с биологией» (Бойко В.В., 1983); 2) М. Орлевская отмечает, что «желание иметь (или не иметь) детей связано с переживаниями в родительской семье» (Орлевская М., 2004); 3) П. П. Раага, анализируя проблему вынужденной бездетности, отмечает, что это «может быть связано с такими личностными характеристиками как выученная беспомощность, искаженное представление о себе в роли матери, боязнь родить нездорового ребенка» и т.д. (Раага П.П., 2021). Ученые выяснили, что нежелание иметь детей связано с личностной беспомощностью (Куцубей А.Т., Пономарева И.В., 2019), с искажением ценности материнства (Стойнова И.Я., Магденко О.В., 2013). Г. В. Бурменская с коллегами, анализируя девушек – студенток, обнаружили, что высокая значимость образования, карьеры, а также самореализация способствуют откладыванию деторождения на более поздний срок (Бурменская Г.В. и др., 2018).

На основании отечественных и зарубежных работ нами была составлена таблица мотивов избегания материнства (Гараева Э.И., 2018;

Белинская Д.В., 2018; Устин П.Н., 2018; Куцубей А.Т., Пономарева И.В., 2019; Вилюжанина Т.А., 2020; Козырева В.В., 2022; Косцова М.В. и др., 2022; Мамаев В.В., Васильева А.А., 2022; Калачикова О.Н., 2023; Hird M.J., Abshoff K., 2000; Blackstone A., Stewart M.D., 2012; Shapiro G., 2014; Sakman E., 2021; Fisher B.M., 2022; Larrambebere M., 2023).

Результаты представлены в таблице 7.

Таблица 7

Мотивы избегания материнства у женщин

Группа мотивов	Виды мотивов
Мотивы, связанные с переживаниями в родительской семье	1. Воспоминания о детских потрясениях и кризисах 2. Отталкивающее поведение детей (крики, шум, плач) 3. Обиды на родителей
Мотивы, связанные с отношениями с партнером	1. Желание посвящать время преимущественно себе или партнеру 2. Отсутствие или разрыв отношений в паре
Мотивы, связанные с уходом за ребенком	1. Желание сохранить здоровье и неготовность жертвовать здоровьем ради вынашивания и рождения ребенка 2. Отвращение к процессу вынашивания, рождения и кормления ребенка 3. Страх не вернуться в привычную физическую форму после родов 4. Страх родить больного ребенка 5. Страх передать ребенку свою генетику и психические расстройства 6. Страх воспитать ребенка, не соответствующего идеальным представлениям о нём
Мотивы, связанные с карьерными и материальными аспектами	1. Желание построить успешную карьеру и занять высокую должность 2. Желание сохранить свое материальное благополучие 3. Невозможность обеспечить ребенку достойный уровень материального благополучия 4. Денежные затраты, связанные с воспитанием ребенка 5. Трудности совмещения личного и профессионального 6. Отсутствие гарантий и нестабильность занятости 7. Трудности с получением надлежащего жилья

Мотивы, связанные с экзистенциальными аспектами	1. Нежелание обрекать ребенка на морально-нравственные и душевные страдания 2. Отсутствие уверенности в «завтрашнем дне» 3. Отсутствие «потребности в детях» как обязательного компонента успешной жизни 4. Страх остаться одной с ребенком без поддержки со стороны близких людей 5. Недостаточная институциональная поддержка воспитания и ухода за детьми 6. Сомнения в родительских способностях 7. Страх становиться взрослым
Мотивы, связанные с экологией	1. Желание спасти планету от перенаселения 2. Желание спасти планету от экологической катастрофы

Анализ мотивов избегания материнства лег в основу разработки анкеты.

Итак, бездетность является сложным и многофакторным феноменом, обусловленным социально-психологическими и социально-демографическими характеристиками. На основании теоретического анализа литературы были определены специфические характеристики женщин данной группы: 1) на формирование позиции отказа от деторождения влияют дисфункциональность детско-родительских отношений, конфликты в диаде «мать-дочь», негативный опыт ухода за младшими сиблингами (Камзина, Самыкина, 2014; Höglund, Hildingsson, 2023); 2) в рамках ценностных ориентаций - приоритет свободы, карьеры, гедонизма, материального благополучия над традиционными семейными ценностями (Захарова, 2015; Shapiro, 2014; Salgado, Magalhaes, 2024); 3) мотивы избегания материнства варьируются от осознанного выбора (свобода, карьера) до психологических барьеров (страх ответственности, травматичный опыт).

Выводы по итогам главы 1

В первой главе диссертационного исследования мы рассмотрели традиционные подходы к исследованию социальных представлений: 1) структурный подход Ж.-К. Абрика (школа Экс-ан-Прованса), 2) подход Д.

Жоделе (Парижская школа), 3) динамический подход В. Дуаза (Женевская школа) и более современные: 1) социогенетический подход (С. Московичи), 2) структурный подход Ж.-К. Абрика, 3) динамический подход В. Дуаза и 4) диалогический подход И. Марковой. В нашей работе в качестве теоретико-методологической основы исследования был выбран и обоснован структурный подход Ж.-К. Абрика как наиболее соответствующий цели нашего исследования.

В данной главе диссертационного исследования также было рассмотрено понятие материнства; в качестве теоретико-методологической основы исследования был выбран и обоснован социально-психологический подход, в основе которого лежат идеи Г. М. Андреевой, Г. Г. Филипповой и И. Н. Бухтияровой. Выбор данного подхода обоснован тем, что он позволяет, с одной стороны, анализировать материнство как личностную сферу женщины, акцентируя и прогнозируя возможные психологические изменения в её жизни вследствие взаимодействия с ребёнком, а с другой — рассматривать личностные характеристики потенциальных матерей как результат их взаимодействия с родителями как агентами первичной социализации (Г. М. Андреева). На основании этого, нами было предложено исследование психологических характеристик личности женщин, не имеющих детей, через призму двух характеристик: 1) личностные характеристики — изучение материнства как самостоятельной психологической функции (Г. Г. Филиппова) и 2) межличностные характеристики — изучение материнства через призму «межличностных отношений» в родительской семье с целью изучить последствия их влияния на развитие личностных качеств потенциальных матерей (И. Н. Бухтиярова).

Также нами были проанализированы различия в классификациях, терминах и методологических подходах к исследованию феномена бездетности. Нами была предложена трактовка термина «добровольно бездетные женщины», отражающая методологические принципы нашего исследования: добровольно бездетные женщины - женщины, осознанно

принявшие решение оставаться бездетными и идентифицирующие себя как представителей данной социальной группы.

Опираясь на анализ литературных источников, «в качестве социально-психологических характеристик, отражающих личностные характеристики, т.е. материнство как самостоятельную психическую функцию женщины, были выделены: ценностные ориентации, социальные аксиомы, моральные основания, мотивы избегания материнства, а в качестве социально-психологических характеристик, отражающих межличностные характеристики, т.е. результаты влияния родительской семьи на формирование личностных характеристик женщин, следующие: стиль семейного воспитания в родительской семье, семейные эмоциональные коммуникации в родительской семье.

Помимо социально-психологических характеристик необходим анализ и социально-демографических характеристик, оказывающих возможное влияние на представления женщин о материнстве: 1) возраст, 2) финансовая самостоятельность, 3) состав родительской семьи, 4) наличие сибсов, 5) порядок рождения в родительской семье, 6) семейный статус (наличие/отсутствие партнера).

На рисунке 1 приведена теоретическая модель эмпирического исследования, характеризующая социально-психологические и социально-демографические характеристики социальных представлений о материнстве у женщин, не имеющих детей. Данная модель сформулирована в парадигме социально-психологического подхода на основании анализа отечественных и зарубежных источников.

Рис. 1. Теоретическая модель эмпирического исследования социальных представлений о материнстве у женщин, не имеющих детей.

В теоретическую модель включены 4 блока: 1) социальные представления о материнства, 2) социально-психологические характеристики (личностные характеристики), 3) социально-психологические характеристики (межличностные характеристики), 4) социально-демографические характеристики.

Первый блок «социальные представления о материнстве» отражает предмет нашего исследования. Для изучения социальных представлений нами был выбран и обоснован структурный подход Ж.-К. Абрика.

Второй и третий блоки сформулированы в рамках социально-психологического подхода, обоснованного в первой главе. На основе анализа социально-психологических характеристик, включённых в оба блока, можно проследить психологические изменения, которые могут произойти с женщиной после рождения ребёнка, а также исследовать влияние опыта общения в родительской семье. Анализ данных социально-психологических характеристик также позволит изучить их влияние на представления женщин о материнстве.

Четвертый блок «социально-демографические характеристики» включает в себя следующие социально-демографические характеристики: 1) возраст, 2) финансовая самостоятельность, 3) состав родительской семьи, 4) наличие сибсов, 5) порядок рождения в родительской семье, 6) семейный статус (наличие/отсутствие партнера). Данные характеристики потенциально влияют на представления женщин о материнстве.

Результаты проверки данной модели будут представлены далее.

ГЛАВА 2. ОРГАНИЗАЦИЯ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Во второй главе раскрыты методы и методики исследования, статистические методы обработки данных, характеристики выборки исследования и процедура исследования.

2.1. Методы и методики исследования

В таблице 8 представлено описание методов и методик исследования:

Таблица 8

Методы и методики исследования

Исследуемый феномен	Методика	Эмпирические референты	Характер шкалы	Размерность шкалы (диапазон)
«Субъективная» информация от добровольно бездетных женщин о социально-психологических феноменах				
«Субъективная» информация от добровольно бездетных женщин о социально-психологических феноменах: семья и материнство, родительская семья	Метод фокус – группы	Категории, выделенные с помощью контент-анализа	Номинальная шкала	-
Социальные представления о материнстве				
Социальные представления	Ассоциативный метод	Категории, выделенные с помощью контент-анализа	Номинальная шкала	-
	Метод прототипического анализ П. Вержеса	Ядро	Номинальная шкала	Высокая частота встречаемости ассоциации и низкий средний ранг
	*(структура представления выявляется с опорой на два параметра: ранг возникновения ассоциации и частоту ассоциации)	Первая буферная зона		Невысокая частота встречаемости ассоциации, но она должна упоминаться в первую очередь

		Вторая буферная зона		Высокая частота встречаемости ассоциации, но она должна встречаться не в первую очередь
		Периферия		Низкая частота встречаемости ассоциации и высокий средний ранг
Мотивы избегания материнства				
Мотивы избегания материнства	Анкета	Воспоминания о детских потрясениях и кризисах	Порядковая шкала	Мин-макс: 1 - 7
		Отталкивающее поведение детей (крики, шум, плач)		Мин-макс: 1 - 7
		Обиды на родителей		Мин-макс: 1 – 7
		Желание построить успешную карьеру и занять высокую должность		Мин-макс: 1 - 7
		Желание сохранить здоровье и неготовность жертвовать здоровьем ради вынашивания и рождения ребенка		Мин-макс: 1 - 7
		Желание сохранить свое материальное благополучие		Мин-макс: 1 - 7
		Отвращение к процессу вынашивания, рождения и кормления ребенка		Мин-макс: 1 - 7
		Страх не вернуться в привычную физическую форму после родов		Мин-макс: 1 - 7
		Страх передать ребенку свою генетику и психические расстройства		Мин-макс: 1 - 7
		Страх родить больного ребенка		Мин-макс: 1 - 7
Страх воспитать ребенка, не соответствующего	Мин-макс: 1 - 7			

		идеальным представлениям о нём		
		Желание посвящать время преимущественно себе или партнеру		Мин-макс: 1 - 7
		Желание спасти планету от перенаселения, от экологической катастрофы		Мин-макс: 1 - 7
		Нежелание обрекать ребенка на морально-нравственные и душевные страдания		Мин-макс: 1 - 7
		Невозможность обеспечить ребенку достойный уровень материального благополучия		Мин-макс: 1 - 7
		Отсутствие уверенности в «завтрашнем дне»		Мин-макс: 1 - 7
		Страх остаться одной с ребенком без поддержки со стороны близких людей		Мин-макс: 1 - 7
		Отсутствие «потребности в детях» как обязательного компонента успешной жизни		Мин-макс: 1 - 7

Социально-психологические характеристики, определяющие социальные представления о материнстве (личный уровень)

Социальные аксиомы	Сокращенная версия методики «Опросник социальных аксиом» (ОСА-31) (авторы: М. Бонд, К. Леунг, адаптация: А. Н. Татарко, Н. М. Лебедева)	Социальный цинизм	Порядковая шкала	Мин-макс: 7 - 35
		Контроль судьбы		Мин-макс: 5 - 25
		Религиозность		Мин-макс: 5 - 25
		Награда за усилия		Мин-макс: 6 - 30
		Социальная сложность		Мин-макс: 8 - 40
Ценностные ориентации	Методика «Ценностный опросник» (автор: Ш. Шварц, адаптация В. Н.	Ценностные ориентации (уровень нормативных идеалов и уровень индивидуальных приоритетов)	Комбинированная шкала измерения (сочетание ранговой и интервальной шкал в первой части опросника)	

	Карандышев)	Иерархия ценностей (уровень нормативных идеалов)		
		Конформность		Мин-макс: (-4) – 28
		Традиции		Мин-макс: (-5) – 35
		Доброта		Мин-макс: (-5) – 35
		Универсализм		Мин-макс: (-8) – 56
		Самостоятельность		Мин-макс: (-5) – 35
		Стимуляция		Мин-макс: (-3) – 21
		Гедонизм		Мин-макс: (-3) – 21
		Достижения		Мин-макс: (-4) – 28
		Власть		Мин-макс: (-4) – 28
		Безопасность		Мин-макс: (-5) – 35
		Иерархия ценностей (уровень индивидуальных предпочтений)		
		Конформность		Мин-макс: (-4) – 16
		Традиции		Мин-макс: (-4) – 16
		Доброта		Мин-макс: (-4) – 16
		Универсализм		Мин-макс: (-6) – 24
		Самостоятельность		Мин-макс: (-4) – 16
		Стимуляция		Мин-макс: (-3) – 12
		Гедонизм		Мин-макс: (-3) – 12
		Достижения		Мин-макс: (-4) – 16
		Власть		Мин-макс: (-3) – 12
		Безопасность		Мин-макс: (-5) – 20
Моральные основания	Методика «Опросник моральных оснований» (авторы: Дж. Грэхем с коллегами, адаптация: О. А. Сычев с коллегами)	Забота	Порядковая шкала	Мин-макс: 0 - 30
		Справедливость		Мин-макс: 0 - 30
		Лояльность к группе		Мин-макс: 0 - 30
		Уважение к авторитету		Мин-макс: 0 - 30
		Чистота		Мин-макс: 0 - 30

		Этика автономии		Мин-макс: 0 - 60
		Этика общества		Мин-макс: 0 – 90
Социально-психологические характеристики, определяющие социальные представления о материнстве (межличностный уровень)				
Стиль семейного воспитания в родительской семье	Методика «Стиль воспитания в родительской семье» (автор: Е. В. Черный)	Репрессивный стиль воспитания	Порядковая шкала	Мин-макс: 0 – 22
		Пермиссивный стиль воспитания		Мин-макс: 0 – 22
Семейные эмоциональные коммуникации в родительской семье	Методика «Семейные эмоциональные коммуникации» (авторы: А. Б. Холмогорова., С. В. Воликова, М. Г. Сорокова)	Родительская критика	Порядковая шкала	Мин-макс: 0 – 21
		Индуктивное поведение		Мин-макс: 0 – 15
		Элиминирование эмоций		Мин-макс: 0 – 18
		Фиксация на негативных эмоциях		Мин-макс: 0 - 9
		Внешнее благополучие		Мин-макс: 0 - 9
		Сверхвключенность		Мин-макс: 0 – 9
		Семейный перфекционизм		Мин-макс: 0 – 9
		Общий показатель семейных дисфункций		Мин-макс: 0 – 90

Опишем представленные в таблице методы и методики в порядке их использования для решения исследовательских задач.

Метод фокус-группы

Метод фокус-группы представляет собой групповое фокусированное полустандартизированное интервью, проходящее в форме групповой дискуссии и направленное на получение информации от участников относительно различных социальных феноменов (Радина Н.К., 2009).

Метод фокус-групп в нашем исследовании применялся для выявления мнений добровольно бездетных женщин касательно различных социальных явлений. Полученные данные послужили основой для выбора

инструментария исследования и последующей интерпретации результатов, подробно освещённых в третьей главе.

В исследовании приняли участие 8 женщин, идентифицирующих себя как добровольно бездетные (это было основным условием включения в фокус-группу).

Порядок фокус-группы следующий:

- 1) Составление вопросов для исследования.
- 2) Проведение фокус-группы.
- 3) Обработка и интерпретация результатов.

На этапе набора исследуемых женщинам были отправлены письма, разъясняющие процедуру и правила проведения фокус-группы, испытуемые также были уведомлены о праве отказаться участвовать в работе в любое время без объяснения причины.

Во время проведения фокус-группы велась аудиозапись с целью дальнейшей расшифровки; исследуемые также были уведомлены об этом и дали своё согласие на фиксацию их слов.

На первом этапе участникам задавались вопросы, не относящиеся к теме исследования, с целью расположить их к дальнейшему разговору и настроить на совместную работу (15 минут).

На втором этапе участникам задавались основные вопросы, отражающие цель и задачи фокус-группы (60 - 70 минут).

На третьем этапе участникам задавались дополнительные вопросы, а также предлагалась поделиться отзывом об участии в группе и высказать свои пожелания (15 минут).

Общие выводы по результатам фокус-группового исследования следующие:

- 1) Добровольно бездетные женщины схожи во взглядах относительно распределения ролей в семье между мужчиной и женщиной.

2) Добровольно бездетные женщины по-разному относятся к себе в роли матери и по-разному интерпретируют возможный стиль воспитания детей.

3) Часть добровольно бездетных женщин допускают, что их позиция относительно деторождения может измениться, другая – нет.

4) Половина добровольно бездетных женщин считают, что отношения в семье напрямую повлияли на их позицию относительно деторождения, другая – нет.

В основу подбора исследовательских методик легли только те параметры, по которым мнения добровольно бездетных женщин разошлись. Таким образом, от исследования параметра распределения ролей между мужчиной и женщиной в семье в дальнейшем было решено отказаться из-за схожести взглядов респондентов.

Рассмотрим методы исследования социальных представлений

Ассоциативный метод

Суть ассоциативного эксперимента заключается в фиксировании первого пришедшего на ум слова после предъявления слова – стимула (Лукьянова Е.Е., 2020), в нашем случае словом – стимулом является «материнство», ограничение по количеству ассоциаций – 5.

На следующем этапе исследования полученные ассоциации были обработаны при помощи метода прототипического анализа.

Прототипический анализ (П. Вержес)

Метод прототипического анализа позволил распределить ассоциации на 4 зоны: ядро, периферия, две буферные зоны (Verges P., 1994).

В основе распределения ассоциаций лежат два критерия: частота ассоциации и средний ранг.

- для включения в ядро ассоциация должна иметь высокую частоту встречаемости и низкий средний ранг

- для включения в периферию – низкую частоту встречаемости и высокий средний ранг.
- для включения в первую буферную зону ассоциация должна иметь невысокую частоту встречаемости, но должна упоминаться в первую очередь,
- для включения во вторую буферную зону, наоборот, ассоциация должна иметь высокую частоту встречаемости, но встречаться не в первую очередь.

Синонимичные ассоциации были объединены в словарь терминов (например: 1) ребенок, дети, младенец; 2) боль, больно и т.д.).

В нашей работе прототипический анализ использовался для исследования структуры и содержания социальных представлений о материнстве среди всех респондентов.

Ассоциации, находящиеся в ядре, благодаря процедуре прототипического анализа, в дальнейшем легли в основу кластерного анализа с целью разработки типологии женщин, имеющих разные типы представлений о материнстве.

Анкета

Анкета была разработана нами с целью распределения выборки на группы для дальнейшего исследования, анализа их социально-демографических характеристик и выявления мотивов избегания материнства (Приложение 1).

Анкета состоит из трех частей:

1) Первая часть анкеты включает вопросы, позволяющие выявить информацию у женщин относительно их позиции желая иметь детей в дальнейшем, о возможном изменении своей позиции и возможной идентификации с социальной группой добровольно бездетных; также в этой части содержатся вопросы, позволяющие собрать информацию о социально-демографических характеристиках.

2) Во второй части анкеты респондентам было предложено написать 5 ассоциаций к термину «материнство».

3) Третья часть анкеты была направлена на выявление мотивов избегания материнства.

Перечень мотивов был сформирован на основании анализа отечественных и зарубежных источников, посвященных изучению мотивов откладывания рождения детей, и рассмотрен нами в предыдущей главе (см. гл.1, ч.3.1., параграф 1.3.2).

В таблице 9 представлен перечень параметров и список утверждений (вопросов):

Таблица 9

Перечень параметров и список утверждений (вопросов)

Параметр	Утверждение (вопрос)
Вопрос(ы) относительно материнской позиции, вероятности её изменения и возможной идентификации с социальной группой добровольно бездетные	
Позиция относительно намерения иметь детей в дальнейшем и вероятность её возможного изменения	Утверждение (вопрос) № 3
	Утверждение (вопрос) № 4
Возможность идентификации с социальной группой добровольно бездетные	Утверждение (вопрос) № 5
Вопрос(ы) относительно социально-демографических характеристик опрашиваемых	
Возраст	Вопрос № 1
Уровень образования	Вопрос № 2
Семейный статус	Вопрос № 6
Состав родительской семьи	Вопрос № 7
Наличие сибсов в родительской семье и порядок рождения в родительской семье	Вопрос № 8
	Вопрос № 9
Материальный статус (финансовая независимость)	Вопрос № 10
	Вопрос № 11
Вопрос(ы), направленный на выявление социальных представлений о материнстве	
Социальные представления о материнстве	Вопрос № 12
Вопрос(ы), направленный на выявление мотивов избегания материнства	
Мотивы, связанные с переживаниями в родительской семье	
Воспоминания о детских потрясениях и кризисах	Вопрос № 1
Обиды на родителей	Вопрос № 3
Мотивы, связанные с переживаниями в отношениях с партнером	
Желание посвящать время преимущественно себе или партнеру	Вопрос № 12

Мотивы, связанные с уходом за ребенком	
Отталкивающее поведение детей (крики, шум, плач)	Вопрос № 2
Желание сохранить здоровье и неготовность жертвовать здоровьем ради вынашивания и рождения ребенка	Вопрос № 5
Отвращение к процессу вынашивания, рождения и кормления ребенка	Вопрос № 7
Страх не вернуться в привычную физическую форму после родов	Вопрос № 8
Страх передать ребенку свою генетику и психические расстройства	Вопрос № 9
Страх родить больного ребенка	Вопрос № 10
Страх воспитать ребенка, не соответствующего идеальным представлениям о нём	Вопрос № 11
Мотивы, связанные с карьерными и материальными аспектами	
Желание построить успешную карьеру и занять высокую должность	Вопрос № 4
Желание сохранить свое материальное благополучие	Вопрос № 6
Невозможность обеспечить ребенку достойный уровень материального благополучия	Вопрос № 15
Мотивы, связанные с экзистенциальными аспектами	
Нежелание обрекать ребенка на морально-нравственные и душевные страдания	Вопрос № 14
Отсутствие уверенности в «завтрашнем дне»	Вопрос № 16
Страх остаться одной с ребенком без поддержки со стороны близких людей	Вопрос № 17
Отсутствие «потребности в детях» как обязательного компонента успешной жизни	Вопрос № 18
Мотивы, связанные с экологией	
Желание спасти планету от перенаселения, от экологической катастрофы	Вопрос № 13

Анкета представлена в Приложении 1.

Рассмотрим методики исследования личностных характеристик: социальные аксиомы, ценностные ориентации, моральные основания.

Сокращенная версия методики «Опросник социальных аксиом» (ОСА-31)

«Опросник социальных аксиом» был впервые разработан М. Х. Бондом и К. Леунгом в 2004 году (Бонд, Леунг, 2004), в 2011 году А. Н. Татарко и Н.

М. Лебедевой была предложена русскоязычная полная версия данной методики (Татарко А.Н., Лебедева Н.М., 2011), в 2020 году из-за проблем её использования на большой репрезентативной выборке из-за количества вопросов (126 пунктов) этими же авторами была апробирована сокращенная версия методики (Татарко А.Н., Лебедева Н.М., 2020).

Целью данной методики является изучение социальных аксиом, то есть наиболее общих верований человека относительно самого себя, других людей, окружающего мира в целом. В нашем исследовании данная методика также применялась для исследования верований респондентов.

Методика состоит из 31 вопроса и включает в себя следующие шкалы:

- Социальный цинизм - негативный взгляд на природу человека;
- Контроль судьбы - верования, что всё в жизни предопределено и что существуют разные способы влиять на судьбу;
- Религиозность - вера в сверхъестественное, в силу религии;
- Награда за усилия - усилия рано или поздно приводят к достижению результата, помогают избегать негативных последствий;
- Социальная сложность - отсутствие абсолютных правил, наличие множества вариантов для достижения цели.

Исследуемым предлагается оценить степень своего согласия с каждым из высказываний по шкале от 1 до 5, где 1 – абсолютно не согласен, 2 – не согласен, 3 – не знаю, 4 – согласен, 5 – абсолютно согласен.

По каждому блоку социальных аксиом подсчитывается среднее значение. Обратное утверждение необходимо перекодировать.

Методика «Ценностный опросник»

Впервые данная методика была разработана и апробирована Ш. Шварцем (1992), на русский язык данная методика была адаптирована В. Н. Карандышевым (2004). Данная методика позволяет выявить ценностные ориентации, состоит из двух частей.

Методика применялась для определения ценностной структуры исследуемых и позволяет проанализировать 10 ценностей:

- «Конформность - пресечение действий, способных нанести вред окружающим, стремление сдерживать негативные склонности
- Традиции - уважение и ответственность за культурные и религиозные обычаи
- Доброта - сохранение и повышение благополучия близких людей
- Универсализм - понимание и защита благополучия всех людей и природы
- Самостоятельность – самостоятельность мысли и действий
- Стимуляция - волнение и новизна, глубокие переживания
- Гедонизм – наслаждение и чувственное удовольствие
- Достижения - личный успех в соответствии с социальными стандартами
- Власть - социальный статус, доминирование над людьми и ресурсами, желание сохранить доминантную позицию
- Безопасность - безопасность и стабильность общества, отношений, гармония самого человека»

Первая часть опросника включает в себя ценности, оказывающие влияние на личность (57 вопросов).

Человеку предлагается оценить каждую из предложенных ценностей по шкале от – 1 до 7, «ориентируясь на следующие показатели:

- 1 - характеризует ценности, противоположные Вашим принципам;
- 0 - ценность совершенно не важна, не является руководящим принципом Вашей жизни;
- 1-5 - ценность важна;
- 6 - ценность очень важна;
- 7 - ценность высшей значимости, обычно таких ценностей не должно быть более двух».

Вторая часть опросника представляет собой профиль личности (40 описаний человека, характеризующих 10 ценностей).

Человеку предлагается оценить, насколько предложенный портрет человека похож/не похож на него и его Идеал, ориентируясь на следующие показатели: «очень похож (4), похож (3), в некоторой степени похож (2), немного похож (1), не похож (0), совсем не похож (-1)».

При интерпретации результатов диагностируются два различных типа ценностей: 1) нормативные идеалы; 2) ценности на уровне поведения.

«При первичной обработке данных по каждой части опросника высчитывается средний балл для выбранных испытуемым ответов в соответствии с ключом. Величина этого среднего балла по отношению к другим позволяет судить о степени значимости этого типа ценностей для испытуемого.

В соответствии со средним баллом по каждому типу ценностей устанавливается их ранговое соотношение (от 1 до 10, где 1 – наиболее высокий средний балл, 10 – наиболее низкий).

Ранг от 1 до 3 характеризует их высокую значимость для испытуемого.

Ранг от 7 до 10 свидетельствует о низкой значимости соответствующих ценностей».

Методика «Опросник моральных оснований»

Методика «Опросник моральных оснований» была разработана и апробирована Дж. Грэхемом с коллегами (2009) в рамках теории моральных оснований, на русский язык данная методика была адаптирована О. А. Сычевым с коллегами (2018). Целью данной методики является изучение моральных ценностей и убеждений, лежащих в основе его суждений и поведения. В нашем исследовании данная методика применялась для изучения моральных оснований всех респондентов.

Методика состоит из двух частей, в каждой из которых содержится 15 вопросов, образующих пять соответствующих моральным основаниям шкал:

- «Забота - одобрение проявлений доброты, готовности помочь и запрет на причинение вреда.

- Справедливость - одобрение честности, объективности, непредвзятости, соблюдения прав и осуждение несправедливости, неравенства, обмана.
- Лояльность к группе - одобрение преданности своей группе и осуждение предательства.
- Уважение к авторитету - одобрение почтительного отношения к власти и авторитетным лицам, подчинения авторитетам, уважение обычаев, традиций и осуждение непочтительности, отхода от традиций.
- Чистота - одобрение воздержанности, нравственной чистоты, уважения святынь и осуждение отвратительных, греховных поступков и развращенности».

В первой части перед испытуемыми ставился следующий вопрос: «Когда Вы решаете, что правильно, а что неправильно, какое значение имеют для Вас следующие соображения?» и предлагалась шестибалльная шкала оценки, где 0 – «абсолютно не важно», а 5 – «крайне важно».

Во второй части испытуемым было необходимо выразить меру своего согласия с приведенными высказываниями по шестибалльной шкале оценки, где 0 – «абсолютно не согласен», а 5 – «абсолютно согласен».

При обработке результатов подсчитываются средние значения для каждого исследуемого по шкалам (Протасова И.Н., Сычев О.А., 2019).

Также в методике представлены две шкалы второго уровня.

Моральные основания «забота» и «справедливость» объединены в шкалу «этика автономии», отражающей взаимодействия между отдельными людьми. Моральные основания «лояльность группе», «уважение к авторитету» и «чистота» объединены в шкалу «этика общества», отражающей отношения между человеком и обществом.

При обработке результатов по шкалам второго уровня также подсчитываются средние значения (Сычев О.А., Белоусов К.И., Сулимов К.А., 2022).

Рассмотрим методики исследования межличностных характеристик: стиль семейного воспитания в родительской семье и семейные эмоциональные коммуникации в родительской семье.

Методика «Стиль воспитания в родительской семье»

Методика «Стиль воспитания в родительской семье» была разработана и апробирована Е. В. Черным (2020) и предназначена для изучения восприятия стиля семейного воспитания взрослыми респондентами (от 18 лет).

В нашем исследовании данная методика применялась для определения стиля воспитания в родительской семье.

Методика состоит из 22 вопросов и направлена на исследование восприятия стиля родительского воспитания взрослыми респондентами. Исследуемым предлагается оценить ряд высказываний, и в зависимости от степени согласия с каждым из высказываний, поставить «плюс» или «минус».

Автор предлагает шкалу, характеризующуюся полярными стилями семейного воспитания «репрессивный» и «пермиссивный»:

- «Репрессивный стиль семейного воспитания характеризуется игнорированием потребностей ребенка, ограничением в выборе хобби и увлечений, навязыванием собственных принципов и убеждений, требованием в неукоснительном соблюдении социальных норм и правил, отсутствием помощи в сложных ситуациях».
- «Пермиссивный стиль семейного воспитания характеризуется предоставлением максимальной свободы и самостоятельности, отсутствием наказаний, оказанием помощи в любой ситуации, даже если это было не обязательно, гибкостью относительно желаний и требований ребенка, предоставлением ребенку права выбора увлечений».

Данный опросник состоит фактически из одной шкалы: «репрессивность» («пермиссивность» просто является полярной

характеристикой), таким образом, позволяет оценить степень выраженности репрессивного стиля воспитания в родительской семье (Черный Е.В., 2020). Для интерпретации результатов используется предложенный автором ключ. Чтобы «получить значения репрессивности необходимо суммировать баллы за все совпадения с ключом (минимум – 0, максимум – 22), чтобы посчитать значение пермиссивности необходимо из 22 вычесть сумму баллов, набранных по репрессивности».

Методика «Семейные эмоциональные коммуникации»

Методика «Семейные эмоциональные коммуникации» была разработана и апробирована А. Б. Холмогоровой, С. В. Воликовой, М. Г. Сороковой (2016).

В нашем исследовании данная методика применялась для определения уровня выраженности дисфункции в родительских семьях. Методика состоит из 30 вопросов и включает в себя следующие шкалы:

- Родительская критика - наличие критики в адрес ребенка, когда он проявляет негативные эмоции или совершает ошибки, особенно при сравнении с другими детьми;
- Индуцирование тревоги - фиксация родителей на негативных жизненных аспектах;
- Элиминирование эмоций - запрет на выражение эмоций (прежде всего, негативных);
- Фиксация на негативных эмоциях - выявление способности семьи не фиксироваться на негативных эмоциях, на эмоциональном состоянии другого члена семьи
- Внешнее благополучие - стремление семьи не показывать в обществе возможные внутрисемейные трудности и кризисы;
- Сверхвключенность - стремление родителей быть максимально погруженными в жизнь ребенка;

- Семейный перфекционизм - отражает стремление родителей воспитать ребенка в духе высоких стандартов и стремления к лидерству.

Результаты по каждой шкале обрабатывались по ключу. Общий балл семейных дисфункций рассчитывается путем сложения показателей по всем шкалам опросника в соответствии с ключом.

Авторы предлагают несколько вариантов классификации общего уровня выраженности семейных дисфункций:

«Первый вариант: 0–35 баллов — низкий уровень, 36–57 баллов — средний уровень, 58–90 баллов — высокий уровень семейных дисфункций

Второй вариант: 0–24 балла — очень низкий уровень, 25–35 баллов — низкий уровень, 36–57 баллов — средний уровень, 58–68 баллов — высокий уровень, 69–90 — очень высокий уровень семейных дисфункций».

При интерпретации результатов исследования мы ориентировались на первый вариант.

2.2. Статистические методы обработки данных

Для описания результатов исследования нами был проведен расчет первичных описательных статистик (среднее значение, стандартное отклонение), также все полученные данные были проверены на нормальность распределения с целью подбора методов статистической обработки данных (тесты Шапиро – Уилка и Холмогорова - Смирнова).

Опишем статистические методы.

1. Кластерный анализ позволяет классифицировать объекты с учетом признаков, отражающих суть этих объектов, дает возможность сравнивать получившиеся кластеры по характеристикам (Наследов А.Д., 2011). В нашем исследовании применялось два вида кластерного анализа: 1) иерархический кластерный анализ и 2) кластеризация методом k-средних. Сначала ядра социальных представлений были обработаны при помощи

иерархического кластерного анализа. Была проведена кластеризация по 1) наблюдениям, с использованием метода межгрупповой связи, в качестве меры близости было выбрано Евклидово расстояние и 2) по переменным, с использованием метода ближайшего соседа, в качестве меры близости также было выбрано Евклидово расстояние. При проведении кластеризации методом k-средних (метод итерации и классификации) для дальнейшей группировки мы задали 6 кластеров.

2. Метод кросстабуляции (критерий χ^2 Пирсона) позволяет увидеть взаимосвязь между двумя и более категориальными переменными, критерий χ^2 Пирсона используется для проверки значимости наблюдаемых взаимосвязей (Наследов А.Д., 2011). В нашем исследовании использовался для исследования закономерности в наполнении ядра в каждой группе, а также для обнаружения связи между обозначенными нами кластерами с ассоциациями и принадлежностью к группе.

3. Критерий Манна-Уитни – непараметрический критерий, позволяющий сравнивать две независимые группы (Сидоренко Е.В., 2000). В нашем исследовании был использован для апостериорного сравнения групп женщин внутри каждого типа представлений о материнстве по социально-психологическим характеристикам. Так как у нас множественное сравнение, при сравнении групп методом Манна-Уитни нами был установлен новый уровень критической значимости, который рассчитывался по формуле: $0,05/n$, где n – количество групп сравнения, в нашем случае, 4. Таким образом, новый уровень критической значимости – $p \leq 0,00$ (Гржибовский А. М., 2008).

4. Регрессионный анализ предназначен для оценки воздействия независимых переменных на зависимую переменную (Наследов А.Д., 2011); в нашем исследовании применялся для определения вклада переменных, выделенных как факторы, определяющих представления женщин о материнстве.

Обработка результатов осуществлялась в программе «SPSS Statistics 2023» и «MS Excel».

2.3. Характеристика выборки исследования

На основании анкеты нами были определены следующие критерии для распределения женщин в группы: (табл.10):

Таблица 10

Характеристика выборки исследования

Группа	Характеристика выборки исследования				
	Возраст (18+)	Отсутствие детей на момент исследования	Идентификация с социальной группой добровольно бездетных	Планы относительно своего родительского статуса в будущем	Возможность изменения своей позиции относительно деторождения
Добровольно бездетные женщины, заявившие о неизменности своей позиции	18+	Отсутствие детей на момент проведения исследования	Идентификация с социальной группой добровольно бездетных	Нежелание иметь детей в будущем	Изменение позиции относительно деторождения не допускается
Добровольно бездетные женщины, заявившие о возможном изменении своей позиции	18+	Отсутствие детей на момент проведения исследования	Идентификация с социальной группой добровольно бездетных	Нежелание иметь детей в будущем	Изменение позиции относительно деторождения допускается
Бездетные женщины, желающие иметь детей и заявившие о неизменности своей позиции	18+	Отсутствие детей на момент проведения исследования	Отсутствие идентификации с социальной группой добровольно бездетных	Желание иметь детей в будущем	Изменение позиции относительно деторождения не допускается
Бездетные женщины, нежелающие иметь детей, но заявившие о возможном изменении своей позиции и не идентифицирующие себя с группой добровольно бездетных	18+	Отсутствие детей на момент проведения исследования	Отсутствие идентификации с социальной группой добровольно бездетных	Нежелание иметь детей в будущем	Изменение позиции относительно деторождения допускается

Раскроем характеристики, представленные в таблице:

1. В исследование были включены респонденты, достигшие 18 лет.
2. Отсутствие детей на момент проведения исследования. В анкете не было задано вопросов относительно фертильности респондентов или наличия у них детей в прошлом, поэтому не было получено информации относительно репродуктивных возможностей опрашиваемых.
3. Идентификация с социальной группой добровольно бездетных. Женщины, отметившие, что идентифицируют себя с социальной группой добровольно бездетных, были включены в первые две группы добровольно бездетных женщин. Женщины, заявившие о желании иметь детей, но при этом идентифицирующие себя с данной группой, из исследования исключались; а женщины, заявившие о нежелании иметь детей, но при этом с группой добровольно бездетных себя не идентифицирующие, включались в группу «нерешительные матери».
4. Планы относительно своего родительского статуса в будущем. Женщины, ответившие, что не желают иметь детей, были включены в обе группы добровольно бездетных женщин и в группу «нерешительных матерей», а женщины, заявившие о желании иметь детей, были включены в группу женщин, желающих иметь детей.
5. Возможность изменения своей позиции относительно деторождения. Добровольно бездетные женщины, ответившие отрицательно на данный вопрос, были включены в первую группу добровольно бездетных женщин, заявивших о неизменности своей позиции, добровольно бездетные женщины, ответившие утвердительно, были включены во вторую группу добровольно бездетных женщин, заявивших о возможном изменении своей позиции. Женщины, не идентифицирующие себя с социальной группой добровольно бездетных, но также утвердительно ответившие на данный вопрос, были включены в группу «нерешительных матерей». Женщины, заявившие о желании иметь детей, но ответившие утвердительно на данный вопрос, из исследования исключались.

Нами была введена аббревиатура для всех выделенных групп (таблица 11):

Таблица 11

Аббревиатура для групп исследования

№	Группы исследования	Аббревиатура
1	Добровольно бездетные женщины, заявившие о неизменности своей позиции	Добровольно бездетные женщины с неизменной позицией
2	Добровольно бездетные женщины, заявившие о возможном изменении своей позиции	Добровольно бездетные женщины с возможностью изменения позиции
3	Женщины, желающих иметь детей и заявившие о неизменности своей позиции	Бездетные женщины с неизменной позицией
4	Бездетные женщины, нежелающие иметь детей, но заявившие о возможном изменении своей позиции и не идентифицирующие себя с группой добровольно бездетных	Бездетные женщины с возможностью изменения позиции

Всего в исследовании приняли участие 539 человек, из которых 123 человека были включены в группу добровольно бездетных женщин, заявивших о неизменности своей позиции; 117 были включены в группу добровольно бездетных женщин, заявивших о возможном изменении своей позиции; 169 человек вошли в группу бездетных женщин, желающих иметь детей и заявивших о неизменности своей позиции, и 103 – группу бездетных женщин, не желающих иметь детей, но заявивших о возможном изменении своей позиции и не идентифицирующие себя с группой добровольно бездетных.

Остальные участники (n=27) были исключены из дальнейшего исследования из-за несоответствия характеристикам, описанных нами в таблице, из них 23 человека отметили, что не хотят иметь детей, сказав, что их позиция не изменится, но при этом к добровольно бездетным они себя не относили, оставшиеся 4 человека отметили, что планируют иметь детей, но при этом идентифицировали себя как добровольно бездетные.

Таким образом, в исследование вошли 512 респондентов.

Сбор данных осуществлялся преимущественно в Интернете (тематические онлайн - сообщества в Вконтакте, Телеграм-каналы), а также методом «снежного кома»; был использован сервис опросов «Simpoll».

Процентное соотношение опрошенных женщин, включенных в исследование, представлено на рисунке 2:

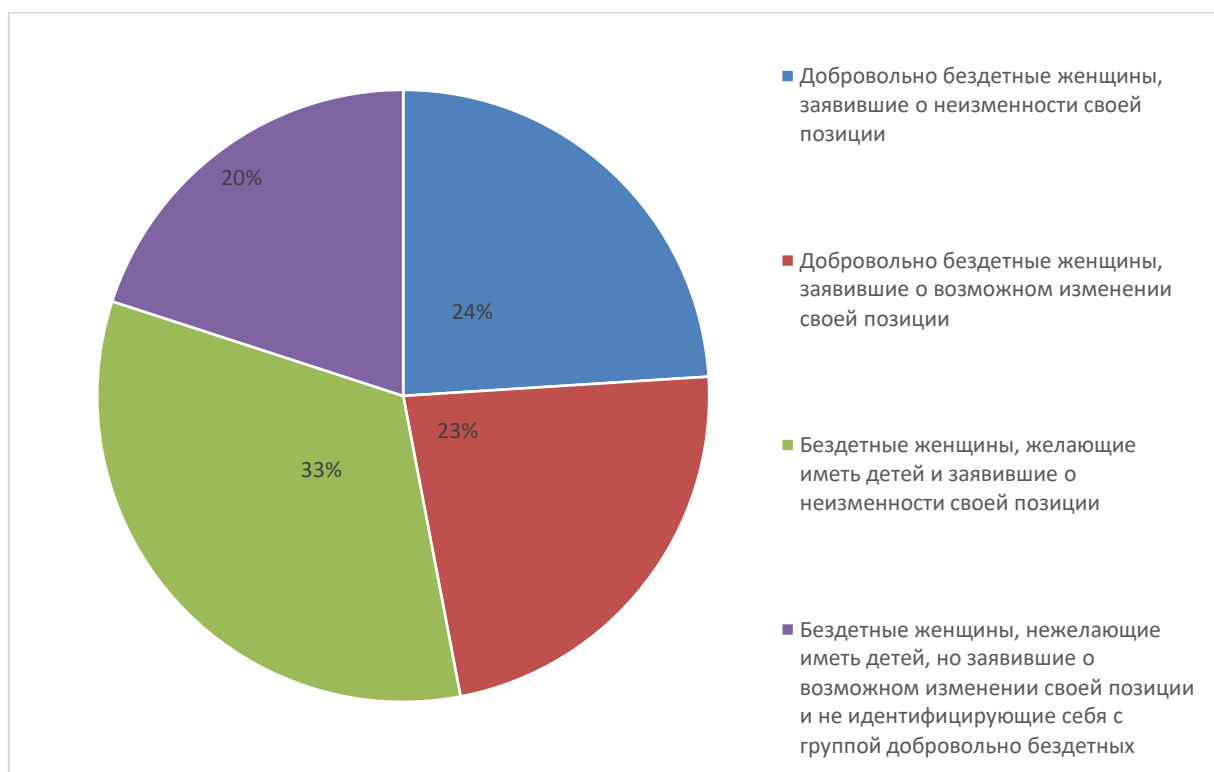

Рис. 2. Процентное соотношение опрошенных женщин, включенных в исследование.

Далее представлены социально-демографические характеристики всех групп сравнения.

1. Добровольно бездетные женщины, заявившие о неизменности своей позиции (123 человека, средний возраст $26 \pm 0,16$).

На момент проведения исследования 53 человека (43%) имеют высшее образование, 44 человека (36%) получают образование в данный момент (студентки), 21 человек (17%) имеют среднее профессиональное образование, 4 человека (3%) имеют школьное образование, один человек - ученую степень (1%).

62 человека (50%) работают на постоянной основе, 32 человека (26%) работают на фрилансе и 29 человек (24%) не работают; из них полностью себя обеспечивают 49 человек (40%), 35 человек (28%) периодически помогают финансово партнер или родители, 39 человек (32%) не обеспечивают себя материально.

Подавляющее большинство опрошенных выросло в полных семьях – 81 человек (66%), в разводе состояли родители у 20 человек (16%), у 4 человек (3%) один из родителей был неродным, у 5 человек (4%) опекунами были бабушка с дедушкой или другие лица, у 13 человек (11%) была только мать, людей, выросших с отцами или в специализированных учреждениях, нет. У 57 человек (46%) был один sibс, 30 человек (24%) выросли в многодетной семье, у 36 человек (30%) sibсов не было. 33 человека (27%) были старшими детьми в семье с двумя детьми, 19 человек (15%) – младшими, 15 человек (12%) были старшими детьми в многодетных семьях, 17 человек (14%) – средними и лишь 3 человека (2%) – младшими.

На момент проведения опроса у большинства исследуемых не было партнера – 66 человек (54%), у 21 человека (17%) был партнер, но отношения не были зарегистрированы, у 20 человек (16%) был партнер, но вместе они не жили, 16 человек (13%) состояли в браке.

2. Добровольно бездетные женщины, заявившие о возможном изменении своей позиции (117 человек, средний возраст $24 \pm 0,23$).

На момент проведения исследования 84 человека (72%) имеют высшее образование, 19 (16%) получают образование в данный момент (студентки), 13 человек (11%) имеют среднее профессиональное образование, 1 (1%) имеют школьное образование, с ученой степенью - нет.

62 человека (50%) работают на постоянной основе, 32 человека (26%) работают на фрилансе и 29 человек (24%) не работают; из них полностью себя обеспечивают 49 человек (40%), 35 человек (28%) периодически

помогают финансово партнер или родители, 39 человек (32%) не обеспечивают себя материально.

Большинство опрошиваемых выросло в полных семьях – 62 человека (53%), в разводе состояли родители у 22 человек (19%), у 15 человек (13%) один из родителей был неродным, у 4 человек (3%) опекунами были бабушка с дедушкой или другие лица, у 12 человек (10%) была только мать, у одного человека (1%) - отец, ещё один человек (1%) вырос в специализированном учреждении. У 55 человек (47%) был один sibс, 25 человек (21%) выросли в многодетной семье, у 37 человек (32%) sibсов не было. 37 человек (32%) были старшими детьми в семье с двумя детьми, 19 человек (16%) – младшими, 11 человек (9%) были старшими детьми в многодетных семьях, 7 человек (6%) – средними, 6 человек (5%) – младшими.

На момент проведения опроса у большинства исследуемых не было партнера – 62 человека (53%), у 22 человек (19%) был партнер, но отношения не были зарегистрированы, у 17 человек (14%) был партнер, но вместе они не жили, 16 человек (14%) состояли в браке.

3. Бездетные женщины, желающих иметь детей и заявивших о неизменности своей позиции (169 человек, средний возраст $23 \pm 0,59$).

На момент проведения исследования 72 человека (43%) имеют высшее образование, 76 человек (45%) получают образование в данный момент (студентки), 11 человек (6%) имеют среднее профессиональное образование, 8 человек (5%) имеют школьное образование, 2 человека имеют ученую степень (1%).

80 человек (48%) работают на постоянной основе, 43 человека (25%) работают на фрилансе и 46 (27%) не работают; из них полностью себя обеспечивают 48 человек (28%), 53 человека (32%) периодически помогают финансово партнер или родители, 68 человек (40%) не обеспечивают себя материально.

Подавляющее большинство опрошенных выросли в полных семьях – 112 человек (66%), в разводе состояли родители у 28 человек (16%), у 6 человек (4%) один из родителей был неродным, у 4 человек (2%) опекунами были бабушка с дедушкой или другие лица, у 18 (11%) была только мать, у одного человека (1%) - отец, людей, выросших в специализированных учреждениях, нет.

У 75 человек (43%) был один sibс, 42 человека (25%) выросли в многодетной семье, у 54 человек (32%) sibсов не было. 45 человек (27%) были старшими детьми в семье с двумя детьми, 27 человек (16%) – младшими, 21 человек (12%) были старшими детьми в многодетных семьях, 8 человек (5%) – средними, 14 человек (8%) – младшими.

На момент проведения опроса у большинства исследуемых не было партнера – 64 человека (37%), у 38 человек (23%) был партнер, но отношения не были зарегистрированы, у 37 человек (22%) был партнер, но вместе они не жили, 30 человек (18%) состояли в браке.

4. Бездетные женщины, не желающие иметь детей, но заявившие о возможном изменении своей позиции и не идентифицирующие себя с группой добровольно бездетных (103 человека, средний возраст $25\pm0,75$).

На момент проведения исследования 58 человек (56%) имеют высшее образование, 35 человек (34%) получают образование в данный момент (студентки), 8 человек (8%) имеют среднее профессиональное образование, 2 человека (2%) имеют школьное образование, лиц с ученой степенью – нет.

51 человек (50%) работают на постоянной основе, 21 человек (20%) работают на фрилансе и 31 человек (30%) не работают; из них полностью себя обеспечивают 37 человек (36%), 30 человекам (29%) периодически помогают финансово партнер или родители, 36 человек (35%) не обеспечивают себя материально.

Большинство опрошиваемых выросло в полных семьях – 55 человек (54%), в разводе состояли родители у 21 человека (20%), у 4 человек (4%) один из родителей был неродным, у 3 человек (3%) опекунами были бабушка с дедушкой или другие лица, у 19 человек (18%) была только мать, людей, у которых был только отец – нет, один человек (1%) вырос в специализированном учреждении.

У 49 человек (48%) был один sibс, 20 человек (19%) выросли в многодетной семье, у 34 человек (33%) sibсов не было. 28 человек (27%) были старшими детьми в семье с двумя детьми, 21 человек (20%) – младшими, 10 человек (10%) были старшими детьми в многодетных семьях, 6 человек (6%) – средними, 4 человека (4%) – младшими.

На момент проведения опроса у большинства исследуемых не было партнера – 53 человека (51%), у 26 человека (25%) был партнер, но отношения не были зарегистрированы, у 12 человек (12%) был партнер, но вместе они не жили, 12 человек (12%) состояли в браке.

В целом по выборке следует отметить, что большинство участников исследования выросли в полных семьях, получили или продолжают получать образование (преимущественно высшее), являются старшими детьми в семье с одним братом/сестрой или вообще не имеют братьев и сестёр. У подавляющего числа опрошенных имеется постоянная работа, хотя многие отмечают финансовую поддержку родителей или партнера. Однако последнее обстоятельство, равно как и факт отсутствия отношений на момент исследования, скорее всего связано с довольно юным возрастом респондентов.

2.4. Процедура исследования

Эмпирическое исследование включало в себя следующие этапы:

На первом этапе проводился анализ социальных представлений о материнстве при помощи метода прототипического анализа Вержеса, была составлена структура и содержание данных представлений среди всех четырех групп сравнения.

На втором этапе проводилась процедура кластеризации ассоциации, включенных в ядро социальных представлений, в результате чего были выделены шесть типов представлений женщин о материнстве.

На третьем этапе проводился анализ социальных представлений в рамках выделенных типов.

На четвертом этапе проводилось сравнение женщин по социально-психологическим характеристикам в рамках выделенных типов.

На пятом этапе выявлялись социально-демографические и социально-психологические предикторы, влияющие на представления женщин о материнстве.

ГЛАВА 3. РЕЗУЛЬТАТЫ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О МАТЕРИНСТВЕ У ЖЕНЩИН, НЕ ИМЕЮЩИХ ДЕТЕЙ

В данной главе представлены результаты исследования структуры и содержания социальных представлений о материнстве всех четырех групп сравнения, выявлена типология представлений о материнстве у женщин, не имеющих детей, структура и содержание их социальных представлений. Обозначены социально-психологические характеристики у женщин с разными типами представления, а также определены социально-демографические и социально-психологические предикторы, определяющие представления женщин о материнстве.

3.1. Структура и содержание социальных представлений о материнстве у женщин, не имеющих детей

В данном параграфе представлены результаты проверки гипотезы о неоднородности структуры и содержания социальных представлений о материнстве у женщин, не имеющих детей, в зависимости от планов относительно своего родительского статуса в будущем (желание иметь детей в будущем / нежелание иметь детей в будущем), возможности изменения позиции относительно деторождения и идентификация с социальной группой добровольно бездетных (или отсутствия такой идентификации).

По результатам прототипического анализа П. Вержеса были выявлены структуры социальных представлений о материнстве у женщин, не имеющих детей (табл. 12,13,14,15).

В результате опроса добровольно бездетных женщин с неизменной позицией, было получено 615 ассоциаций (5,0 ассоциаций на респондента). Словарь понятий (совокупность неповторяющихся слов, словосочетаний и выражений) составил 158 элементов.

Для каждого показателя вычислялись такие показатели как средний ранг и частота ассоциации; в окончательный анализ были включены только те ассоциации, которые были даны не менее 5% респондентами (6 человек). Таким образом, в окончательный анализ были включены 335 ассоциаций (55,6% от всего числа ассоциаций).

Предполагаемая структура и содержание социальных представлений о материнстве у добровольно бездетных женщин с неизменной позицией представлены в таблице 12.

Таблица 12

Результаты прототипического анализа в группе добровольно бездетных женщин с неизменной позицией

Структура социальных представлений (n=123)	Условия включения понятия в ту или иную зону социальных представлений	Включенные в структуру социальных представлений понятия (частота ассоциации; средний ранг ассоциации)
Зона ядра социальных представлений	Частота встречаемости ≥ 13 Средний ранг < 3	Ответственность (46; 2,9) Трудности (41; 2,2) Боль (40; 2,7) Недосып (23; 2,9) Усталость (21; 2,3) Забота (17; 2,5) Обязанность (13; 2,9) Роды (13; 2,0)
Буферная зона социальных представлений I	Частота встречаемости < 13 Средний ранг < 3	Тревога (6; 2,8)
Буферная зона социальных представлений II	Частота встречаемости ≥ 13 Средний ранг ≥ 3	Безысходность (17; 3,4) Страдание (15; 3,8) Нищета (14; 3,0)
Периферическая система социальных представлений	Частота встречаемости < 13 Средний ранг ≥ 3	Депрессия (11; 3,0) Затраты (10; 3,1) Принуждение (9; 3,4) Нытье (9; 3,6) Ребенок (8; 3,1) Воспитание (8; 3,5) Любовь (8; 3,5) Одиночество (6; 3,5)

В таблице 12 показано, что ядро социальных представлений о материнстве у добровольно бездетных женщин, заявивших о неизменности

своей позиции характеризуется следующими ассоциациями: *ответственность* (46; 2,9), *трудности* (41; 2,2), *боль* (40; 2,7), *недосып* (23; 2,9), *усталость* (21; 2,3), *забота* (17; 2,5), *обязанность* (13; 2,9), *роды* (13; 2,0).

Периферическая система социальных представлений о материнстве у добровольно бездетных женщин, заявивших о неизменности своей позиции характеризуется следующими ассоциациями: *депрессия* (11; 3,0), *затраты* (10; 3,1), *принуждение* (9; 3,4), *нытье* (9; 3,6), *ребенок* (8; 3,1), *воспитание* (8; 3,5), *любовь* (8; 3,5), *одиночество* (6; 3,5).

В первую буферную зону социальных представлений вошли следующие ассоциации: *тревога* (6; 2,8), во вторую следующие: *безысходность* (17; 3,4), *страдание* (15; 3,8), *нищета* (14; 3,0).

Проанализировав ядро социальных представлений, можно заметить, что практически все перечисленные ассоциации носят преимущественно негативные коннотации. Описания, предлагаемые добровольно бездетными женщинами с неизменной позицией, позволяют понять, что материнство – это, во-первых, ответственность, во-вторых, энергозатратный процесс, характеризующийся трудностями и ухудшением общего уровня самочувствия, и, в-третьих, обязанность. Примечательно, что ассоциация *роды* имеет наименьший средний ранг, на наш взгляд, это может свидетельствовать о том, что женщины данной группы чрезмерно акцентируются на самом процессе деторождения. Ассоциация *забота*, также находящаяся в ядре социальных представлений, может быть проинтерпретирована, скорее, как необходимость присматривать за ребенком, уделять ему внимание. В целом, ядро полученных нами социальных представлений отражает результаты проанализированных ранее теоретических работ, по результатам которых материнство у добровольно бездетных женщин характеризуется как тяжелое испытание, требующее много затрат (см. гл. 1, ч. 1.3., параграф 1.3.2.).

Из рассматриваемых в буферной зоне ассоциаций, наименьший средний ранг имеет ассоциация *тревога*, то есть чаще оценивались респондентами как наиболее значимая. Можно предположить, что последующие ассоциации могут дополнять данную ассоциацию; *безысходность* и *страдание* могут свидетельствовать об экзистенциальном кризисе, о невозможности быть полноценным и счастливым человеком будучи матерью. Ассоциация *нищета* также отражает трудности и ограничения (финансовые, временные), которые могут возникать при восприятии ребенка.

Ассоциации, входящие в периферическую систему социальных представлений, изменчивы и динамичны, если новой информации становится слишком много, то периферия не способна их полностью адаптировать, следовательно, возможна трансформация старых представлений на новые. В целом, следует отметить, что наименьший средний ранг в данной области имеет ассоциация *депрессия*, можно предположить, что на данные представление могут оказывать влияние и средства массовой информации, социальные сети, в которых материнство всё чаще преподносится не только через положительные коннотации, также вошли ассоциации, связанные с взаимодействием с ребенком (*воспитание, ребенок, нитье, затраты*), скорее, стереотипно отражающие материнство как таковое. Интересными являются ассоциации *любовь* и *одиночество*, отражающих, на наш взгляд, определенную дихотомию в эмоционально-оценочных суждениях относительно данного феномен со добровольно бездетных женщин, заявивших о неизменности своей позиции.

В результате опроса добровольно бездетных женщин с возможностью изменения позиции, было получено 585 ассоциаций (5,0 ассоциаций на респондента). Словарь понятий составил 161 элемент.

Для каждого показателя также вычислялись средний ранг и частота ассоциации; в окончательный анализ также были включены только те ассоциации, которые были даны не менее 5% респондентами (6 человек).

Таким образом, в окончательный анализ были включены 342 ассоциации (58,4% от всего числа ассоциаций).

Структура и содержание социальных представлений о материнстве у добровольно бездетных женщин с возможностью изменения позиции, представлены в таблице 13.

Таблица 13

Результаты прототипического анализа в группе добровольно бездетных женщин с возможностью изменения позиции

Структура социальных представлений (n=117)	Условия включения понятия в ту или иную зону социальных представлений	Включенные в структуру социальных представлений понятия (частота ассоциации; средний ранг ассоциации)
Зона ядра социальных представлений	Частота встречаемости $\geq 10,5$ Средний ранг < 3	Ответственность (69; 2,0) Трудности (44; 2,5) Забота (39; 2,4) Нервы (19; 2,7) Страх (18; 2,6) Усталость (16; 2,8)
Буферная зона социальных представлений I	Частота встречаемости $< 10,5$ Средний ранг < 3	Работа (9; 2,8) Сложность (8; 2,0) Ребенок (8; 1,7) Мать (6; 2,7)
Буферная зона социальных представлений II	Частота встречаемости $\geq 10,5$ Средний ранг ≥ 3	Любовь (43; 3,0) Недосып (28; 3,3) Боль (19; 3,0) Затраты (15; 3,7) Обязанность (12; 3,0)
Периферическая система социальных представлений	Частота встречаемости $< 10,5$ Средний ранг ≥ 3	Воспитание (9; 3,9) Поддержка (8; 3,8) Семья (6; 3,7) Страдания (6; 3,8) Нищета (6; 3,2) Тепло (6; 3,0) Нервы (6; 3,2)

В таблице 13 показано, что ядро социальных представлений о материнстве у добровольно женщин, заявивших о возможном изменении своей позиции, характеризуется следующими ассоциациями: *ответственность* (69; 2,0), *трудности* (44; 2,5), *забота* (39; 2,4), *нервы* (19; 2,7), *страх* (18; 2,6), *усталость* (16; 2,8).

Периферическая система социальных представлений о материнстве у женщин данной группы характеризуется следующими ассоциациями: *воспитание* (9; 3,9), *поддержка* (8; 3,8), *семья* (6; 3,7), *страдания* (6; 3,8), *нищета* (6; 3,2), *тепло* (6; 3,0), *нервы* (6; 3,2).

В первую буферную зону социальных представлений вошли следующие ассоциации: *работа* (9; 2,8), *сложность* (8; 1,7), *ребенок* (8; 1,7), *мать* (6; 2,7), во вторую следующие: *любовь* (43; 3,0), *недосып* (28; 3,3), *боль* (19; 3,0), *затраты* (15; 3,7), *обязанность* (12; 3,0).

Проанализировав ядро социальных представлений о материнстве у добровольно бездетных женщин с возможностью изменения позиции, можно сделать вывод о том, что оно не несет такой однозначной негативной коннотации, как в предыдущей группе. В основе социальных представлений лежит ассоциация *ответственность* (в отличие от предыдущей группы, где данная ассоциация имела один из самых больших рангов), и несмотря на то, что присутствующие в ядре ассоциации (*трудности*, *усталость*, *нервы*) свидетельствуют о том, что для данных женщин материнство также сопряжено физическим и психологическим дискомфортом, наличие ассоциаций *страх* и *забота*, скорее, могут свидетельствовать больше о страхе не справиться с материнской ролью, нежели с полным ее отрицанием, что как раз и может быть выражено в возможной изменчивости их позиции.

В отличие от предыдущей группы, в буферной зоне у добровольно бездетных женщин с возможностью изменения позиции, присутствуют ассоциации, более конкретно отражающие детско-родительские отношения (*ребенок*, *мать*), такие ассоциации как *сложность*, *недосып*, *боль*, *траты* отражают возможные трудности, связанные с процессом воспитания ребенка, тем не менее, ассоциация *любовь* хоть и не имеет наивысший ранг в буферной зоне, тем не менее, встречается чаще всех других ассоциаций. Таким образом, можно предположить, что речь, скорее, идет не о возможном негативном восприятии себя в роли матери, а, скорее, о дихотомии, в котором материнство воспринимается как что-то серьезное, требующее

много затрат, но тем не менее, всё же сопряженное позитивными характеристиками. К сравнению, в предыдущей группе ассоциация *любовь* находилась в периферической зоне социальных представлений и была практически не представлена. Ассоциация *обязанность* не находится в ядре социальных представлений по сравнению с предыдущей группой, таким образом, можно предположить, что для женщин данной группы сравнения материнство имеет не такую негативную коннотацию с материнством как обязанностью любой женщины.

Собственно, периферическая система социальных представлений имеет менее негативное содержание по сравнению с предыдущей группой. В данном случае наименьший средний ранг имеет ассоциация *тепло* (в предыдущей группе – *депрессия*), что в целом может также свидетельствовать не об однозначном негативном восприятии материнства, ассоциации *нервы*, *нищета*, *страдания* характеризуют негативную составляющую, тем не менее, в предыдущей группе сравнения ассоциации *нищета* и *страдания* лежали в буферной зоне. Ассоциации *поддержка*, *семья* и *воспитание* можно объединить в одну смысловую категорию как ассоциации, отражающие представления о процессе воспитания ребенка как явлении, требующего помощи и поддержки со стороны членов семьи. Примечательно, что не было получено ассоциаций, означающих покинутость, что присутствовало в социальных представлениях предыдущей группы (ассоциация *одиночество*).

В результате опроса бездетных женщин с неизменной позицией, было получено 845 ассоциаций (в среднем - 5,0 ассоциаций на респондента). Словарь понятий составил 184 элемента.

Для каждого показателя также вычислялись средний ранг и частота ассоциации; в окончательный анализ также были включены только те ассоциации, которые были даны не менее 5% респондентами (7 человек). Таким образом, в окончательный анализ были включены 557 ассоциации (65,9% от всего числа ассоциаций).

Структура и содержание социальных представлений о материнстве у бездетных женщин с неизменной позицией представлена в таблице 14.

В таблице 14 показано, что ядро социальных представлений о материнстве у женщин, планирующих иметь детей, характеризуется следующими ассоциациями: *любовь* (90; 2,7), *ответственность* (81; 2,1), *забота* (73; 2,5), *трудность* (49; 2,7), *счастье* (29; 2,9), *ребенок* (24; 1,8), *усталость* (21; 2,5), *тепло* (16; 2,7).

Таблица 14

Результаты прототипического анализа в группе бездетных женщин с неизменной позицией

Структура социальных представлений (n=169)	Условия включения понятия в ту или иную зону социальных представлений	Включенные в структуру социальных представлений понятия (частота ассоциации; средний ранг ассоциации)
Зона ядра социальных представлений	Частота встречаемости $\geq 12,5$ Средний ранг < 3	Любовь (90; 2,7) Ответственность (81; 2,1) Забота (73; 2,5) Трудность (49; 2,7) Счастье (29; 2,9) Ребенок (24; 1,8) Усталость (21; 2,5) Тепло (16; 2,7)
Буферная зона социальных представлений I	Частота встречаемости $< 12,5$ Средний ранг < 3	Нежность (7; 2,8) Работа (7; 2,9)
Буферная зона социальных представлений II	Частота встречаемости $\geq 12,5$ Средний ранг ≥ 3	Семья (27; 3,4) Воспитание (19; 3,7) Радость (20; 3,3) Сложность (15; 3,1)
Периферическая система социальных представлений	Частота встречаемости $< 12,5$ Средний ранг ≥ 3	Время (10; 3,6) Долг (9; 3,1) Труд (9; 3,4) Поддержка (8; 3,5) Сила (8; 3,0) Доброта (7; 3,6) Жизнь (7; 4,0) Жертва (7; 3,9) Интерес (7; 3,1) Стресс (7; 3,3)

Периферическая система социальных представлений о материнстве у бездетных женщин с неизменной позицией, характеризуется следующими

ассоциациями: *время* (10; 3,6), *долг* (9; 3,1), *труд* (9; 3,4), *поддержка* (8; 3,5), *сила* (8; 3,0), *доброта* (7; 3,6), *жизнь* (7; 4,0), *жертва* (7; 3,9), *интерес* (7; 3,1), *стресс* (7; 3,3).

В первую буферную зону социальных представлений вошли следующие ассоциации: *нежность* (7; 2,8), *работа* (7; 2,8), во вторую следующие: *семья* (27; 3,4), *воспитание* (19; 3,7), *радость* (20; 3,3), *сложность* (15; 3,1).

Анализ ядра социальных представлений о материнстве у данной группы сравнения продемонстрировал преимущественно позитивный взгляд на материнство. Примечательно, что наименьший средний ранг в ядре имеет ассоциация *ребенок*, что не встречалось в группах добровольно бездетных, в целом, материнство характеризуется для бездетных женщин с неизменной позицией, заботой и ответственностью, но при этом с преобладанием позитивных коннотаций (*любовь, счастье, тепло*); напомним, что у добровольно бездетных женщин с неизменной позицией была сопряжена негативными коннотациями, а у добровольно бездетных женщин с возможностью изменения позиции – амбивалентными. Тем не менее, в ядре также представлены такие ассоциации как *трудность* и *усталость*, что отражает стереотипное представление о материнстве как сложном и энергозатратном процессе.

Буферная зона социальных представлений также характеризуется преимущественно положительными ассоциациями, отражающих процесс воспитания с возможными трудностями, при этом у бездетных женщин с неизменной позицией присутствует семейный компонент и ассоциации, связанные с представлением о данном феномене как о теплом и радостном событии.

Периферическая система социальных представлений также характеризуется преимущественно позитивными ассоциациями, в то же время есть ассоциации, отражающие самоотдачу (*долг, жертва*), можно предположить, что для бездетных женщин с неизменной позицией,

материнская сфера, как и для добровольно бездетных женщин связана с самоотдачей ребенку, однако в то же время для данной группы сравнения новая роль может восприниматься и как интересное событие, характеризующееся поддержкой и позитивными эмоциями. Таким образом, несмотря на все возможные трудности и ограничения, для бездетных женщин с неизменной позицией материнство в целом воспринимается преимущественно позитивно в отличие от добровольно бездетных женщин.

В результате опроса бездетных женщин с возможностью изменения своей позиции было получено 515 ассоциаций (в среднем - 5,0 ассоциаций на респондента). Словарь понятий составил 147 элементов.

Для каждого показателя также вычислялись средний ранг и частота ассоциации; в окончательный анализ также были включены только те ассоциации, которые были даны не менее 5% респондентами (5 человек). Таким образом, в окончательный анализ были включены 336 ассоциаций (65,2% от всего числа ассоциаций).

Структура и содержание социальных представлений о материнстве у бездетных женщин с возможностью изменения своей позиции представлены в таблице 15.

Таблица 15

Результаты прототипического анализа в группе бездетных женщин с
возможностью изменения своей позиции

Структура социальных представлений (n=103)	Условия включения понятия в ту или иную зону социальных представлений	Включенные в структуру социальных представлений понятия (частота ассоциации; средний ранг ассоциации)
Зона ядра социальных представлений	Частота встречаемости ≥ 8 Средний ранг < 3	Ответственность (45; 2,1) Трудности (25; 2,2) Любовь (25; 2,8) Усталость (23; 2,8) Тяжесть (16; 2,3) Боль (11; 2,4) Страх (10; 2,6)
Буферная зона социальных представлений I	Частота встречаемости < 8 Средний ранг < 3	Ребенок (7; 1,5) Тепло (7; 2,9) Памперсы (6; 2,3)

		Слезы (6; 2,5)
Буферная зона социальных представлений II	Частота встречаемости ≥ 8 Средний ранг ≥ 3	Время (10; 3,0) Семья (8; 3,5) Тревожность (8; 3,1) Бессонница (12; 3,0) Работа (10; 3,2) Воспитание (11; 3,6) Деньги (8; 3,6) Дорого (9; 3,2) Самоотдача (9; 3,9)
Периферическая система социальных представлений	Частота встречаемости < 8 Средний ранг ≥ 3	Жертвы (7; 3,0) Ограничения (7; 3,1) Зависимость (7; 4,1) Нервы (5; 5,2) Смерть (5; 3,0) Радость (5; 3,6) Болезнь (5; 3,8) Беременность (5; 3,0) Отсутствие свободы (5; 3,0)

В таблице 15 показано, что ядро социальных представлений о материнстве у нерешительных матерей характеризуется следующими ассоциациями: *ответственность* (45; 2,1), *трудности* (25; 2,2), *любовь* (25; 2,8), *усталость* (23; 2,8), *тяжесть* (16; 2,3), *боль* (11; 2,4), *страх* (10; 2,6).

Периферическая система у бездетных женщин с возможностью изменения своей позиции характеризуется следующими ассоциациями: *жертвы* (7; 3,0), *ограничения* (7; 3,1), *зависимость* (7; 4,1), *нервы* (5; 5,2), *смерть* (5; 3,0), *радость* (5; 3,6), *болезнь* (5; 3,8), *беременность* (5; 3,0), *отсутствие свободы* (5; 3,0).

В первую буферную зону социальных представлений вошли следующие ассоциации: *ребенок* (7; 1,5), *тепло* (7; 2,7), *памперсы* (6; 2,3), *слезы* (6; 2,5), во вторую следующие: *время* (10; 3,0), *семья* (8; 3,5), *тревожность* (8; 3,1), *бессонница* (12; 3,0), *работа* (10; 3,2), *воспитание* (19; 3,7), *деньги* (8; 3,6), *дорого* (9; 3,2), *самоотдача* (9; 3,9).

Ядро социальных представлений у бездетных женщин с возможностью изменения своей позиции характеризуется, в первую очередь, ответственностью, и несмотря на наличие ассоциации *любовь*, в основном преобладают ассоциации, носящие негативные коннотации (*трудности*,

усталость, тяжесть, боль, страх). В целом, структура ядра данной социальной группы близка по характеристикам к группе добровольно бездетных женщин. Для бездетных женщин с возможностью изменения своей позиции материнство воспринимается как сложный и опасный процесс, требующий отдачи и влияющий на здоровье, однако при этом не совсем лишенный и теплых чувств.

В буферной зоне наименьший средний ранг имеет ассоциация *ребенок*, однако в целом, важно отметить, что в данной области совершенно отсутствуют ассоциации, отражающие позитивные аспекты материнства (за исключением ассоциации *тепло*); ассоциации несут либо негативный характер (*слезы, тревожность, бессонница*), либо отражают атрибутику взаимодействия с ребенком (*памперсы, воспитание*), а также самоотдачу и ресурсы (*время, деньги, дорого*). Как и у добровольно бездетных женщин данная зона представлена преимущественно в негативном ключе, характеризующим, скорее, объект – объектные отношения с ребенком, нежели субъект – субъектные.

Периферическая система социальных представлений о материнстве у данной группы (за исключением ассоциации *радость*) характеризуется негативными ассоциациями, отражающими физическое увядание (*нервы, смерть, болезнь*) или возможный физический дискомфорт (*беременность*), ограничениями собственной свободы (*ограничения, зависимость, отсутствие свободы, жертвы*).

Представления о материнстве у бездетных женщин с возможностью изменения своей позиции представлено преимущественно негативными ассоциациями по всей структуре, что сближает их с группами добровольно бездетных женщин, а также страхом, тем не менее, в ядре присутствует ассоциация *любовь*, как и у бездетных женщин с неизменной позицией.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что у женщин, не имеющих детей, существуют различия в представлениях о материнстве. На основании ядерных компонентов, выделенных в предыдущем параграфе,

была проведена процедура сравнения всех четырех групп по степени их представленности.

В результате использования критерия χ^2 Пирсона удалось обнаружить закономерность в наполнении ядра в каждой группе. Статистически значимые различия были обнаружены в 9 ассоциациях из 15: ответственность ($p \leq 0,01$), боль ($p \leq 0,00$); усталость ($p \leq 0,00$); забота ($p \leq 0,00$); любовь ($p \leq 0,00$); счастье ($p \leq 0,00$); ребенок ($p \leq 0,01$); тепло ($p \leq 0,04$); тяжесть ($p \leq 0,00$). Результаты по таким ассоциациям как трудности, недосып, обязанность, роды, нервы, страх не являются статистически значимыми.

Сводная таблица сравнения процентов представленности ядерных характеристик представлена в таблице 16:

Таблица 16

Результаты сравнения процентов представленности ядерных характеристик во всех четырех группах

Ассоциация	Добровольно бездетные женщины с неизменной позицией	Добровольно бездетные женщины с возможностью изменения позиции	Бездетные женщины с неизменной позицией	Бездетные женщины с возможностью изменения своей позиции	Уровень значимости
Ответственность	37,3%	59,0%	48,5%	47,9%	($p \leq 0,01$)
Боль	22,8%	15,5%	5,3%	11,7%	($p \leq 0,00$)
Усталость	20,3%	16,2%	6,5%	21,4%	($p \leq 0,00$)
Забота	7,3%	34,2%	47,9%	30,1%	($p \leq 0,00$)
Любовь	8,1%	40,2%	52,7%	23,3%	($p \leq 0,00$)
Счастье	4,1%	6,0%	26,0%	5,8%	($p \leq 0,00$)
Ребенок	8,9%	0%	7,7%	7,8%	($p \leq 0,01$)
Тепло	5,7%	3,4%	11,8%	6,8%	($p \leq 0,04$)
Тяжесть	28,5%	18,8%	11,2%	13,6%	($p \leq 0,00$)

На основании таблицы можно сделать следующие выводы.

1. Для добровольно бездетных женщин с неизменной позицией в вопросах материнства душевные, физические и морально – нравственные страдания находятся преимущественно на первом плане.

2. В случае добровольно бездетных женщин с возможностью изменения своей позиции речь идет, скорее, о страхе материнства, нежели о нежелании.

3. Для бездетных женщин с неизменной позицией материнство хоть и является ответственным событием, тем не менее, оно не сопряжено катастрофичностью и негативизмом.

4. Бездетные женщины с возможностью изменения своей позиции делают акцент на трудностях, сопровождающих материнство, тем не менее, эта фиксация на возможных трудностях не такая катастрофичная.

Таким образом, на основании данного параграфа можно сделать вывод о неоднородности социальных представлений о материнстве у женщин, не имеющих детей.

3.2. Типы представлений женщин о материнстве

В данном параграфе представлены результаты построения и последующего описания групп женщин с разными типами представлений о материнстве на основании ассоциаций, входящих в ядро (наиболее устойчивого и значимого элемента) социальных представлений.

Ассоциации, включенные в область ядра социальных представлений на предыдущем этапе, подверглись процедуре кластерного анализа.

Кластеризации подверглись 15 ассоциаций: ответственность, боль, усталость, забота, любовь, счастье, ребенок, тепло, тяжесть, трудности, недосып, обязанность, роды, нервы, страх.

Сначала нами были подготовлены данные для проведения процедуры кластерного анализа. Были проанализированы 512 ассоциативных рядов, и,

если в ряду встречалась ассоциация из числа тех, которые легли в основу кластеризации или его синоним, ассоциации присваивалась цифра 1, если нет – 0. Таким образом, нами были получены бинарные данные.

На первом этапе нами был использован иерархический кластерный анализ и по наблюдениям (метод межгрупповых связей), и по переменным (метод ближайшего соседа) с целью сравнения получившихся моделей.

В результате анализа полученной дендограммы по наблюдениям было принято решение взять для дальнейшего анализа кластеры на уровне, соответствующему расстоянию 15, так как именно на этом уровне обозначились кластеры, пригодные для дальнейшей содержательной интерпретации и поиска межгрупповых различий. На выбранном нами расстоянии было получено 6 больших кластеров и 2 кластера с небольшим количеством респондентов. В дальнейшем для выбора наиболее оптимального количества кластеров мы анализировали оба варианта (6 кластеров и 8 кластеров), так как иерархический кластерный анализ не предлагает однозначного решения разбиения на кластеры, поэтому выбор оптимального варианта зависит от задач исследования.

В результате анализа полученной дендограммы по переменным было принято решение взять для дальнейшего анализа кластеры на уровне, соответствующего расстоянию 5. Таких кластеров получилось 6.

Ограничением иерархического кластерного анализа является то, что он не позволяет получить принадлежность к кластерам, поэтому на втором этапе нами была осуществлена кластеризация методом k-средних (метод интерации и классификации).

Для сравнения нами было рассмотрено несколько вариантов, полученных на предыдущем этапе: 6 кластеров и 8 кластеров.

В результате было принято решение остановиться на 6 кластерах, т.к. в модели для 8 кластеров классификация респондентов в дальнейшем не позволила выделить специфику каждой группы.

Распределение испытуемых по кластерам получилось следующим: в первый кластер вошел 51 респондент, во второй – 111, в третий – 62, в четвертый – 139, в пятый – 50, в шестой – 96.

На следующем этапе нами была проведена процедура кросстабуляции.

В результате использования χ^2 Пирсона была обнаружена связь между кластерами и ассоциациями (таблица 17):

Таблица 17

Процент представленности ассоциаций в кластерах

Ассоциации	% представленности ассоциации в кластере					
	1	2	3	4	5	6
Ответственность	11,1%	0%	40,3%	74,1%	30,0%	100%
Трудности	24,1%	33,3%	16,1%	30,2%	50,0%	29,2%
Боль	81,5%	0%	12,9%	2,9%	4,0%	9,4%
Недосып	16,7%	13,5%	21,0%	2,9%	2,0%	6,3%
Усталость	1,9%	0%	100%	5,0%	10,0%	2,1%
Забота	1,9%	14,4%	11,3%	81,3%	48,0%	0%
Роды	9,3%	9,0%	4,8%	2,2%	0%	8,3%
Нервы	24,1%	5,4%	16,1%	5,0%	4,0%	11,5%
Страх	40,7%	4,5%	4,8%	2,9%	2,0%	27,1%
Любовь	11,1%	10,8%	8,1%	81,3%	58,0%	5,2%
Счастье	0%	0,9%	4,8%	1,4%	100%	6,3%
Тяжесть	48,1%	24,3%	16,1%	5,0%	6,0%	17,7%

Опишем полученные результаты.

У женщин, входящих в первый кластер, выражены ассоциации с негативными коннотациями: боль, тяжесть, страх, нервы, роды, возможно, что материнство для данных респондентов воспринимается как непосильная ноша.

У женщин, входящих во второй кластер, ни одна из ассоциаций не выражена максимально, тем не менее, отметим, что наиболее представлены такие ассоциации как трудности и тяжесть. Возможно, что у данных респондентов нет четко выраженного представления о материнстве, тем не менее, акцент делается преимущественно на негативной стороне данного феномена.

У женщин, входящих в третий кластер, выражены такие ассоциации как усталость и недосып, то есть подчеркивается такой аспект материнства как физический дискомфорт при уходе за ребенком.

У женщин, входящих в четвертый кластер, выражены ассоциации с положительными коннотациями: забота и любовь, то есть для женщин данной свойственно традиционное позитивное восприятие материнства.

У женщин, входящих в пятый кластер, выражены такие ассоциации как счастье и трудности. Возможно, для женщин данной группы материнство само по себе является ценностью, тем не менее, сопряженное возможными трудностями, связанными с уходом за ребенком.

У женщин, входящих в шестой кластер, материнство сопряжено с чрезмерной ответственностью, при этом важно отметить, что отсутствует такая ассоциация как забота. Возможно, что у женщин, входящих в данную группу, представление о взаимодействии с ребенком носит формальный характер, не сопряженный сильной эмоциональной связью.

На основе анализа распределения ассоциаций по кластерам, нами была сформулирована классификация женщин с различными представлениями о материнстве. Также в результате использования χ^2 Пирсона была обнаружена связь между кластерами и принадлежностью к группе ($p \leq 0,00$).

Результаты представлены в таблице 18 - Классификация женщин с различными типами представлений о материнстве (см. далее).

Как видно из данных таблицы, добровольно бездетные женщины с неизменной позицией чаще имеют представления о материнстве как о бремени, редко – как об опеке или о призвании.

Добровольно бездетные женщины с возможностью изменения позиции чаще имеют представления о материнстве как об опеке, что опровергает стереотип о неприязни к детям всех добровольно бездетных женщин.

Бездетные женщины с неизменной позицией чаще имеют представления о материнстве как о призвании, реже – как об испытании и о бремени.

Таблица 18

Классификация женщин с различными типами представлений о
материнстве

Кластер	Наименование	Добровольно бездетные женщины с неизменной позицией	Добровольно бездетные женщины с возможностью изменения позиции	Бездетные женщины с неизменной позицией	Бездетные женщины с возможностью изменения своей позиции
1	Тип представлений о материнстве как о бремени (n=54)	44,4%	20,4%	18,5%	16,7%
2	Тип представлений о материнстве как о трудности (n=111)	27,0%	23,4%	23,4%	26,1%
3	Тип представлений о материнстве как об испытании (n=62)	37,1%	21,0%	14,5%	27,4%
4	Тип представлений о материнстве как об опеке (n=139)	6,5%	30,9%	46,8%	15,8%
5	Тип представлений о материнстве как о призвании (n=50)	8,0%	6,0%	74,0%	12,0%
6	Тип представлений о материнстве как об ответственности (n=96).	34,4%	21,9%	22,9%	20,8%

Таким образом, добровольно бездетные женщины с неизменной позицией чаще имеют представления о материнстве как о бремени, редко – как об опеке или о призвании.

Добровольно бездетные женщины с возможностью изменения позиции чаще имеют представления о материнстве как об опеке, что опровергает стереотип о неприязни к детям всех добровольно бездетных женщин.

Бездетные женщины с неизменной позицией чаще имеют представления о материнстве как о призвании, реже – как об испытании и о бремени.

Бездетные женщины с возможностью изменения своей позиции чаще имеют представления о материнстве как об испытании, но у них нет четко выраженных ассоциаций. Данные результаты косвенно могут свидетельствовать о том, что женщины данной группы не занимают четкую позицию относительно материнства, таким образом, возможен кризис идентичности.

Нами была проведена процедура прототипического анализа с целью анализа структуры и содержания социальных представлений о материнстве у выделенных нами групп.

Следует отметить, что распределение респондентов в группах получилось неоднородным, поэтому в малочисленных группах (меньше 90 респондентов) в структуру были включены ассоциации, которые назвали 10% от выборки, в многочисленных (больше 90 респондентов) – 5% от выборки.

В группу женщин с *типом* представлений о материнстве как о *бремени* вошли 54 респондента. В результате было получено 270 ассоциаций (5,0 ассоциаций на респондента). Словарь понятий (совокупность неповторяющихся слов, словосочетаний и выражений) составил 78 элементов.

Для каждого показателя вычислялись такие показатели как средний ранг и частота ассоциации; в окончательный анализ были включены только те ассоциации, которые были даны не менее 10% респондентами (5 человек). Таким образом, в окончательный анализ были включены 207 ассоциаций (76,6% от всего числа ассоциаций).

Предполагаемая структура и содержание социальных представлений о материнстве у женщин с *типом* представлений о материнстве как о *бремени* представлены в таблице 19.

Таблица 19

Структура и содержание *типа* социальных представлений о материнстве как о *бремени*

Структура социальных представлений (n=54)	Условия включения понятия в ту или иную зону социальных представлений	Включенные в структуру социальных представлений понятия (частота ассоциации; средний ранг ассоциации)
Зона ядра социальных представлений	Частота встречаемости ≥ 8 Средний ранг < 3	Безысходность (16; 2,2) Боль (43; 2,3) Стресс (16; 2,6) Страх (10; 2,8) Рабство (18; 2,5)
Буферная зона социальных представлений I	Частота встречаемости < 8 Средний ранг < 3	Жертва (5; 1,8) Ребенок (6; 2,0) Любовь (5; 2,3) Смерть (5; 2,4) Тревога (5; 2,6)
Буферная зона социальных представлений II	Частота встречаемости ≥ 8 Средний ранг ≥ 3	Депрессия (9; 3,0) Недосып (9; 3,2) Ужас (10; 3,2) Нищета (9; 3,3) Трудности (11; 3,5)
Периферическая система социальных представлений	Частота встречаемости < 8 Средний ранг ≥ 3	Роды (7; 3,1) Бремя (7; 3,3) Одиночество (5; 3,4) Страдания (5; 3,6) Ответственность (6; 3,7)

Для женщин с *типом* представлений о материнстве как о *бремени* социальных представлений о материнстве данная социальная роль видится преимущественно негативной, во всей структуре социальных представлений практически отсутствуют положительно окрашенные коннотации.

В ядро социальных представлений вошли следующие ассоциации: *безысходность* (16; 2,2), *боль* (43; 2,3), *стресс* (16; 2,6), *страх* (10; 2,8), *рабство* (18; 2,5). Примечательно, что такая ассоциация как боль встречается значительно чаще, чем все остальные, а ассоциация безысходность чаще

остальных слов в структуре стоит на первом месте в ассоциативном ряду. В целом, проанализировав ядро, можно сказать, что для женщин с данным типом социальных представлений материнство ассоциируется с экзистенциальным кризисом, потерей собственной личностной идентичности, всевозможными ограничениями.

В первую буферную зону социальных представлений вошли следующие термины: *жертва* (5; 1,8), *ребенок* (6; 2,0), *любовь* (5; 2,3), *смерть* (5; 2,4), *тревога* (5; 2,6). В целом, данные ассоциации также отражают наше предположение о том, что материнство для женщин данной группы - некое состояние экзистенциального кризиса, отражающее тревогу, потерю смысла существования.

Во вторую буферную зону социальных представлений вошли следующие термины: *депрессия* (9; 3,0), *недосып* (9; 3,2), *ужас* (10; 3,2), *нищета* (9; 3,3), *трудности* (11; 3,5). Ассоциации, входящие в данную зону, отражают сосредоточенность женщин данной группы на материнстве как на феномене, требующем психоэмоциональных, материальных и физических затрат.

В периферическую систему социальных представлений вошли следующие ассоциации: *роды* (7; 3,1), *бремя* (7; 3,3), *одиночество* (5; 3,4), *страдания* (5; 3,6), *ответственность* (6; 3,7). В целом, следует отметить, что данная зона социальных представлений похожа на ядро в смысловом ключе, так как ассоциации, входящие в периферию, также отражают преимущественно экзистенциальные трудности.

Таким образом, следует сделать вывод о том, что для женщин с *типом* представлений о материнстве как о *бремени* данный феномен, в первую очередь, это что-то негативное, то, что может ограничить их свободу, сделать их жизнь трудной и кризисной. Примечательно, что согласно исследованиям, материнство для большинства женщин преимущественно ассоциируется с ответственностью, тем не менее, у женщин данной группы данная ассоциация находится лишь в четвертой зоне. Вполне возможно, что страх,

тревога, экзистенциальное и психоэмоциональное напряжение, связанное с материнством для женщин данной группы, более значительно, чем представление о рождении ребенка как о значимом событии в жизни (в позитивном смысле), за которое нужно брать ответственность.

По мнению Т.Ю. Садовниковой с коллегами женщины, отвергающие материнство, входят в группу риска (Садовникова и др., 2024).

Опасения вызывают бездетные женщины с неизменной позицией, входящие в данную группу (18,5%). Желая иметь детей, женщины данной группы представляют данную роль в крайне негативных коннотациях, возможно, данные результаты отражают феномен «добровольно бездетных людей, имеющих детей», предложенный Л. М. Салыхиевой и Ж. В. Савельевой и описанный нами в первой главе (см. гл.1, ч.3.1., параграф 1.3.1). При рождении ребенка женщины данной группы могут создавать видимость заботы о ребенке, но при этом воспринимать его как то, что разрушило их жизнь, возможно, что желание быть матерью у них продиктовано не сколько личным желанием, а общественными установками.

В группу женщин с *типом* представлений о материнстве как об *трудности* вошли 111 респондентов. В результате было получено 555 ассоциаций (5,0 ассоциаций на респондента). Словарь понятий (совокупность неповторяющихся слов, словосочетаний и выражений) составил 153 элемента.

Для каждого показателя вычислялись такие показатели как средний ранг и частота ассоциации; в окончательный анализ были включены только те ассоциации, которые были даны не менее 5% респондентами (5 человек). Таким образом, в окончательный анализ были включены 228 ассоциаций (41,08% от всего числа ассоциаций).

Предполагаемая структура и содержание социальных представлений о материнстве у женщин с *типом* представлений о материнстве как об *трудности* представлены в таблице 20.

Таблица 20

Структура и содержание *типа* социальных представлений о
материнстве как об *трудности*

Структура социальных представлений (n=111)	Условия включения понятия в ту или иную зону социальных представлений	Включенные в структуру социальных представлений понятия (частота ассоциации; средний ранг ассоциации)
Зона ядра социальных представлений	Частота встречаемости $\geq 10,5$ Средний ранг $< 2,6$	Труд (32; 1,62) Любовь (12; 1,91) Тепло (12; 2,16) Забота (13; 2,29) Беременность (13; 2,3) Бедность (13; 2,3) Бессонница (14; 2,5) Тяжесть (14; 2,42)
Буферная зона социальных представлений I	Частота встречаемости $< 10,5$ Средний ранг $< 2,6$	Депрессия (8; 2,0) Нервы (5; 2,2) Пеленки (7; 2,42) Крики (9; 2,44)
Буферная зона социальных представлений II	Частота встречаемости $\geq 10,5$ Средний ранг $\geq 2,6$	Младенец (24; 3,08) Бремя (15; 2,9)
Периферическая система социальных представлений	Частота встречаемости $< 10,5$ Средний ранг $\geq 2,6$	Страх (6; 2,66) Время (9; 3,11) Ограничения (9; 3,33) Боль (8; 3,7) Зависимость (5; 3,8)

Для женщин с *типом* представлений о материнстве как об *трудности* социальных представлений о материнстве свойственно восприятие данной социальной роли преимущественно как чего-то негативного, тем не менее, в структуре социальных представлений есть положительно окрашенные коннотации.

В ядро социальных представлений вошли следующие ассоциации: *труд* (32; 1,62), *любовь* (12; 1,91), *тепло* (12; 2,16), *забота* (13; 2,29), *беременность* (13; 2,3), *бедность* (13; 2,3), *бессонница* (14; 2,5), *тяжесть* (14; 2,42). Можно сделать вывод о том, что для женщин данной группы материнство, в первую очередь, это трудный и затратный процесс с точки зрения физиологических и материальных аспектов. В отличие от женщин

первой группы сравнения, для которых материнство сопровождается экзистенциальным кризисом, у женщин данной группы это не выражено. Более того, в ядре встречаются ассоциации, отражающие позитивное отношение к материнству (любовь, теплота, забота), чего нет у женщин с *типом* представлений о материнстве как о *бремени*.

В первую буферную зону социальных представлений вошли следующие ассоциации: *депрессия* (8; 2,0), *нервы* (5; 2,2), *пеленки* (7; 2,42), *крики* (9; 2,44). Ассоциации, входящие в данную зону, отражают, во-первых, детскую атрибутику и сложности, связанные с воспитанием ребенка, и, во-вторых, психологический дискомфорт, сопряженный с уходом за ребенком. По смысловому содержанию данная зона также отличается от зоны первой группы сравнения, в которой акцент был сделан преимущественно на экзистенциальных трудностях, а не сложностях, связанных с уходом за ребенком.

Во вторую буферную зону вошли следующие ассоциации: *младенец* (24; 3,08), *бремя* (15; 2,9). На наш взгляд, ассоциации, входящие в данную зону, отражают такую же логику представления о материнстве как об обременяющем феномене, требующего затрат.

В периферическую систему социальных представлений вошли следующие ассоциации: *страх* (6; 2,66), *время* (9; 3,11), *одиночество* (9; 3,33), *боль* (8; 3,7), *зависимость* (5; 3,8). Ассоциации, входящие в данную зону, по смыслу напоминают ядро социальных представлений у женщин с *типом* представлений о материнстве как о *бремени*. Тем не менее, следует отметить, что у женщин с *типом* представлений о материнстве как об *трудности* встречается такая ассоциация как *время*, предполагаем, что в данном случае это слово может отражать материнство как то, что требует временных затрат, то есть несмотря на преимущественно экзистенциальное смысловое содержание периферии, всё равно присутствуют ассоциации, отражающие линии трёх предыдущих зон. Также следует отметить, что это единственная группа из шести, в которой нет ассоциации ответственность.

По мнению Т.Ю. Садовниковой с коллегами женщины данного типа также входят в группу риска (Садовникова и др., 2024).

В группу женщин с *типом* представлений о материнстве как об испытании вошли 62 респондента. В результате было получено 310 ассоциаций (5,0 ассоциаций на респондента). Словарь понятий (совокупность неповторяющихся слов, словосочетаний и выражений) составил 71 элемент.

Для каждого показателя вычислялись такие показатели как средний ранг и частота ассоциации; в окончательный анализ были включены только те ассоциации, которые были даны не менее 10% респондентами (6 человек). Таким образом, в окончательный анализ были включены 179 ассоциаций (57,7% от всего числа ассоциаций).

Предполагаемая структура и содержание социальных представлений о материнстве с *типом* представлений о материнстве как об испытании представлены в таблице 21.

В структуре и содержании социальных представлений о материнстве у женщин с *типом* представлений о материнстве как об испытании не обнаружено преимущественно негативных или позитивных коннотаций, скорее, структура социальных представлений носит нейтральный характер. Данный аспект разительно отличает данную группу сравнения от двух предыдущих.

Таблица 21

Структура и содержание *типа* социальных представлений о
материнстве как об *испытании*

Структура социальных представлений (n=62)	Условия включения понятия в ту или иную зону социальных представлений	Включенные в структуру социальных представлений понятия (частота ассоциации; средний ранг ассоциации)
Зона ядра социальных представлений	Частота встречаемости ≥ 7 Средний ранг $< 2,8$	Труд (9; 1,33) Ответственность (26; 2,03) Усталость (57; 2,71)
Буферная зона социальных представлений I	Частота встречаемости < 7 Средний ранг $< 2,8$	Роды (5; 1,8) Любовь (6; 2,33) Крики (6; 2,66)
Буферная зона социальных представлений II	Частота встречаемости ≥ 7 Средний ранг $\geq 2,8$	Бессонница (15; 2,8) Рабство (8; 2,8) Забота (9; 3,22) Деньги (7; 3,42) Боль (14; 3,43)
Периферическая система социальных представлений	Частота встречаемости < 7 Средний ранг $\geq 2,8$	Стресс (6; 2,83) Время (6; 3,0) Тепло (5; 3,6)

В ядро социальных представлений вошли следующие ассоциации: *труд* (9; 1,33), *ответственность* (26; 2,03), *усталость* (57; 2,71). Примечательно, что чаще всего встречается ассоциация усталость, хотя она и не находится преимущественно на первом месте в ассоциативном ряду. Также в отличие от предыдущих групп, в ядре присутствует термин ответственность, и, как и у женщин второй группы сравнения, ассоциация труд. Отметим, что в последнее время в информационном поле всё чаще встречаются такие термины как «материнская усталость», «эмоциональное выгорание», «мама на нуле» и т.д., таким образом, формируется другая сторона материнства, сопряженная с всевозможными трудностями. Следует отметить, что в ядре отсутствуют ассоциации, отражающие позитивные представления о материнстве. Можно предположить, что для женщин данной группы материнство преимущественно сопряжено физическим дискомфортом. Отчасти, это роднит женщин данной группы с женщинами с *типом* представлений о материнстве как об *трудности*, тем не менее, в

данной структуре практически отсутствует эмоциональный компонент, что может затруднять психологическую диагностику и консультирование женщин данного типа.

В первую буферную зону социальных представлений вошли следующие ассоциации: *роды* (5; 1,8), *любовь* (6; 2,33), *крики* (6; 2,66). Единственной ассоциацией, отражающей эмоционально – чувственный компонент является любовь, две другие ассоциации связаны с взаимодействием с ребенком.

Во вторую буферную зону социальных представлений вошли следующие ассоциации: *бессонница* (15; 2,8), *рабство* (8; 2,8), *забота* (9; 3,22), *деньги* (7; 3,42), *боль* (14; 3,43). Примечательно, что чаще всего встречаются ассоциации, отражающие, в первую очередь, снова физический дискомфорт (*бессонница*, *боль*), есть также ассоциация, отражающая материальные затраты (*деньги*), ограничения (*рабство*) и заботу о ребенке. На наш взгляд, данная зона продолжает логику проанализированного ядра социальных представлений данной группы: акцент на физическом дискомфорте, перекликающийся с уходом за ребенком.

В периферическую систему вошли следующие ассоциации: *стресс* (6; 2,38), *время* (6; 3,0), *тепло* (5; 3,6). Исходя из данных ассоциаций, материнство для женщин данной группы – феномен, требующий затрат различных ресурсов.

Большую часть данной группы составляют добровольно бездетные женщины с неизменной позицией (37,1%), больше четверти бездетных женщин с возможностью изменения своей позиции также входят в данную группу (27,4%). Важно отметить, что для женщин первой группы с данным типом представлений осознание того, что материнство – это энергозатратный процесс приводит к категорическому отказу от данной роли, в то время как у женщин второй группы, скорее, может сформироваться внутренний конфликт из-за общественного давления, а также сценарий, отражающий страх не справиться со своей ролью и выгореть психоэмоционально.

В группу женщин с *типом* представлений о материнстве как об *опеке* вошли 139 респондентов. В результате было получено 695 ассоциаций (5,0 ассоциаций на респондента). Словарь понятий (совокупность неповторяющихся слов, словосочетаний и выражений) составил 175 элементов.

Для каждого показателя вычислялись такие показатели как средний ранг и частота ассоциации; в окончательный анализ были включены только те ассоциации, которые были даны не менее 5% респондентами (7 человек). Таким образом, в окончательный анализ были включены 447 ассоциаций (64,3% от всего числа ассоциаций).

Предполагаемая структура и содержание социальных представлений о материнстве у женщин с *типом* представлений о материнстве как об *опеке* представлены в таблице 22.

Таблица 22

Структура и содержание *типа* социальных представлений о материнстве как об *опеке*

Структура социальных представлений (n=139)	Условия включения понятия в ту или иную зону социальных представлений	Включенные в структуру социальных представлений понятия (частота ассоциации; средний ранг ассоциации)
Зона ядра социальных представлений	Частота встречаемости ≥ 15 Средний ранг $< 3,17$	Ответственность (99; 1,90) Забота (107; 2,49) Тепло (15; 2,4) Защита (18; 2,94) Любовь (108; 3,11)
Буферная зона социальных представлений I	Частота встречаемости < 15 Средний ранг $< 3,17$	Дети (8; 2,12)
Буферная зона социальных представлений II	Частота встречаемости ≥ 15 Средний ранг $\geq 3,17$	Труд (39; 3,23) Трудности (15; 3,53)
Периферическая система социальных представлений	Частота встречаемости < 15 Средний ранг $\geq 3,17$	Боль (7; 3,2) Обязанность (9; 3,66) Деньги (8; 3,87) Страх (7; 4,0) Уважение (7; 4,8)

Для женщин с *типом* представлений о материнстве как об *опеке* свойственно восприятие данной социальной роли преимущественно как чего-то позитивного, в структуре социальных представлений практически не представлены ассоциации с негативными коннотациями.

В ядро социальных представлений вошли следующие ассоциации: *ответственность* (99; 1,90), *забота* (107; 2,29), *тепло* (15; 2,4), *защита* (18; 2,94), *любовь* (108; 3,11). В ядре отсутствуют негативно окрашенные ассоциации. Следует отметить, что ответственность в ассоциативном ряде чаще всего встречается на первых позициях, и, несмотря на то что такие ассоциации как забота и любовь встречаются чаще, чем ответственность, их респонденты чаще называли в последнюю очередь. Тем не менее, ядро социальных представлений о материнстве у женщин с *типом* представлений о материнстве как об *опеке* выглядит сбалансированно: несмотря на то, что материнство — это ответственность, другие ассоциации отражают одновременно и эмоциональное принятие ребенка. Таким образом можно предположить, что для женщин данной группы ребенок является важным субъектом взаимодействия, что отличает их от женщин с *типом* представлений о материнстве как о бремени, для которых ребенок — это, скорее, объект взаимодействия.

В первую буферную зону социальных представлений вошли следующие ассоциации: *дети* (8; 2,12).

Во вторую буферную зону социальных представлений вошли следующие ассоциации: *труд* (39; 2,3), *трудности* (15; 3,53). Можно предположить, что для женщин данного типа материнство сопряжено с определенными трудностями, тем не менее, нет негативных ассоциаций, характеризующих данный аспект материнства.

В периферическую зону социальных представлений вошли следующие ассоциации: *боль* (7; 3,2), *обязанность* (9; 3,66), *деньги* (8; 3,87), *страх* (7; 4,0), *уважение* (7; 4,8). Следует отметить, что только в этой зоне встречаются две ассоциации, отражающие негативные аспекты материнства (*боль*, *страх*);

другие же ассоциации отражают материальные затраты (*деньги*), некоторые личностные ограничения (*обязанность*). Отдельно следует отметить ассоциацию *уважение*, не входящую в структуру социальных представлений предыдущих групп сравнения. Возможно, это может свидетельствовать о том, что для женщин данной группы материнства как социальная роль сопряжено с чем-то общественно значимым.

Из всех рассмотренных нами типов представлений – данный тип является наиболее оптимальным.

В группу женщин с *типом* представлений о материнстве как о *призвании* вошли 50 респондентов. В результате было получено 250 ассоциаций (5,0 ассоциаций на респондента). Словарь понятий (совокупность неповторяющихся слов, словосочетаний и выражений) составил 122 элемента.

Для каждого показателя вычислялись такие показатели как средний ранг и частота ассоциации; в окончательный анализ были включены только те ассоциации, которые были даны не менее 10% респондентами (5 человек). Таким образом, в окончательный анализ были включены 188 ассоциаций (75,2% от всего числа ассоциаций).

Предполагаемая структура и содержание социальных представлений о материнстве у женщин с *типом* представлений о материнстве как о *призвании* представлены в таблице 23 - Структура и содержание типа социальных представлений о материнстве как о призвании (см. далее).

Как видно из данных таблицы, у женщин с *типом* представлений о материнстве как о *призвании* практически отсутствует негативно окрашенные коннотации.

В ядро социальных представлений вошли следующие ассоциации: *ответственность* (15; 2,4), *забота* (24; 2,54), *труд* (24; 2,70), *счастье* (31; 2,70), *любовь* (29; 2,75).

Таблица 23

Структура и содержание *типа* социальных представлений о
материнстве как о *призвании*

Структура социальных представлений (n=50)	Условия включения понятия в ту или иную зону социальных представлений	Включенные в структуру социальных представлений понятия (частота ассоциации; средний ранг ассоциации)
Зона ядра социальных представлений	Частота встречаемости ≥ 10 Средний ранг $< 2,95$	Ответственность (15; 2,4) Забота (24; 2,54) Труд (24; 2,70) Счастье (31; 2,70) Любовь (29; 2,75)
Буферная зона социальных представлений I	Частота встречаемости < 10 Средний ранг $< 2,95$	Дети (7; 2,14) Усталость (5; 2,4) Нежность (7; 2,71)
Буферная зона социальных представлений II	Частота встречаемости ≥ 10 Средний ранг $\geq 2,95$	Радость (16; 3,37) Трудность (10; 4,0)
Периферическая система социальных представлений	Частота встречаемости < 10 Средний ранг $\geq 2,95$	Семья (8; 3,0) Поддержка (5; 3,8) Тепло (7; 3,85)

Структура данной зоны схожа со структурой женщин с положительным типом социальных представлений, тем не менее, существуют некоторые различия: во-первых, ассоциация труд входит в ядро у женщин с ценностно-приоритетным типом, в то время как у женщин предыдущей группы данная ассоциация входила во вторую буферную зону, во-вторых, наличие ассоциации счастье может свидетельствовать о том, что для женщин данной группы материнства само по себе является ценностью.

В первую буферную зону социальных представлений вошли следующие ассоциации: *дети* (7; 2,14), *усталость* (5; 2,4), *нежность* (7; 2,71). На наш взгляд, данные ассоциации также отражают ценность материнства как такового.

Во вторую буферную зону социальных представлений вошли следующие ассоциации: *радость* (16; 3,37), *трудность* (10; 4,0). Ассоциации,

входящие в данную зону, продолжают отражать логику ценности материнства, несмотря на возможные трудности, которые могут возникнуть в процессе ухода за ребенком.

В периферическую систему социальных представлений вошли следующие ассоциации: *семья* (8; 3,0), *поддержка* (5; 3,8), *тепло* (7; 3,85). В целом, следует отметить, что данная зона социальных представлений похожа на ядро в смысловом ключе, так как ассоциации, входящие в периферию, также отражают материнство преимущественно как ценность.

Следует отметить, что, исходя из анализа структуры и содержания социальных представлений, женщины с *типом* представлений о материнстве как о *призвании* являются практически полной противоположностью женщин с *типом* представлений о материнстве как о *бремени*, так, для первых материнство само по себе является ценностью, в то время как вторые отвергают материнство как таковое. Женщины с *типом* представлений о материнстве как о *призвании* и женщины с *типом* представлений о материнстве как об *опеке* похожи друг на друга, тем не менее, следует отметить, что у женщин первой группы преимущественно позитивный образ материнства выражен сильнее, чем у женщин второй группы.

Опасения также вызывают бездетные женщины с неизменной позицией, входящие в данную группу (74,0%). Данные результаты логичны, исходя из тех параметров, на основании которых данная группа была обозначена, однако опасения вызваны тем, что для женщин данной группы, вероятнее всего, свойственен детоцентризм, выражающийся в неадекватном восприятии женщиной себя в роли матери, а также возможностей и желания своего ребенка. Так как подавляющее большинство бездетных женщин с возможностью изменения своей позиции вошли именно в эту группу, можно предположить, что в настоящее время психологи всё чаще будут сталкиваться с феноменом «интенсивного материнства» (Мисиюк Ю.В., 2022).

В группу женщин с *типом* представлений о материнстве как об *ответственности* вошли 96 респондентов. В результате было получено 480 ассоциаций (5,0 ассоциаций на респондента). Словарь понятий (совокупность неповторяющихся слов, словосочетаний и выражений) составил 162 элемента.

Для каждого показателя вычислялись такие показатели как средний ранг и частота ассоциации; в окончательный анализ были включены только те ассоциации, которые были даны не менее 5% респондентами (5 человек). Таким образом, в окончательный анализ были включены 229 ассоциаций (47,7% от всего числа ассоциаций).

Предполагаемая структура и содержание социальных представлений о материнстве у женщин с *типом* представлений о материнстве как об *ответственности* представлены в таблице 24.

Таблица 24

Структура и содержание *типа* социальных представлений о материнстве как об *ответственности*

Структура социальных представлений (n=96)	Условия включения понятия в ту или иную зону социальных представлений	Включенные в структуру социальных представлений понятия (частота ассоциации; средний ранг ассоциации)
Зона ядра социальных представлений	Частота встречаемости $\geq 9,5$ Средний ранг $< 2,95$	Ответственность (96; 2,44) Труд (21; 2,47) Тяжесть (12; 2,58) Боль (11; 2,63) Беременность (10; 2,8)
Буферная зона социальных представлений I	Частота встречаемости $< 9,5$ Средний ранг $< 2,95$	Нервы (6; 1,83) Работа (5; 2,8)
Буферная зона социальных представлений II	Частота встречаемости $\geq 9,5$ Средний ранг $\geq 2,95$	Страх (22; 3,18) Семья (12; 4,0)
Периферическая система социальных представлений	Частота встречаемости $< 9,5$ Средний ранг $\geq 2,95$	Любовь (6; 3,0) Деньги (8; 3,0) Бессонница (5; 3,2) Забота (6; 3,33) Тревога (9; 4,11)

У женщин с *типом* социальных представлений о материнстве как об *ответственности*, данный феномен преимущественно сопряжен с такой ассоциацией как ответственность, которая в значительно большей степени представлена в структуре социальных представлений по сравнению с другими ассоциациями; при этом следует отметить амбивалентность этих ассоциаций. В целом, это может свидетельствовать о том, что материнство для женщин данной группы – это обязательная социальная роль, вызывающая смешанные чувства.

В структуру ядра социальных представлений вошли следующие ассоциации: *ответственность* (96; 2,44), *труд* (21; 2,47), *тяжесть* (12; 2,58), *боль* (11; 2,63), *беременность* (10; 2,8). Как уже было отмечено ранее, у данной группы ассоциация ответственность является самой выраженной; другие же ассоциации, входящие в ядро, отражают преимущественно негативное представление о материнстве (*тяжесть, боль*).

В первую буферную зону социальных представлений вошли следующие ассоциации: *нервы* (6; 1,83), *работа* (5; 2,8). В целом, ассоциации, входящие в данную зону, отражают, скорее, амбивалентное представление о материнстве с тенденцией к негативу.

Во вторую буферную зону социальных представлений вошли следующие ассоциации: *страх* (22; 3,18), *семья* (12; 4,0). Данные ассоциации отражают контекст, рассмотренный нами в предыдущей зоне социальных представлений.

В периферическую систему социальных представлений вошли следующие ассоциации: *любовь* (6; 3,0), *деньги* (8; 3,0), *бессонница* (5; 3,2), *забота* (6; 3,33), *тревога* (9; 4,11). Несмотря на ассоциации, имеющие позитивную коннотацию (забота, любовь), всё равно наблюдается тенденция преимущественного амбивалентного представления о материнстве в сторону негатива.

Ощутимо больше по сравнению с другими группами сюда входят добровольно бездетные женщины с неизменной позицией (34,4%). Возможно, невозможность справиться с материнской ролью из-за возможных сомнений в своей компетентности может приводить к жесткому отрицанию материнства вообще, предполагается, что женщины данной группы были воспитаны в рамках семейного перфекционизма и других семейных дисфункций.

Таким образом в данном параграфе на основании ассоциаций, включенных в область ядра социальных представлений, нами была разработана типология женщин с разными типами представлений о материнстве, а также описано само содержание этих представлений. На основании проанализированной структуры и содержания социальных представлений о материнстве была сформирована сводная таблица типологии женщин с разными типами представлений о материнстве и представлена их характеристика (таблица 25 - Типология женщин с разными типами представлений о материнстве).

Как видно из таблицы 25 (см. далее) большая часть опрошенных женщин имеет представление о материнстве как об опеке, на втором месте – представления о материнстве как о трудности и на третьем – представления о материнстве как об ответственности. Представления о материнстве как о бремени, испытании и призвании представлены значительно меньше.

Данные результаты свидетельствуют о том, что всё же большая часть женщин имеет оптимальную модель материнства, в котором интересы ребенка находятся на первом месте, однако важно отметить, что для многих респондентов материнство всё же характеризуется трудностями и повышенной ответственностью. Наибольшие опасения, на наш взгляд, вызывают женщины, попавшие в три другие группы, так как женщины с данными типами представлений, скорее, будут взаимодействовать с ребенком через призму «субъект-объектных отношений» без учета его интересов и желаний.

Таблица 25

Типология женщин с разными типами представлений о материнстве

Представления о материнстве негативные		Представления о материнстве нейтральные		Представления о материнстве позитивные	
Женщины с типом представлений о материнстве как о бремени (n=54)	Женщины с типом представлений о материнстве как о трудности (n=111)	Женщины с типом представлений о материнстве как об испытании (n=62)	Женщины с типом представлений о материнстве как об ответственности (n=96)	Женщины с типом представлений о материнстве как об опеке (n=139)	Женщины с типом представлений о материнстве как о призвании (n=50)
Проблема материнства находится в экзистенциальной области Непринятие материнства базируется на уровне ценностей Наличие ребенка для женщин с данным типом представлений о материнстве означает «конец жизни»	Материнство для женщин данной группы связано с тяжестью Отсутствие веры в свои силы, катастрофизация жизни могут приводить к откладыванию рождения детей	Проблема материнства находится в области взаимодействия с ребенком Ребенок воспринимается и как объект, требующий много затрат со стороны матери, и как испытание для самой женщины	Проблема материнства связана с чрезмерной ответственностью, со страхом не справиться с ролью матери Дети для женщин данной группы представляют ценность, поэтому их страх продиктован, скорее, не катастрофизацией мира в целом, сколько страхом не оправдать ожидания ребенка и свои собственные	Наиболее оптимальная модель материнства, для женщин данной группы данная роль – это радость и счастье Выстраивание отношений с ребенком происходит исходя из его потребностей и желаний	Проблема материнства сопряжена с детоцентризмом, «интенсивным материнством» В данной модели материнства практически не учитываются интересы ребенка, но при этом от него требуется подчинение материнскому авторитету Материнство – центральная сфера формирования идентичности и самореализации
Представленность женщин, не имеющих детей, в каждой из выделенных групп					
Добровольно бездетные женщины с неизменной позицией (n=24)	Добровольно бездетные женщины с неизменной позицией (n=30)	Добровольно бездетные женщины с неизменной позицией (n=23)	Добровольно бездетные женщины с неизменной позицией (n=33)	Добровольно бездетные женщины с неизменной позицией (n=9)	Добровольно бездетные женщины с неизменной позицией (n=4)
Добровольно бездетные женщины с возможностью изменения позиции (n=11)	Добровольно бездетные женщины с возможностью изменения позиции (n=26)	Добровольно бездетные женщины с возможностью изменения позиции (n=13)	Добровольно бездетные женщины с возможностью изменения позиции (n=21)	Добровольно бездетные женщины с возможностью изменения позиции (n=43)	Добровольно бездетные женщины с возможностью изменения позиции (n=3)
Бездетные женщины с неизменной позицией (n=10)	Бездетные женщины с неизменной позицией (n=26)	Бездетные женщины с неизменной позицией (n=9)	Бездетные женщины с неизменной позицией (n=22)	Бездетные женщины с неизменной позицией (n=65)	Бездетные женщины с неизменной позицией (n=37)
Бездетные женщины с возможностью изменения позиции (n=9)	Бездетные женщины с возможностью изменения позиции (n=29)	Бездетные женщины с возможностью изменения позиции (n=17)	Бездетные женщины с возможностью изменения позиции (n=20)	Бездетные женщины с возможностью изменения позиции (n=22)	Бездетные женщины с возможностью изменения позиции (n=6)

В следующем параграфе описаны результаты сравнения женщин по социально-психологическим характеристикам личности в зависимости от типа представлений.

3.3. Социально-психологические характеристики личности женщин с разными типами представлений о материнстве

В данном параграфе представлены результаты проверки предположения о различиях в социально-психологических характеристиках личности женщин в зависимости от типа представлений.

В результате сравнения получились следующие статистически значимые различия (таблица 26):

Таблица 26

Результаты сравнения женщин с разными типами представлений о материнстве по социально-психологическим характеристикам

Социально-психологические характеристики (личностные характеристики)			
Характеристика	Группы исследования	Ранг	Уровень значимости
<i>Социальные аксиомы</i>			
Социальный цинизм	Женщины с типом представлений о материнстве как о бремени	280,21	$p \leq 0,01$
	Женщины с типом представлений о материнстве как о трудности	280,87	
	Женщины с типом представлений о материнстве как об испытании	271,99	
	Женщины с типом представлений о материнстве как об опеке	230,87	
	Женщины с типом представлений о материнстве как о призвании	189,22	
	Женщины с типом представлений о материнстве как об ответственности	277,13	
Религиозность	Женщины с типом представлений о материнстве как о бремени	206,19	$p \leq 0,00$
	Женщины с типом представлений о материнстве как о трудности	228,86	
	Женщины с типом представлений о материнстве как об испытании	229,85	
	Женщины с типом представлений о материнстве как об опеке	291,45	
	Женщины с типом представлений о материнстве как о призвании	313,50	
	Женщины с типом представлений о	253,68	

	материнстве как об ответственности		
Моральные основания			
Лояльность к группе	Женщины с типом представлений о материнстве как о бремени	278,09	p ≤0,00
	Женщины с типом представлений о материнстве как о трудности	237,03	
	Женщины с типом представлений о материнстве как об испытании	249,65	
	Женщины с типом представлений о материнстве как об опеке	273,25	
	Женщины с типом представлений о материнстве как о призвании	304,17	
	Женщины с типом представлений о материнстве как об ответственности	222,21	
Уважение к авторитету	Женщины с типом представлений о материнстве как о бремени	240,78	p ≤0,00
	Женщины с типом представлений о материнстве как о трудности	225,66	
	Женщины с типом представлений о материнстве как об испытании	223,49	
	Женщины с типом представлений о материнстве как об опеке	290,36	
	Женщины с типом представлений о материнстве как о призвании	367,91	
	Женщины с типом представлений о материнстве как об ответственности	215,27	
Этика общества	Женщины с типом представлений о материнстве как о бремени	267,34	p ≤0,00
	Женщины с типом представлений о материнстве как о трудности	240,25	
	Женщины с типом представлений о материнстве как об испытании	232,15	
	Женщины с типом представлений о материнстве как об опеке	292,27	
	Женщины с типом представлений о материнстве как о призвании	285,66	
	Женщины с типом представлений о материнстве как об ответственности	217,94	
Ценностные ориентации (уровень нормативных идеалов)			
Конформность	Женщины с типом представлений о материнстве как о бремени	238,02	p ≤0,00
	Женщины с типом представлений о материнстве как о трудности	239,99	
	Женщины с типом представлений о материнстве как об испытании	271,52	
	Женщины с типом представлений о материнстве как об опеке	283,24	
	Женщины с типом представлений о материнстве как о призвании	288,20	
	Женщины с типом представлений о материнстве как об ответственности	221,06	
Традиции	Женщины с типом представлений о материнстве как о бремени	259,37	p ≤0,00
	Женщины с типом представлений о	222,20	

	материнстве как о трудности		
	Женщины с типом представлений о материнстве как об испытании	265,04	
	Женщины с типом представлений о материнстве как об опеке	274,47	
	Женщины с типом представлений о материнстве как о призвании	307,03	
	Женщины с типом представлений о материнстве как об ответственности	236,69	
Стимуляция	Женщины с типом представлений о материнстве как о бремени	281,38	p ≤0,04
	Женщины с типом представлений о материнстве как о трудности	257,00	
	Женщины с типом представлений о материнстве как об испытании	265,16	
	Женщины с типом представлений о материнстве как об опеке	274,64	
	Женщины с типом представлений о материнстве как о призвании	247,32	
	Женщины с типом представлений о материнстве как об ответственности	214,86	
Безопасность	Женщины с типом представлений о материнстве как о бремени	259,89	p ≤0,00
	Женщины с типом представлений о материнстве как о трудности	227,80	
	Женщины с типом представлений о материнстве как об испытании	284,35	
	Женщины с типом представлений о материнстве как об опеке	278,84	
	Женщины с типом представлений о материнстве как о призвании	279,79	
	Женщины с типом представлений о материнстве как об ответственности	225,32	
Ценностные ориентации (уровень индивидуальных приоритетов)			
Доброта	Женщины с типом представлений о материнстве как о бремени	219,00	p ≤0,00
	Женщины с типом представлений о материнстве как о трудности	237,71	
	Женщины с типом представлений о материнстве как об испытании	221,50	
	Женщины с типом представлений о материнстве как об опеке	285,45	
	Женщины с типом представлений о материнстве как о призвании	325,78	
	Женщины с типом представлений о материнстве как об ответственности	243,93	
Социально-психологические характеристики (межличностные характеристики)			
Семейные эмоциональные коммуникации в родительской семье			
Элиминирование эмоций	Женщины с типом представлений о материнстве как о бремени	273,96	p ≤0,00
	Женщины с типом представлений о материнстве как о трудности	282,36	

	Женщины с типом представлений о материнстве как об испытании	299,47	
	Женщины с типом представлений о материнстве как об опеке	230,27	
	Женщины с типом представлений о материнстве как о призвании	184,98	
	Женщины с типом представлений о материнстве как об ответственности	264,24	
Стиль воспитания в родительской семье			
Репрессивный стиль воспитания в родительской семье	Женщины с типом представлений о материнстве как о бремени	278,60	p ≤0,00
	Женщины с типом представлений о материнстве как о трудности	284,45	
	Женщины с типом представлений о материнстве как об испытании	270,31	
	Женщины с типом представлений о материнстве как об опеке	244,54	
	Женщины с типом представлений о материнстве как о призвании	181,45	
	Женщины с типом представлений о материнстве как об ответственности	259,24	
Мотивы избегания материнства			
Отталкивающее поведение детей (крики, шум, плач)	Женщины с типом представлений о материнстве как о бремени	302,47	p ≤0,00
	Женщины с типом представлений о материнстве как о трудности	292,90	
	Женщины с типом представлений о материнстве как об испытании	273,78	
	Женщины с типом представлений о материнстве как об опеке	224,79	
	Женщины с типом представлений о материнстве как о призвании	203,64	
	Женщины с типом представлений о материнстве как об ответственности	250,84	
Желание сохранить здоровье и неготовность жертвовать здоровьем ради вынашивания и рождения ребенка	Женщины с типом представлений о материнстве как о бремени	282,32	p ≤0,00
	Женщины с типом представлений о материнстве как о трудности	287,77	
	Женщины с типом представлений о материнстве как об испытании	269,40	
	Женщины с типом представлений о материнстве как об опеке	223,83	
	Женщины с типом представлений о материнстве как о призвании	226,95	
	Женщины с типом представлений о материнстве как об ответственности	260,18	
Отвращение к процессу вынашивания, рождения и кормления ребенка	Женщины с типом представлений о материнстве как о бремени	317,59	p ≤0,01
	Женщины с типом представлений о материнстве как о трудности	237,95	
	Женщины с типом представлений о материнстве как об испытании	283,85	
	Женщины с типом представлений о материнстве как об опеке	239,85	

	Женщины с типом представлений о материнстве как о призвании	227,69	
	Женщины с типом представлений о материнстве как об ответственности	276,31	
Желание посвящать время преимущественно себе или партнеру	Женщины с типом представлений о материнстве как о бремени	310,50	$p \leq 0,00$
	Женщины с типом представлений о материнстве как о трудности	290,16	
	Женщины с типом представлений о материнстве как об испытании	254,69	
	Женщины с типом представлений о материнстве как об опеке	222,49	
	Женщины с типом представлений о материнстве как о призвании	227,68	
	Женщины с типом представлений о материнстве как об ответственности	252,63	
Отсутствие «потребности в детях» как обязательного компонента успешной жизни	Женщины с типом представлений о материнстве как о бремени	287,61	$p \leq 0,00$
	Женщины с типом представлений о материнстве как о трудности	281,12	
	Женщины с типом представлений о материнстве как об испытании	267,60	
	Женщины с типом представлений о материнстве как об опеке	229,59	
	Женщины с типом представлений о материнстве как о призвании	209,20	
	Женщины с типом представлений о материнстве как об ответственности	266,96	

**Примечание: в таблице отмечены только статистически значимые различия.*

На основании полученных результатов можно сделать следующие выводы о социально-психологических характеристиках женщин в зависимости от типа представлений:

1. Социально-психологические характеристики личности женщин с типом представлений о материнстве как о бремени, следующие: высокий уровень выраженности социального цинизма, элиминирования эмоций, репрессивного стиля воспитания в родительской семье, мотивы избегания материнства: «отталкивающее поведение детей (крики, шум, плач)», «желание сохранить здоровье и неготовность жертвовать здоровьем ради вынашивания и рождения ребенка», «отвращение к процессу вынашивания, рождения и кормления ребенка», «желание посвящать время преимущественно себе или партнеру», «отсутствие «потребности в детях»

как обязательного компонента успешной жизни» и низкий уровень выраженности религиозности, уважения к авторитету.

2. Социально-психологические характеристики личности женщин с типом представлений о материнстве как о трудности, следующие: высокий уровень выраженности социального цинизма, элиминирования эмоций, репрессивного стиля воспитания в родительской семье, мотивы избегания материнства «отталкивающее поведение детей (крики, шум, плач)», «желание сохранить здоровье и неготовность жертвовать здоровьем ради вынашивания и рождения ребенка», «желание посвящать время преимущественно себе или партнеру», «отсутствие «потребности в детях» как обязательного компонента успешной жизни»; средний уровень выраженности мотива избегания материнства «отвращение к процессу вынашивания, рождения и кормления ребенка» и низкий уровень выраженности религиозности, уважения к авторитету, этики общества, ценности традиции (уровень нормативных идеалов), ценности безопасность (уровень нормативных идеалов), ценности доброта (уровень индивидуальных приоритетов).

3. Социально-психологические характеристики личности женщин с типом представлений о материнстве как об испытании, следующие: высокий уровень выраженности элиминирования эмоций, мотива избегания материнства «отвращение к процессу вынашивания, рождения и кормления ребенка»; средний уровень выраженности социального цинизма и низкий уровень выраженности религиозности, уважения к авторитету, этики общества, ценности доброта (уровень индивидуальных приоритетов).

4. Социально-психологические характеристики личности женщин с типом представлений о материнстве как об опеке, следующие: высокий уровень выраженности религиозности, этики общества, ценности традиции (уровень нормативных идеалов), ценности стимуляция (уровень нормативных идеалов), ценности безопасность (уровень нормативных идеалов); средний уровень выраженности уважения к авторитету,

репрессивного стиля воспитания в родительской семье и низкий уровень выраженности социального цинизма, элиминирования эмоций, мотивы избегания материнства не выражены.

5. Социально-психологические характеристики личности женщин с типом представлений о материнстве как о призвании, следующие: высокий уровень выраженности религиозности, лояльности к группе, уважение к авторитету, этики общества, ценности конформность (уровень нормативных идеалов), ценности традиции (уровень нормативных идеалов), ценности доброта (уровень индивидуальных приоритетов) и низкий уровень выраженности социального цинизма, элиминирования эмоций, репрессивного стиля воспитания в родительской семье, мотивы избегания материнства не выражены.

6. Социально-психологические характеристики личности женщин с типом представлений о материнстве как об ответственности, следующие: высокий уровень выраженности элиминирования эмоций, средний уровень выраженности социального цинизма, репрессивного стиля воспитания в родительской семье и низкий уровень выраженности религиозности, лояльности к группе, уважения к авторитету, этики общества, ценности конформность (уровень нормативных идеалов), ценности стимуляция (уровень нормативных идеалов), ценности безопасность (уровень нормативных идеалов), ценности доброта (уровень индивидуальных приоритетов).

При сравнении женщин с типами представлений о материнстве как о бремени и о трудности практически не было получено статистически значимых различий (за исключением мотива избегания материнства «отвращение к процессу вынашивания, рождения и кормления ребенка»); аналогичная ситуация наблюдается при сравнении женщин с типами представлений о материнстве как об опеке и о призвании (за исключением репрессивного стиля воспитания в родительской семье и уважения к авторитету).

Больше всего различий было получено при сравнении женщин с типами представлений о материнстве как о бремени, о трудности, об испытании и об ответственности, с одной стороны, с женщинами с типами представлений о материнстве как об опеке и о призвании, с другой. На следующем этапе было проведено сравнение в рамках каждого типа представлений с целью выявить специфику социально-психологических характеристик женщин, не имеющих детей, в зависимости от типа представлений.

Результаты сравнения женщин по социально-психологическим характеристикам в рамках типа представлений о материнстве как о бремени представлены в таблице 27:

Таблица 27

Результаты сравнения женщин по социально-психологическим характеристикам в рамках типа представлений о материнстве как о бремени

Группы исследования	Ранг	Сумма рангов	Уровень значимости
Этика автономии			
Добровольно бездетные женщины с неизменной позицией Добровольно бездетные женщины с возможностью изменения позиции	M1=12,81 M2=29,32	M1=307,50 M2=322,50	$p \leq 0,00$
Добровольно бездетные женщины с возможностью изменения позиции Бездетные женщины с неизменной позицией	M1=16,00 M2=5,50	M1=176,00 M2=55,00	$p \leq 0,00$
Ценность доброты (уровень нормативных идеалов)			
Добровольно бездетные женщины с неизменной позицией Бездетные женщины с неизменной позицией	M1=14,63 M2=24,40	M1=351,00 M2=244,00	$p \leq 0,00$
Социальная сложность			
Добровольно бездетные женщины с неизменной позицией Бездетные женщины с неизменной позицией	M1=13,65 M2=25,94	M1=327,50 M2=233,50	$p \leq 0,00$
Бездетные женщины с неизменной позицией Бездетные женщины с возможностью изменения своей позиции	M1=6,85 M2=13,50	M1=68,50 M2=121,50	$p \leq 0,00$
Уважение к авторитету			
Добровольно бездетные женщины с возможностью изменения позиции	M1=7,09	M1=78,00	$p \leq 0,00$

Бездетные женщины с неизменной позицией	M2=15,30	M2=153,00	
Бездетные женщины с неизменной позицией Бездетные женщины с возможностью изменения своей позиции	M1=13,30 M2=6,33	M1=133,00 M2=57,00	$p \leq 0,00$
Мотив избегания материнства «Отталкивающее поведение детей (крики, шум, плач)»			
Добровольно бездетные женщины с неизменной позицией Бездетные женщины с возможностью изменения своей позиции	M1=20,10 M2=8,72	M1=482,50 M2=78,50	$p \leq 0,00$
Добровольно бездетные женщины с возможностью изменения позиции Бездетные женщины с возможностью изменения своей позиции	M1=14,50 M2=5,61	M1=159,50 M2=50,50	$p \leq 0,00$
Мотив избегания материнства «Желание сохранить здоровье и неготовность жертвовать здоровьем ради вынашивания и рождения ребенка»			
Добровольно бездетные женщины с неизменной позицией Бездетные женщины с возможностью изменения своей позиции	M1=19,42 M2=10,56	M1=466,00 M2=95,00	$p \leq 0,00$
Мотив избегания материнства «Отвращение к процессу вынашивания, рождения и кормления ребенка»			
Добровольно бездетные женщины с неизменной позицией Бездетные женщины с возможностью изменения своей позиции	M1=20,10 M2=8,72	M1=482,50 M2=78,50	$p \leq 0,00$
Мотив избегания материнства «Отсутствие потребности в детях как обязательного компонента успешной жизни»			
Добровольно бездетные женщины с неизменной позицией Бездетные женщины с возможностью изменения своей позиции	M1=20,33 M2=8,11	M1=488,00 M2=73,00	$p \leq 0,00$
Добровольно бездетные женщины с возможностью изменения позиции Бездетные женщины с возможностью изменения своей позиции	M1=14,27 M2=5,89	M1=157,00 M2=53,00	$p \leq 0,00$

*Примечание: в таблице представлены только статистически значимые различия. Уровень статистической значимости был скорректирован и находится на уровне $p \leq 0,00$

На основании приведенной таблицы можно сделать следующие выводы:

1. Добровольно бездетные женщины с неизменной позицией слабее ориентированы на защиту прав и свобод личности, а также менее выражено стремление сохранять и повышать благополучие близких людей и осознание того, что в жизни нет абсолютных правил, а противоречивость человеческого поведения является нормой в повседневной, исходя из чего следует

предположить, что они менее толерантно настроены по отношению к любым группам (Сычев О.А. и др., 2018). У них сильнее выражены мотивы избегания материнства, особенно связанные с деторождением, уходом за ребёнком и неприятием детского поведения (крики, шум, плач), а также ценностью ребенка в жизни женщины.

2. Добровольно бездетные женщины с возможностью изменения позиции занимают промежуточное положение по характеристике защита прав и свобод между добровольно бездетными женщинами с неизменной позицией и бездетными женщинами с неизменной позицией. Они также менее склонны уважать авторитет, чем бездетные женщины с неизменной позицией. Различия в мотивах избегания материнства у них касаются только неприятия детского поведения и меньшей ценности ребёнка, но не связаны с деторождением и уходом.

3. Бездетные женщины с неизменной позицией демонстрируют наибольшее уважение к авторитету (по сравнению с добровольно бездетными женщинами с неизменной позицией). Учитывая тип представлений, следует предположить, что бездетные женщины с неизменной позицией, входящие в данный кластер, были воспитаны в рамках беспрекословного подчинения авторитету старших, что согласно некоторым исследованиям, в последствии может приводить к проблемам в выстраивании взаимоотношений (в том числе при создании собственной семьи) (Маркова Н. М., 2020). Также у женщин данной группы сильнее выражено осознание отсутствия абсолютных правил и противоречивость человеческого поведения. Женщины, входящие в данную группу и разделяющие данный тип представлений, заслуживают особого внимания со стороны специалистов, так как в отличие женщин трех других групп, они настроены на деторождение. Допускается, что в случае появления ребенка или в процессе его вынашивания, женщины данной группы могут столкнуться с тревожными или депрессивными расстройствами; согласно недавним исследованиям, было установлено, что проблемы в детско-родительских

отношениях являются предиктором аффективных нарушений у женщин на поздних сроках беременности (Кузьмина А.С. и др., 2025).

4. Бездетные женщины с возможностью изменения своей позиции в рамках ориентации на права и свободы личности занимают среднее положение между добровольно бездетными женщинами с неизменной позицией и бездетными женщинами с неизменной позицией; они меньше склонны к уважению к авторитету (по сравнению с бездетными женщинами с неизменной позицией) и по сравнению с добровольно бездетными женщинами с неизменной позицией избегание материнства не связано с процессом деторождения и со спецификой детского поведения, а по сравнению с добровольно бездетными женщинами обеих групп материнство всё же является большей ценностью.

Результаты сравнения женщин по социально-психологическим характеристикам в рамках типа представлений о материнстве как о трудности представлены в таблице номер 28:

Таблица 28

Результаты сравнения женщин по социально-психологическим характеристикам в рамках типа представлений о материнстве как о трудности

Группы исследования	Ранг	Сумма рангов	Уровень значимости
Элиминирование эмоций			
Добровольно бездетные женщины с неизменной позицией Добровольно бездетные женщины с возможностью изменения позиции	M1=36,40 M2=17,92	M1=1092,00 M2=448,00	$p \leq 0,00$
Добровольно бездетные женщины с неизменной позицией Бездетные женщины с неизменной позицией	M1=37,93 M2=17,62	M1=1138,00 M2=458,00	$p \leq 0,00$
Бездетные женщины с неизменной позицией Бездетные женщины с возможностью изменения своей позиции	M1=20,29 M2=34,91	M1=527,50 M2=1012,50	$p \leq 0,00$
Этика автономии			
Добровольно бездетные женщины с неизменной позицией Добровольно бездетные женщины с	M1=15,85 M2=42,58	M1=475,50 M2=1065,50	$p \leq 0,00$

возможностью изменения позиции			
Религиозность			
Добровольно бездетные женщины с неизменной позицией Бездетные женщины с неизменной позицией	M1=11,82 M2=36,21	M1=654,50 M2=941,50	$p \leq 0,00$
Добровольно бездетные женщины с возможностью изменения позиции Бездетные женщины с возможностью изменения своей позиции	M1=18,96 M2=36,10	M1=493,00 M2=1047,00	$p \leq 0,00$
Бездетные женщины с неизменной позицией Бездетные женщины с возможностью изменения своей позиции	M1=20,50 M2=34,72	M1=533,00 M2=1007,00	$p \leq 0,00$
Социальная сложность			
Добровольно бездетные женщины с неизменной позицией Бездетные женщины с возможностью изменения своей позиции	M1=20,93 M2=39,38	M1=628,00 M2=1142,00	$p \leq 0,00$
Уважение к авторитету			
Добровольно бездетные женщины с неизменной позицией Бездетные женщины с неизменной позицией	M1=16,75 M2=42,06	M1=502,50 M2=1093,50	$p \leq 0,00$
Добровольно бездетные женщины с возможностью изменения позиции Бездетные женщины с неизменной позицией	M1=15,65 M2=37,35	M1=407,00 M2=971,00	$p \leq 0,00$
Чистота			
Добровольно бездетные женщины с неизменной позицией Бездетные женщины с неизменной позицией	M1=22,85 M2=35,02	M1=685,50 M2=910,50	$p \leq 0,00$
Лояльность к группе			
Добровольно бездетные женщины с неизменной позицией Бездетные женщины с возможностью изменения своей позиции	M1=24,00 M2=36,21	M1=720,00 M2=1050,00	$p \leq 0,00$
Контроль судьбы			
Добровольно бездетные женщины с возможностью изменения позиции Бездетные женщины с возможностью изменения своей позиции	M1=35,06 M2=21,67	M1=911,50 M2=628,50	$p \leq 0,00$
Мотив избегания материнства «Желание сохранить свое материальное благополучие»			
Добровольно бездетные женщины с неизменной позицией Добровольно бездетные женщины с возможностью изменения позиции	M1=32,80 M2=22,24	M1=984,00 M2=556,00	$p \leq 0,00$
Мотив избегания материнства «Отталкивающее поведение детей (крики, шум, плач)»			
Добровольно бездетные женщины с неизменной позицией Бездетные женщины с возможностью изменения своей позиции	M1=40,10 M2=19,66	M1=1200,00 M2=570,00	$p \leq 0,00$

Добровольно бездетные женщины с возможностью изменения позиции Бездетные женщины с возможностью изменения своей позиции	M1=36,37 M2=20,50	M1=945,50 M2=594,50	$p \leq 0,00$
Мотив избегания материнства «Желание сохранить здоровье и неготовность жертвовать здоровьем ради вынашивания и рождения ребенка»			
Добровольно бездетные женщины с неизменной позицией Бездетные женщины с возможностью изменения своей позиции	M1=38,53 M2=21,17	M1=1156,00 M2=614,00	$p \leq 0,00$
Мотив избегания материнства «Отвращение к процессу вынашивания, рождения и кормления ребенка»			
Добровольно бездетные женщины с неизменной позицией Бездетные женщины с неизменной позицией	M1=36,33 M2=19,46	M1=1090,00 M2=506,00	$p \leq 0,00$
Добровольно бездетные женщины с неизменной позицией Бездетные женщины с возможностью изменения своей позиции	M1=39,85 M2=19,81	M1=1195,00 M2=574,50	$p \leq 0,00$
Мотив избегания материнства «Нежелание обречь ребенка на морально-нравственные и душевные страдания»			
Добровольно бездетные женщины с неизменной позицией Бездетные женщины с возможностью изменения своей позиции	M1=36,98 M2=22,78	M1=1109,50 M2=660,50	$p \leq 0,00$
Мотив избегания материнства «Отсутствие потребности в детях как обязательного компонента успешной жизни»			
Добровольно бездетные женщины с неизменной позицией Бездетные женщины с неизменной позицией	M1=32,52 M2=23,87	M1=975,50 M2=620,50	$p \leq 0,00$
Добровольно бездетные женщины с неизменной позицией Бездетные женщины с возможностью изменения своей позиции	M1=40,15 M2=19,50	M1=1204,50 M2=565,50	$p \leq 0,00$
Добровольно бездетные женщины с возможностью изменения позиции Бездетные женщины с возможностью изменения своей позиции	M1=35,46 M2=21,31	M1=922,00 M2=618,00	$p \leq 0,00$
Бездетные женщины с возможностью изменения своей позиции Бездетные женщины с неизменной позицией	M1=33,81 M2=22,79	M1=879,00 M2=661,00	$p \leq 0,00$

*Примечание: в таблице представлены только статистически значимые различия. Уровень статистической значимости был скорректирован и находится на уровне $p \leq 0,00$

На основании приведенной таблицы можно сделать следующие
выводы:

1. При сравнении добровольно бездетных женщин с неизменной позицией и добровольно бездетных женщин с возможностью изменения позиции было получено больше различий, чем при сравнении женщин данных групп в рамках типа представлений о материнстве как о бремени. Женщины первой группы чаще сталкивались с запретом на выражение эмоций в родительской семье (преимущественно негативных), меньше ориентированы на защиту прав и свободы личности и у них сильнее выражен мотив избегания материнства, связанный с желанием сохранить своё материальное благополучие. При сравнении с бездетными женщинами с неизменной позицией у добровольно бездетных женщин с неизменной позицией также выше уровень запрета на выражение эмоций в родительской семье, ниже уровень религиозности, уважения к авторитету, одобрение воздержанности и значительно сильнее выражены мотивы избегания материнства, связанные с деторождением и ценностью материнства. Больше всего различий у женщин данной группы было получено при сравнении с бездетными женщинами с возможностью изменения своей позиции (как и в предыдущем кластере); по сравнению с ними у них слабее выражено осознание того, что в жизни нет абсолютных правил и значительно сильнее выражены мотивы избегания материнства, связанные с деторождением и последующим взаимодействием с ребенком, со спецификой его поведения, с экзистенциальными трудностями и отсутствием ценности ребенка.

2. Добровольно бездетные женщины с возможностью изменения позиции по сравнению с бездетными женщинами с неизменной позицией менее религиозны и у них также слабее выражено осознание того, что в жизни нет абсолютных правил; при сравнении с бездетными женщинами с возможностью изменения своей позиции сильнее выражены верования, что всё в жизни предопределено и что существуют разные способы влиять на судьбу, а также мотивы избегания материнства, связанные с поведением ребенка и его ценностью в жизни женщины.

3. Бездетные женщины с неизменной позицией меньше всех других групп сравнения сталкивались с запретом на выражение эмоций в родительской семье, уровень религиозности у них выше при сравнении с добровольно бездетными женщинами с неизменной позицией, но ниже при сравнении с бездетными женщинами с возможностью изменения своей позиции, также у женщин данной группы самый высокий уровень выраженности уважения к авторитету, одобрение воздержанности (при сравнении с добровольно бездетными женщинами с неизменной позицией).

4. Бездетные женщины с возможностью изменения своей позиции сталкивались с запретом на выражение эмоций (при сравнении с бездетными женщинами с неизменной позицией), примечательно, что различий с добровольно бездетными женщинами с неизменной позицией получено не было, исходя из чего можно предположить, что женщины обеих групп выросли в схожих (с точки зрения данной характеристики) условиях; также интересно, что уровень выраженности религиозности у женщин данной группы самый высокий в рамках данного типа представлений. Как и в рамках типа представлений о материнстве как о бремени, женщины данной группы не отрицают ценность материнства как такового (по сравнению с добровольно бездетными женщинами обеих групп), но в рамках данного кластера эта ценность всё же выражена меньше по сравнению с бездетными женщинами с неизменной позицией; таким образом, женщины данной группы по данному мотиву занимают среднее положение между обеими группами добровольно бездетных и бездетными женщинами с неизменной позицией.

Результаты сравнения женщин по социально-психологическим характеристикам в рамках типа представлений о материнстве как об испытании представлены в таблице 29:

Результаты сравнения женщин по социально-психологическим
характеристикам в рамках типа представлений о материнстве как об
испытании

Группы исследования	Ранг	Сумма рангов	Уровень значимости
Забота			
Добровольно бездетные женщины с неизменной позицией Добровольно бездетные женщины с возможностью изменения позиции	M1=14,96 M2=24,77	M1=344,00 M2=322,00	$p \leq 0,00$
Добровольно бездетные женщины с возможностью изменения позиции Бездетные женщины с неизменной позицией	M1=14,54 M2=7,11	M1=189,00 M2=64,00	$p \leq 0,00$
Этика автономии			
Добровольно бездетные женщины с неизменной позицией Добровольно бездетные женщины с возможностью изменения позиции	M1=12,93 M2=28,35	M1=297,50 M2=368,50	$p \leq 0,00$
Социальная сложность			
Добровольно бездетные женщины с неизменной позицией Бездетные женщины с возможностью изменения своей позиции	M1=14,26 M2=28,94	M1=328,00 M2=492,00	$p \leq 0,00$
Бездетные женщины с неизменной позицией Бездетные женщины с возможностью изменения своей позиции	M1=6,83 M2=17,03	M1=61,50 M2=289,50	$p \leq 0,00$
Лояльность к группе			
Добровольно бездетные женщины с неизменной позицией Бездетные женщины с неизменной позицией	M1=12,46 M2=26,83	M1=286,50 M2=241,50	$p \leq 0,00$
Добровольно бездетные женщины с неизменной позицией Бездетные женщины с возможностью изменения своей позиции	M1=15,96 M2=26,65	M1=367,00 M2=453,00	$p \leq 0,00$
Контроль судьбы			
Бездетные женщины с неизменной позицией Бездетные женщины с возможностью изменения своей позиции	M1=7,72 M2=16,56	M1=69,50 M2=281,50	$p \leq 0,00$
Ценность власть (уровень нормативных идеалов)			
Добровольно бездетные женщины с неизменной позицией Бездетные женщины с неизменной позицией	M1=13,83 M2=23,33	M1=318,00 M2=210,00	$p \leq 0,00$
Мотив избегания материнства «Отвращение к процессу вынашивания, рождения и			

кормления ребенка»			
Добровольно бездетные женщины с неизменной позицией Бездетные женщины с возможностью изменения своей позиции	M1=25,39 M2=13,88	M1=584,00 M2=236,00	$p \leq 0,00$
Мотив избегания материнства «Нежелание обрекать ребенка на морально-нравственные и душевные страдания»			
Добровольно бездетные женщины с неизменной позицией Бездетные женщины с возможностью изменения своей позиции	M1=24,87 M2=14,59	M1=572,00 M2=248,00	$p \leq 0,00$
Мотив избегания материнства «Отсутствие потребности в детях как обязательного компонента успешной жизни»			
Добровольно бездетные женщины с неизменной позицией Бездетные женщины с возможностью изменения своей позиции	M1=26,43 M2=12,47	M1=608,00 M2=212,00	$p \leq 0,00$
Добровольно бездетные женщины с возможностью изменения позиции Бездетные женщины с возможностью изменения своей позиции	M1=21,46 M2=10,94	M1=279,00 M2=186,00	$p \leq 0,00$

*Примечание: в таблице представлены только статистически значимые различия. Уровень статистической значимости был скорректирован и находится на уровне $p \leq 0,00$

1. Добровольно бездетные женщины с неизменной позицией менее склонны к одобрению проявлений доброты, помощи, запрету вреда и защите прав и свободы личности, чем добровольно бездетные с возможностью изменения позиции. По сравнению с бездетными женщинами с неизменной позицией они также меньше склонны к проявлению доброты, лояльности к группе, осознанию отсутствия абсолютных правил. На уровне нормативных идеалов ценность власть, то есть ценность доминирования над людьми и ресурсами, желание сохранить доминантную позицию, также выражена слабее. У женщин данной группы сильнее выражены мотивы избегания материнства, связанные с деторождением, экзистенциальными кризисами и ценностью ребёнка.

2. Добровольно бездетные женщины с возможностью изменения позиции более ориентированы на заботу и защиту прав личности, чем добровольно бездетные с неизменной позицией, но у них сильнее выражен мотив избегания материнства, связанный с ценностью ребёнка (по

сравнению с бездетными женщинами с возможностью изменения своей позиции). Интересно, что в данном типе представлений они проявляют больше заботы даже по сравнению с бездетными с неизменной позицией, что может быть их специфической чертой в рамках данного типа представлений.

3. Бездетные женщины с неизменной позицией слабее признают отсутствие абсолютных правил и верят в предопределённость судьбы, но сильнее ценят лояльность к группе и власть (по сравнению с добровольно бездетными женщинами с неизменной позицией). Они менее склонны заботиться о близких, но более стремятся контролировать окружающих. Данные результаты интересны тем, что в рамках данного типа представлений при сравнении с обеими группами добровольно бездетных женщины данной группы меньше склонны заботиться о близких, однако больше нацелены контролировать окружающих и сохранять свой социальный статус. Исходя из этого можно предположить, что бездетные женщины с неизменной позицией и типом представлений о материнстве как об испытании могут столкнуться с желанием контролировать ребенка, подчинять его своему авторитету и при этом не учитывать его интересы.

4. У бездетных женщин с возможностью изменения своей позиции уровень выраженности представления о том, что в жизни нет абсолютных правил самый высокий среди всех групп (однако следует отметить, что статистически значимых различий при сравнении с бездетными женщинами с возможностью изменения своей позиции получено не было). Как и в предыдущих кластерах, больше всего различий было получено при сравнении с добровольно бездетными женщинами с неизменной позицией: у бездетных женщин с возможностью изменения своей позиции одобрение преданности своей группе и осуждение предательства выражено сильнее, а мотивы избегания материнства, связанные с деторождением и экзистенциальным кризисом – слабее. По мотиву избегания материнства, связанного с нежеланием обрекать ребенка на страдания, различия были получены в сравнении с обеими группами добровольно бездетных женщин.

Результаты сравнения женщин по социально-психологическим характеристикам в рамках типа представлений о материнстве как об опеке представлены в таблице номер 30:

Таблица 30

Результаты сравнения женщин по социально-психологическим характеристикам в рамках типа представлений о материнстве как об опеке

Группы исследования	Ранг	Сумма рангов	Уровень значимости
Родительская критика			
Бездетные женщины с неизменной позицией Бездетные женщины с возможностью изменения своей позиции	M1=40,30 M2=54,93	M1=2619,50 M2=1208,50	$p \leq 0,00$
Религиозность			
Добровольно бездетные женщины с возможностью изменения позиции Бездетные женщины с неизменной позицией	M1=42,98 M2=62,12	M1=1848,00 M2=4038,00	$p \leq 0,00$
Бездетные женщины с неизменной позицией Бездетные женщины с возможностью изменения своей позиции	M1=48,19 M2=31,61	M1=3132,00 M2=695,00	$p \leq 0,00$
Справедливость			
Добровольно бездетные женщины с возможностью изменения позиции Бездетные женщины с возможностью изменения своей позиции	M1=28,94 M2=40,93	M1=1244,00 M2=900,50	$p \leq 0,01$
Этика автономии			
Добровольно бездетные женщины с возможностью изменения позиции Бездетные женщины с неизменной позицией	M1=82,91 M2=35,71	M1=3565,00 M2=2321,50	$p \leq 0,00$
Ценность конформность (уровень нормативных идеалов)			
Добровольно бездетные женщины с возможностью изменения позиции Бездетные женщины с неизменной позицией	M1=42,10 M2=62,70	M1=1810,00 M2=4075,50	$p \leq 0,00$
Ценность традиции (уровень нормативных идеалов)			
Добровольно бездетные женщины с возможностью изменения позиции Бездетные женщины с неизменной позицией	M1=45,53 M2=60,43	M1=1958,00 M2=3928,50	$p \leq 0,01$
Социальная сложность			
Добровольно бездетные женщины с возможностью изменения позиции Бездетные женщины с возможностью изменения своей позиции	M1=24,64 M2=49,34	M1=1059,50 M2=1085,50	$p \leq 0,00$
Бездетные женщины с неизменной позицией Бездетные женщины с возможностью изменения своей позиции	M1=35,61 M2=68,80	M1=2314,50 M2=1513,50	$p \leq 0,00$

Социальный цинизм			
Бездетные женщины с неизменной позицией Бездетные женщины с возможностью изменения своей позиции	M1=39,14 M2=58,36	M1=2544,00 M2=1284,00	$p \leq 0,00$
Лояльность к группе			
Добровольно бездетные женщины с возможностью изменения позиции Бездетные женщины с неизменной позицией	M1=45,76 M2=60,28	M1=1967,50 M2=3918,50	$p \leq 0,01$
Уважение к авторитету			
Добровольно бездетные женщины с возможностью изменения позиции Бездетные женщины с неизменной позицией	M1=29,06 M2=71,33	M1=1249,50 M2=4636,50	$p \leq 0,00$
Чистота			
Добровольно бездетные женщины с возможностью изменения позиции Бездетные женщины с неизменной позицией	M1=39,83 M2=64,21	M1=1712,50 M2=4173,50	$p \leq 0,00$
Мотив избегания материнства «Отвращение к процессу вынашивания, рождения и кормления ребенка»			
Добровольно бездетные женщины с возможностью изменения позиции Бездетные женщины с возможностью изменения своей позиции	M1=39,16 M2=20,95	M1=1684,00 M2=461,00	$p \leq 0,00$
Бездетные женщины с неизменной позицией Бездетные женщины с возможностью изменения своей позиции	M1=48,22 M2=31,55	M1=3134,00 M2=694,00	$p \leq 0,00$
Мотив избегания материнства «Желание сохранить здоровье и неготовность жертвовать здоровьем ради вынашивания и рождения ребенка»			
Добровольно бездетные женщины с возможностью изменения позиции Бездетные женщины с возможностью изменения своей позиции	M1=38,30 M2=22,64	M1=1647,00 M2=498,00	$p \leq 0,00$
Бездетные женщины с неизменной позицией Бездетные женщины с возможностью изменения своей позиции	M1=48,60 M2=30,41	M1=3159,00 M2=669,00	$p \leq 0,00$
Мотив избегания материнства «Нежелание обрекать ребенка на морально-нравственные и душевные страдания»			
Добровольно бездетные женщины с возможностью изменения позиции Бездетные женщины с неизменной позицией	M1=64,49 M2=47,89	M1=2773,00 M2=3113,00	$p \leq 0,00$
Мотив избегания материнства «Страх воспитать ребенка, не соответствующего идеальным представлениям о нём»			
Добровольно бездетные женщины с возможностью изменения позиции Бездетные женщины с неизменной позицией	M1=38,37 M2=22,50	M1=1650,00 M2=495,00	$p \leq 0,00$
Мотив избегания материнства «Отсутствие потребности в детях как обязательного компонента успешной жизни»			
Добровольно бездетные женщины с возможностью изменения позиции Бездетные женщины с неизменной позицией	M1=63,81 M2=48,34	M1=2774,00 M2=3142,00	$p \leq 0,00$

*Примечание: в таблице представлены только статистически значимые различия. Уровень статистической значимости был скорректирован и находится на уровне $p \leq 0,01$

1. У добровольно бездетных женщин с возможностью изменения своей позиции по сравнению с бездетными женщинами с неизменной позицией ниже уровень выраженности религиозности, ценности конформность (уровень нормативных идеалов), т.е. пресечение действий, способных нанести вред окружающим, стремление сдерживать негативные склонности, ценности традиции (уровень нормативных идеалов), т.е. уважение и ответственность за культурные и религиозные обычаи, а также лояльность к группе, однако выше уровень выраженности защиты прав и свободы личности и мотивов избегания материнства, связанных с экзистенциальными трудностями, страхом воспитать «неидеального ребенка» и ценностью ребенка как такового. Примечательно, что не было получено статистически значимых различий по мотивам избегания материнства, связанных с деторождением и последующим уходом за ребенком. Различия по данным мотивам были получены при сравнении с бездетными женщинами с возможностью изменения своей позиции (у добровольно бездетных женщин показатель по данным мотивам – выше), а такие характеристики как одобрение честности, объективности, непредвзятости, соблюдения прав и осуждение несправедливости, неравенства, обмана и отсутствие абсолютных правил, наличие множества вариантов для достижения цели – ниже.

2. Бездетные женщины с неизменной позицией по сравнению с бездетными женщинами с возможностью изменения своей позиции реже сталкивались с родительской критикой в детстве, более религиозны (аналогичные результаты были получены при сравнении с добровольно бездетными женщинами с возможностью изменения позиции), у них слабее выражено осознание отсутствия абсолютных правил, наличие множества вариантов для достижения цели, а также негативный взгляд на природу

человека. Были получены интересные результаты по мотивам избегания материнства; несмотря на то, что женщины данной группы имеют позитивную установку на деторождение, в сравнении с бездетными женщинами с возможностью изменения своей позиции, мотивы, связанные с деторождением и последующим уходом за ребенком, у бездетных женщин с неизменной позицией выражены сильнее. Возможно, женщины данной группы в рамках данного типа представлений могут столкнуться со страхами в период беременности и родов, которые могут быть связаны, в том числе, со страхом «быть плохой матерью» (Петрова Е.Ю., 2018). По сравнению с добровольно бездетными женщинами с возможностью изменения позиции у женщин данной группы сильнее выражено одобрение воздержанности, нравственной чистоты; различия по мотивам избегания материнства были описаны ранее.

Результаты сравнения женщин по социально-психологическим характеристикам в рамках типа представлений о материнстве как об ответственности представлены в таблице номер 31:

Таблица 31

Результаты сравнения женщин по социально-психологическим характеристикам в рамках типа представлений о материнстве как об ответственности

Группы исследования	Ранг	Сумма рангов	Уровень значимости
Элиминирование эмоций			
Добровольно бездетные женщины с неизменной позицией Добровольно бездетные женщины с возможностью изменения позиции	M1=32,00 M2=20,43	M1=1056,00 M2=429,00	$p \leq 0,00$
Награда за усилия			
Добровольно бездетные женщины с неизменной позицией Добровольно бездетные женщины с возможностью изменения позиции	M1=22,89 M2=34,74	M1=755,50 M2=729,50	$p \leq 0,00$

Этика автономии			
Добровольно бездетные женщины с неизменной позицией Добровольно бездетные женщины с возможностью изменения позиции	M1=18,68 M2=41,36	M1=616,50 M2=868,50	$p \leq 0,00$
Добровольно бездетные женщины с возможностью изменения позиции Бездетные женщины с неизменной позицией	M1=26,95 M2=14,75	M1=566,00 M2=295,00	$p \leq 0,00$
Религиозность			
Добровольно бездетные женщины с неизменной позицией Бездетные женщины с неизменной позицией	M1=23,06 M2=35,41	M1=761,00 M2=779,00	$p \leq 0,00$
Социальная сложность			
Добровольно бездетные женщины с неизменной позицией Бездетные женщины с возможностью изменения своей позиции	M1=20,27 M2=38,10	M1=669,00 M2=762,00	$p \leq 0,00$
Бездетные женщины с неизменной позицией Бездетные женщины с возможностью изменения своей позиции	M1=16,14 M2=27,40	M1=355,00 M2=548,00	$p \leq 0,00$
Социальный цинизм			
Добровольно бездетные женщины с неизменной позицией Бездетные женщины с неизменной позицией	M1=32,97 M2=20,55	M1=1088,00 M2=452,00	$p \leq 0,00$
Уважение к авторитету			
Добровольно бездетные женщины с неизменной позицией Бездетные женщины с неизменной позицией	M1=17,55 M2=43,68	M1=579,00 M2=961,00	$p \leq 0,00$
Добровольно бездетные женщины с возможностью изменения позиции Бездетные женщины с неизменной позицией	M1=11,74 M2=31,80	M1=246,00 M2=699,00	$p \leq 0,00$
Бездетные женщины с неизменной позицией Бездетные женщины с возможностью изменения своей позиции	M1=30,02 M2=12,13	M1=660,50 M2=242,50	$p \leq 0,00$
Забота			
Добровольно бездетные женщины с неизменной позицией Бездетные женщины с неизменной позицией	M1=22,97 M2=35,55	M1=758,00 M2=782,00	$p \leq 0,00$
Добровольно бездетные женщины с неизменной позицией Бездетные женщины с возможностью изменения своей позиции	M1=22,53 M2=34,38	M1=743,50 M2=687,50	$p \leq 0,00$
Справедливость			
Добровольно бездетные женщины с возможностью изменения позиции Бездетные женщины с неизменной позицией	M1=15,98 M2=26,28	M1=335,50 M2=525,50	$p \leq 0,00$

Ценность доброта (уровень индивидуальных приоритетов)			
Добровольно бездетные женщины с неизменной позицией	M1=22,85 M2=34,81	M1=754,00 M2=731,00	p ≤ 0,00
Добровольно бездетные женщины с возможностью изменения позиции			
Добровольно бездетные женщины с неизменной позицией	M1=20,32 M2=39,52	M1=670,50 M2=869,50	p ≤ 0,00
Бездетные женщины с неизменной позицией			
Ценность власть (уровень нормативных идеалов)			
Добровольно бездетные женщины с возможностью изменения позиции	M1=25,86 M2=15,90	M1=543,00 M2=318,00	p ≤ 0,00
Бездетные женщины с неизменной позицией			
Мотив избегания материнства «Отталкивающее поведение детей (крики, шум, плач)»			
Добровольно бездетные женщины с неизменной позицией	M1=33,02 M2=20,48	M1=1089,50 M2=450,50	p ≤ 0,00
Бездетные женщины с неизменной позицией			
Добровольно бездетные женщины с неизменной позицией	M1=32,77 M2=17,48	M1=1081,50 M2=349,50	p ≤ 0,00
Бездетные женщины с возможностью изменения своей позиции			
Мотив избегания материнства «Желание сохранить здоровье и неготовность жертвовать здоровьем ради вынашивания и рождения ребенка»			
Добровольно бездетные женщины с неизменной позицией	M1=32,45 M2=18,00	M1=1071,00 M2=360,00	p ≤ 0,00
Бездетные женщины с возможностью изменения своей позиции			
Мотив избегания материнства «Отвращение к процессу вынашивания, рождения и кормления ребенка»			
Добровольно бездетные женщины с неизменной позицией	M1=32,29 M2=21,57	M1=1065,00 M2=474,00	p ≤ 0,00
Бездетные женщины с неизменной позицией			
Добровольно бездетные женщины с неизменной позицией	M1=34,45 M2=14,70	M1=1137,00 M2=294,00	p ≤ 0,00
Бездетные женщины с возможностью изменения своей позиции			
Мотив избегания материнства «Отсутствие потребности в детях как обязательного компонента успешной жизни»			
Добровольно бездетные женщины с неизменной позицией	M1=32,30 M2=21,55	M1=1066,00 M2=474,00	p ≤ 0,00
Бездетные женщины с неизменной позицией			
Добровольно бездетные женщины с неизменной позицией	M1=33,85 M2=15,70	M1=1117,00 M2=314,00	p ≤ 0,00
Бездетные женщины с возможностью изменения своей позиции			
Добровольно бездетные женщины с возможностью изменения позиции	M1=27,90 M2=13,75	M1=586,00 M2=275,00	p ≤ 0,00
Бездетные женщины с неизменной позицией			

*Примечание: в таблице представлены только статистически значимые различия. Уровень статистической значимости был скорректирован и находится на уровне p ≤ 0,00

1. Добровольно бездетные женщины с неизменной позицией по сравнению с добровольно бездетными женщинами с возможностью изменения позиции чаще сталкивались с запретом на выражения эмоций в родительской семье, меньше уверены в том, что усилия рано или поздно приводят к достижению результата, помогают избегать негативных последствий; у них слабее уровень выраженности защиты прав и свободы личности, ценности доброта (уровень нормативных идеалов) и ценности достижения (уровень нормативных идеалов). В рамках данного кластера различия в неоднородности добровольно бездетных женщины наиболее заметны; получается, что добровольно бездетные женщины с неизменной позицией в целом меньше готовы защищать и помогать близким, выстраивать свою жизнь в соответствии с социальными стандартами и меньше верят в успех от затраченных усилий по сравнению с добровольно бездетными женщинами с возможностью изменения позиции. Вполне возможно, что женщины данной группы, имеющие данный тип представлений, в целом не готовы брать ответственность, потому что считают это бессмысленной тратой времени, ограничивающей их свободу и независимость. По сравнению с бездетными женщинами с неизменной позицией они менее религиозны, у них слабее выражены уважение к авторитету и желание заботиться о других (аналогичные результаты были получены при сравнении женщин данной с группы с бездетными женщинами с возможностью изменения своей позиции), однако сильнее выражена такая характеристика как социальный цинизм. Все мотивы избегания материнства, связанные с деторождением, спецификой поведения ребенка и его ценностью в жизни женщины также выражены сильнее (аналогичные результаты были получены при сравнении женщин данной с группы с бездетными женщинами с возможностью изменения своей позиции).

2. У добровольно бездетных женщин с возможностью изменения позиции по сравнению с бездетными женщинами с неизменной позицией меньше ориентированы на защиту прав и свободы личности, на уважение к

авторитету и на одобрение честности, объективности, непредвзятости, соблюдения прав и осуждение несправедливости, неравенства, обмана, при этом ценность власть (уровень нормативных идеалов) у них представлена сильнее, как и мотив избегания материнства, связанного с ценностью ребенка в жизни женщины. Важно отметить, что это единственный кластер, в котором не было получено статистически значимых различий с бездетными женщинами с возможностью изменения своей позиции.

3. У бездетных женщин с неизменной позицией были получены при сравнении с другими группами самые высокие значения по такой характеристике как уважение к авторитету (в целом, аналогичные результаты наблюдаются и в рамках других типов представлений, исходя из чего можно сделать вывод о том, что данная характеристика отражает специфику женщин данной группы); по сравнению с бездетными женщинами с возможностью изменения своей позиции - социальная сложность выражена слабее. Результаты сравнения женщин данной группы с двумя другими были представлены ранее.

4. У бездетных женщин с возможностью изменения своей позиции уровень выраженности социального цинизма по сравнению с добровольно бездетными женщинами с неизменной позицией – ниже, а по сравнению с бездетными женщинами с неизменной позицией – выше, таким образом, они занимают среднее положение по данной характеристике между этими группами. Мотивы избегания материнства, связанные со спецификой поведения ребенка, деторождением, заботой и ребенке и его ценностью в жизни женщины, выражены слабее по сравнению с добровольно бездетными женщинами с неизменной позицией.

Статистически значимых различий внутри группы женщин с типом представлений о материнстве как о призвании получено не было, следовательно, данная группа является преимущественно однородной по своему составу (подавляющее большинство – бездетные женщины с неизменной позицией).

На основании полученных результатов можно сделать вывод о том, что для работы с женщинами по вопросам материнства важно учитывать их тип представлений, а также планы относительно своего родительского статуса в будущем, возможность изменения своей позиции относительно деторождения, возможную идентификацию с социальной группой добровольно бездетных.

Сводная таблица с социально-психологическими характеристиками личности женщин, не имеющих детей, в зависимости от их типа представлений о материнстве представлена в Приложении 2.

3.4. Социально-демографические и социально-психологические предикторы, влияющие на представления женщин о материнстве

В данном параграфе представлены результаты проверки гипотезы о различиях в социально-демографических и социально-психологических характеристиках, влияющих на представления женщин о материнстве.

Для изучения социально-демографических и социально-психологических характеристик, влияющих на представления женщин о материнстве, был использован регрессионный анализ (бинарная логистическая регрессия).

Для этого все социально-демографические данные были перекодированы в бинарную систему из 0 и 1 (за исключением фактора «возраст»). Результаты представлены в таблице 32:

Таблица 32

Результаты кодировки социально-демографических характеристик в бинарную систему

№	Социально-демографическая характеристика	Кодировка
1	Уровень образования	1 – есть образование (среднее, высшее) 0 – нет образования (студенты, женщины с неоконченным образованием)
2	Семейный статус	1 – есть партнер 0 – нет партнера
3	Состав родительской семьи	1 – полная семья 0 – неполная семья
4	Наличие сибсов в родительской семье	1 – есть 0 – нет
5	Порядок рождения в родительской семье	1 – старший ребенок в семье 0 – младший ребенок в семье/отсутствие сибсов
		1 – многодетная семья 0 – семья с двумя детьми или с одним
6	Рабочий статус	1 – есть работа 0 – нет работы
7	Материальный статус	1 – полное или частичное материальное самообеспечение 0 – отсутствие материального самообеспечения

*Примечание: социально-демографическая характеристика «порядок рождения в родительской семье» был разбит на две части: в первой части критерием деления стал порядок рождения как в многодетной, так и в семье с двумя детьми: в категорию 1 «старший ребенок в семье» были включены дети, рожденные как в многодетных семьях, так и в семьях с двумя детьми, которые не являются самыми младшими в семье (то есть это могут быть и самые старшие дети, и средние дети из многодетных семей), следовательно, в категорию 0 «младший ребенок в семье» были включены дети, не являющиеся старшими по отношению хотя бы к одному sibсу, в эту же категорию вошли женщины, не имеющие sibсов. Во второй части критерием деления стало наличие детей в родительской семье: в категорию 1 «многодетная семья» вошли дети, выросшие в семьях с 3 детьми и более, вне зависимости от их порядка рождения, в категорию 0 «семья с двумя детьми или с одним» вошли женщины, выросшие либо одни, либо с одним sibсом.

Зависимыми переменными являются типы представлений о материнстве, перекодированными в систему из 0 и 1. Например, если проверялось предположение о социально-демографических и социально-психологических характеристиках, влияющих на представления женщин о материнстве как о бремени, то если женщина относилась к данной группе, ей присваивалась цифра 1, если нет – 0.

Таким образом, для каждого типа представлений о материнстве была составлена отдельная регрессионная модель. Нами было рассмотрено несколько регрессионных моделей, в дальнейшем будут проинтерпретированы те, которые обуславливают больший процент дисперсии зависимой переменной (таблицы 32 – 37).

Результаты регрессионного анализа в группе женщин с типом представлений о материнстве как о бремени представлен в таблице 33:

Таблица 33

Социально-демографические и социально-психологические предикторы в группе женщин с типом представлений о материнстве как о бремени

Женщины с типом представлений о материнстве как о бремени			
Характеристики	Значение b	Std.Err.	P
Социально-демографические характеристики			
Порядок рождения в родительской семье (многодетность – семья с двумя детьми или с одним)	1,01	0,51	p <0,04
Состав родительской семьи	-1,27	0,64	p <0,04

Социально-психологические характеристики			
Награда за усилия	-0,57	0,27	p <0,03
Стимуляция (уровень нормативных идеалов)	1,09	0,44	p <0,01
Конформность (уровень индивидуальных приоритетов)	-1,23	0,60	p <0,04
Гедонизм (уровень индивидуальных приоритетов)	0,96	0,37	p <0,01
Традиции (уровень индивидуальных приоритетов)	0,31	0,12	p <0,00
Мотивы избегания материнства			
Обида на родителей	0,42	0,14	p <0,00
Воспоминание о детских потрясениях и кризисах	-0,87	0,37	p <0,02
Желание построить успешную карьеру и занять высокую должность	-0,68	0,29	p <0,01
Желание сохранить здоровье и неготовность жертвовать здоровьем ради вынашивания и рождения ребенка	0,62	0,31	p <0,04
Страх родить больного ребенка	-0,41	0,15	p <0,00

Модель представлена в следующем уравнении:

**Тип представлений о материнстве как о бремени = (-2,601) +
многодетность * 1,01 + отсутствие одного из родителей * (-1,27) + награда
за усилия * (-0,57) + стимуляция (уровень нормативных идеалов) * 1,09 +
конформность (уровень индивидуальных приоритетов) * (-1,23) +
гедонизм (уровень индивидуальных приоритетов) * 0,96 + традиции
(уровень индивидуальных приоритетов) * 0,31 + обида на родителей *
0,42 + воспоминание о детских потрясениях и кризисах * (-0,87) +
желание построить успешную карьеру и занять высокую должность * (-
0,68) + желание сохранить здоровье и неготовность жертвовать
здоровьем ради вынашивания и рождения ребенка * 0,62 + страх родить
больного ребенка * (-0,41)**

42,0% зависимой переменной обусловлены следующими предикторами: порядок рождения в родительской семье (многодетность – семья с двумя детьми или с одним), состав родительской семьи, награда за усилия, стимуляция (уровень нормативных идеалов), конформность (уровень

индивидуальных приоритетов), гедонизм (уровень индивидуальных приоритетов), традиции (уровень индивидуальных приоритетов), мотивы обиды на родителей, воспоминание о детских потрясениях и кризисах, желание построить успешную карьеру и занять высокую должность, желание сохранить здоровье и неготовность жертвовать здоровьем ради вынашивания и рождения ребенка и страх родить больного ребенка.

Из таблицы 33 видно, что такая характеристика как «порядок рождения в родительской семье (многодетность – семья с двумя детьми или с одним)» вносит «положительный» вклад ($Wald = 3,86$, $\exp(B) = 2,74$, $p < 0,04$), следовательно, многодетность способствует представлению о материнстве как о бремени. Данные результаты в контексте данной группы мы можем объяснить тем, что, возможно, в родительских семьях данных женщин были нарушения в родительской подсистеме, в результате чего сиблинговая подсистема также функционировала ненормально. Согласно некоторым результатам, проанализированных нами в первой главе, женщины, отказавшиеся от рождения детей, выросли в многодетных семьях (Султанова И.В., 2018). Таким образом, мы не подтвердили гипотезу о том, что порядок рождения способствует формированию представления о материнстве как бремени, тем не менее, наличие сибсов, и, возможно, недостаток внимания со стороны родителей, могут способствовать формированию данного представления. Такая характеристика как «состав родительской семьи» вносит «отрицательный» вклад ($Wald = 3,88$, $\exp(B) = 0,28$, $p < 0,04$), следовательно, отсутствие одного из родителей способствует представлению о материнстве как о бремени. Согласно работе Н.П. Ивановой отсутствие одного из родителей может способствовать формированию у ребенка эмоциональной нестабильности, тревожности, сложностям в формулировании ценностных ориентаций, прагматизму, а не отношениям, построенных на любви и доверии (Иванова Н.П., 2011)

Такая характеристика как «награда за усилия» вносит отрицательный «вклад» ($Wald = 4,18$, $\exp(B) = 0,56$, $p < 0,03$) в данный тип представлений,

следовательно, увеличение представлений о том, что усилия рано или поздно приводят к достижению результата и помогают избегать негативных последствий, усиливает вероятность того, что женщина изменит представление о материнстве как о бремени.

Такая ценность как конформность (уровень индивидуальных приоритетов) вносит отрицательный «вклад» ($Wald = 4,20$, $\exp(B) = 0,29$, $p < 0,04$) в данный тип представлений, следовательно, увеличение значимости данной ценности усиливает вероятность того, что женщина изменит представление о материнстве как к бремени. И, наоборот, такие ценности как стимуляция (уровень нормативных идеалов) и традиции (уровень индивидуальных приоритетов) вносят «положительный» вклад ($Wald = 6,24$, $\exp(B) = 3,00$, $p < 0,01$; $Wald = 6,91$, $\exp(B) = 1,37$, $p < 0,04$) и, следовательно, будут способствовать тому, что женщины продолжают придерживаться представлений о материнстве как о бремени. Такая ценность как гедонизм также (уровень индивидуальных приоритетов) вносит «положительный» вклад ($Wald = 6,72$, $\exp(B) = 2,61$, $p < 0,01$), следовательно, акцент на данной ценности будет способствовать тому, что женщины продолжают придерживаться представлений о материнстве как о бремени.

Такой мотив как «обида на родителей» вносит положительный «вклад» ($Wald = 8,50$, $\exp(B) = 1,53$, $p < 0,00$), следовательно, сильно выраженная обида на родителей способствует тому, что женщины продолжают придерживаться представлений о материнстве как о бремени. Такой мотив избегания материнства как «желание сохранить здоровье и неготовность жертвовать здоровьем ради вынашивания и рождения ребенка» также вносит положительный «вклад» ($Wald = 6,31$, $\exp(B) = 1,32$, $p < 0,04$), следовательно, акцентируя внимание на данном мотиве, женщины продолжают придерживаться представлений о материнстве как о бремени.

Такие мотивы как «воспоминание о детских потрясениях и кризисах», «желание построить успешную карьеру и занять высокую должность» и «страх родить больного ребенка» вносят «отрицательный» вклад ($Wald =$

5,29, $\exp(B) = 0,41$, $p < 0,02$; Wald = 5,51, $\exp(B) = 0,50$, $p < 0,01$), следовательно, ослабление данных мотивов будет способствовать тому, что женщины изменят представления о материнстве как о бремени.

Результатов при проведении регрессионного анализа в группах женщин, не имеющих детей, в рамках данного типа представлений обнаружено не было.

Результаты регрессионного анализа в группе женщин с типом представлений о материнстве как о трудности представлен в таблице 34:

Таблица 34

Социально-демографические и социально-психологические предикторы в группе женщин с типом представлений о материнстве как о трудности

Женщины с типом представлений о материнстве как о трудности			
Характеристики	Значение b	Std.Err.	P
Социально-демографические характеристики			
Порядок рождения в родительской семье (старший ребенок в семье - младший ребенок в семье/отсутствие сибсов)	-0,88	0,35	$p < 0,01$
Образование	-0,78	0,33	$p < 0,01$
Возраст	0,49	0,22	$p < 0,02$
Социально-психологические характеристики			
Гедонизм (уровень нормативных идеалов)	0,07	0,03	$p < 0,03$
Мотивы избегания материнства			
Отсутствие уверенности в «завтрашнем дне»	-0,23	0,83	$p < 0,00$

Модель представлена в следующем уравнении:

Тип представлений о материнстве как о трудности = (-7,495) + наличие одного сибса или их отсутствие * (-0,88) + отсутствие образования или процесс его получения * (-0,78) + более зрелый возраст * 0,49 + гедонизм (уровень нормативных идеалов) * 0,07 + отсутствие уверенности «в завтрашнем дне» * (-0,23)

26,1% зависимой переменной обусловлены следующими предикторами: порядок рождения в родительской семье (старший ребенок в

семье - младший ребенок в семье/отсутствие сибсов), образование, возраст, гедонизм (уровень нормативных идеалов) и мотив «отсутствие уверенности в «завтрашнем дне».

Такая характеристика как «порядок рождения в родительской семье (старший ребенок в семье - младший ребенок в семье/отсутствие сибсов)» вносит отрицательный «вклад», ($Wald = 6,21$, $\exp(B) = 0,41$, $p < 0,01$), следовательно, наличие одного сибса или их отсутствие способствует формированию представления о материнстве как о трудности. Воспитание в семье одного ребенка характеризуется неустойчивой стратегией воспитания и большей строгостью к нему со стороны родителей по сравнению с воспитанием двух детей (Мишина М.М., Полякова П.С., 2022). Воспитание единственного ребенка может способствовать формированию у него серьезных проблем за пределами семьи, так как он будет требовать от людей такого же трепетного к себе отношения, какое было к нему со стороны родителей, быть в центре внимания становится смыслом его жизни (Трухан Е.А., 2013). Вырастая, такие дети часто относятся к самим себе максимально придирчиво, а многие вещи в жизни кажутся им трудными и непреодолимыми; усиливает данную тенденцию и родители, для которых единственный ребенок становится единственной надеждой (Джигоева Г.Х., Караева Д.О., 2016). Дети, не имеющие сибсов, склонны мерять своё поведение, исходя из «взрослых стандартов» (Трухан Е.А., 2013). Таким образом, чрезмерная концентрация родителей на одном ребенке может способствовать формированию у него восприятия мира как чего-то катастрофического, следовательно, любые изменения в жизни могут восприниматься такими людьми как непреодолимая трудность.

Такая характеристика как «образование» вносит отрицательный «вклад» ($Wald = 5,62$, $\exp(B) = 0,45$, $p < 0,01$), следовательно, отсутствие образования или процесс его получения способствует формированию представления о материнстве как о трудности. Возможно, данные результаты можно объяснить тем, что отсутствие образования сдерживает женщин в

карьерном и материальном плане, поэтому на ребенка может не оказаться достаточного количества ресурсов.

Характеристика «возраст» вносит «положительный» вклад ($Wald = 5,05$, $\exp(B) = 1,64$, $p < 0,02$), следовательно, чем старше будет женщина, тем выше вероятность, что она попадет в группу с типом представлений о материнстве как о трудности. Согласно исследованиям, в возрасте 21 – 24 года девушки меньше всего идентифицируют себя с ролью матери, начиная с 25 лет ситуация меняется в лучшую сторону – женщина хочет видеть себя матерью, после 35 репродуктивная функция снижается, но психологическая зрелость соответствует максимальному уровню развития (Захарова Е.И., 2010; Филиппова Г.Г., 2023; Валитова И.Е., 2024). Также установлено, что «поздние» матери выстраивают более гармоничные отношения с детьми, наиболее эмоционально вовлекаются в жизнь ребенка, при этом, по их мнению, им труднее поддерживать физическую активность при взаимодействии с ребенком. Таким образом, обладая высоким уровнем принятия ребенка, такие женщины являются слишком категоричными к себе (Захарова Е.И., 2014). Таким образом, данные результаты можно объяснить тем, что, с возрастом, женщины с типом представлений о материнстве как о трудности могут утверждаться в своей позиции относительно того, что они не справятся с воспитанием ребенка как физическом плане, так и в психоэмоциональном.

Такая ценность как гедонизм (уровень нормативных идеалов) вносит положительный «вклад» ($Wald = 4,25$, $\exp(B) = 1,07$, $p < 0,03$) в данный тип представлений, следовательно, поддержание данной ценности будет способствовать тому, что женщины продолжают придерживаться данного типа представлений.

Такой мотив как «отсутствие уверенности в «завтрашнем дне» вносит отрицательный «вклад» ($Wald = 7,87$, $\exp(B) = 0,79$, $p < 0,00$), следовательно, ослабление тревоги за будущее будет способствовать тому, что женщины изменят представления о материнстве как о трудности.

При исследовании добровольно бездетных женщин с неизменной позицией в рамках данного типа представлений было обнаружено, что 74,5% зависимой переменной обусловлены следующими предикторами: родительская критика, этика автономии, ценность самостоятельность (уровень нормативных идеалов), мотивы избегания материнства «желание построить успешную карьеру и занять высокую должность», «страх не вернуться в привычную физическую форму после родов», «желание посвящать время преимущественно себе или партнеру».

Модель представлена в следующем уравнении:

Добровольно бездетные женщины с неизменной позицией с типом представлений о материнстве как о трудности = (-75,266) + родительская критика * 3,54 + этика автономии * (-5,56) + ценность самостоятельность (уровень нормативных идеалов) * (-2,15) + желание построить успешную карьеру и занять высокую должность * (-0,87) + страх не вернуться в привычную физическую форму после родов * (-1,25) + желание посвящать время преимущественно себе или партнеру * 1,60

Такие характеристики как родительская критика (Wald = 4,66, exp (B) = 34,54 p <0,03) и мотив избегания материнства «желание посвящать время преимущественно себе или партнеру» (Wald = 4,43, exp (B) = 4,97, p <0,03) вносят положительный «вклад», следовательно, поддержание следствий критики в адрес ребенка и желание разделять время преимущественно с партнером или посвящать его себе, будут способствовать тому, что женщины данной группы продолжают придерживаться представлений о материнстве как о трудности.

Такие характеристики как этика автономии (Wald = 6,66, exp (B) = 0,004, p <0,01), ценность самостоятельность (уровень нормативных идеалов) (Wald = 4,79, exp (B) = 0,11, p <0,02), мотивы избегания материнства «желание построить успешную карьеру и занять высокую должность» (Wald = 4,43, exp (B) = 4,97, p <0,03) и «страх не вернуться в привычную физическую форму после родов» (Wald = 4,74, exp (B) = 0,28, p <0,02) вносят

положительный «вклад», следовательно, изменения в данных характеристиках будут способствовать тому, что женщины данной группы изменят представления о материнстве как о трудности.

При исследовании бездетных женщин с неизменной позицией в рамках данного типа представлений было обнаружено, что 72,4% зависимой переменной обусловлены следующими предикторами: отсутствие партнера, наличие работы, отсутствие/получение образование, более старший возраст, чистота, мотивы избегания материнства «страх родить больного ребенка», «нежелание обрекать ребенка на морально-нравственные и душевные страдания», «желание сохранить своё материальное благополучие», «отвращение к процессу вынашивания, рождения и кормления ребенка».

Модель представлена в следующем уравнении:

$$\begin{aligned} &\text{Бездетные женщины с неизменной позицией с типом} \\ &\text{представлений о материнстве как о трудности} = (-32,198) + \text{семейный} \\ &\text{статус} * (-6,88) + \text{рабочий статус} * 6,69 + \text{уровень образования} * (-6,92) + \\ &\text{возраст} * 0,63 + \text{чистота} * 4,18 + \text{страх родить больного ребенка} * 1,91 + \\ &\text{нежелание обрекать ребенка на морально-нравственные и душевные} \\ &\text{страдания} * 2,88 + \text{желание сохранить своё материальное благополучие} * \\ &(-1,26) + \text{отвращение к процессу вынашивания, рождения и кормления} \\ &\text{ребенка} * (-1,15) \end{aligned}$$

При анализе социально-демографических характеристик было обнаружено, что на формирование данного типа представлений у женщин данной группы влияют: отсутствие партнера (Wald =5,15, exp (B) =0,001, p <0,02), наличие работы (Wald =3,85, exp (B) =6,66, p <0,05), отсутствие/получение образование (Wald =4,03, exp (B) =0,0001, p <0,04), более старший возраст (Wald =5,66, exp (B) =1,88, p <0,01). Таким образом, даже при условии желая иметь ребенка, отсутствие партнера и образования могут приводить к откладыванию деторождения. Данный аспект актуализирует важность работы со стороны государства по поддержанию института семьи, отношений между супругами, а также необходимость

образования и доступность его получения всем желающим. В сценариях бездетности важную роль играет не только факт наличия партнера, но и его отсутствие в определенный возрастной период, наиболее благоприятный для деторождения с биологической и социальной точек зрения (Дюпра – Куштанина В. А., Лутошкина С. Ю., 2014); это особенно актуально, так как на данный тип представлений у женщин с желанием иметь детей влияет более зрелый возраст.

Такие характеристики как чистота ($Wald = 8,20$, $\exp(B) = 65,38$, $p < 0,00$), мотивы избегания материнства «страх родить больного ребенка» ($Wald = 5,56$, $\exp(B) = 6,77$, $p < 0,01$) и «нежелание обрекать ребенка на морально-нравственные и душевные страдания» ($Wald = 5,34$, $\exp(B) = 17,88$, $p < 0,02$) вносят положительный «вклад», следовательно, поддержание данных характеристик будет способствовать тому, что женщины данной группы продолжают придерживаться представлений о материнстве как о трудности.

Такие характеристики как мотивы избегания материнства «желание сохранить своё материальное благополучие» ($Wald = 5,13$, $\exp(B) = 0,28$, $p < 0,02$), «отвращение к процессу вынашивания, рождения и кормления ребенка» ($Wald = 3,86$, $\exp(B) = 0,31$, $p < 0,04$) вносят отрицательный «вклад», следовательно, изменения в данных характеристиках поспособствуют тому, что женщины перестанут придерживаться данного типа представлений.

Результатов при проведении регрессионного анализа в двух других группах женщин, не имеющих детей, в рамках данного типа представлений обнаружено не было.

Результаты регрессионного анализа в группе женщин с типом представлений о материнстве как об испытании представлены в таблице 35:

Таблица 35

Социально-демографические и социально-психологические предикторы в группе женщин с типом представлений о материнстве как об испытании

Женщины с типом представлений о материнстве как об испытании			
Характеристики	Значение b	Std.Err.	P
Социально-психологические характеристики			
Уважение к авторитету	-0,64	0,29	p <0,03
Социальная сложность	-0,08	0,34	p <0,01
Самостоятельность (уровень нормативных идеалов)	0,68	0,27	p <0,01
Традиции (уровень нормативных идеалов)	-0,65	0,28	p <0,02
Доброта (уровень нормативных приоритетов)	0,66	0,32	p <0,03
Власть (уровень индивидуальных приоритетов)	-0,64	0,27	p <0,02
Мотивы избегания материнства			
Отсутствие уверенности в «завтрашнем дне»	0,56	0,25	p <0,02
Страх остаться одной с ребенком без поддержки со стороны близких людей	-0,34	0,10	p <0,00

Модель представлена в следующем уравнении:

$$\begin{aligned} \text{Тип представлений о материнстве как об испытании} = & (-7,521) + \\ & \text{уважение к авторитету} * (-0,64) + \text{социальная сложность} * (-0,08) + \\ & \text{самостоятельность (уровень нормативных идеалов)} * 0,68 + \text{традиции} \\ & \text{(уровень нормативных идеалов)} * (-0,65) + \text{доброта (уровень} \\ & \text{нормативных идеалов)} * 0,66 + \text{власть (уровень индивидуальных} \\ & \text{приоритетов)} * (-0,64) + \text{отсутствие уверенности в «завтрашнем дне»} * \\ & 0,56 + \text{страх остаться одной без поддержки со стороны близких людей} * (- \\ & 0,34) \end{aligned}$$

31,6% зависимой переменной обусловлены следующими предикторами: социальная сложность, уважение к авторитету, самостоятельность (уровень нормативных идеалов), традиции (уровень нормативных идеалов), доброта (уровень нормативных идеалов), власть

(уровень индивидуальных приоритетов) и мотивы «отсутствие уверенности в «завтрашнем дне», «страх остаться одной с ребенком без поддержки со стороны близких людей».

Характеристика «уважение к авторитету» вносит отрицательный «вклад» ($Wald = 4,65$, $\exp(B) = 0,52$, $p < 0,03$) в данный тип представлений, следовательно, увеличение почтительного отношения к власти и авторитетным лицам, подчинения авторитетам, уважение обычаев, традиций и осуждение непочтительности, отхода от традиций усиливает вероятность того, что женщина изменит представление о материнстве как об испытании. Такие характеристики как «социальная сложность» и власть (уровень индивидуальных приоритетов) вносят отрицательный «вклад» ($Wald = 5,49$, $\exp(B) = 0,92$, $p < 0,01$; $Wald = 5,09$, $\exp(B) = 0,52$, $p < 0,02$), следовательно, усиление понимания, что в мире нет абсолютных правил и есть варианты для достижения цели, а также работа со стремлением занимать авторитарную позицию будет способствовать тому, что женщина изменит свое представление о материнстве как об испытании.

Такая ценность как традиции (уровень нормативных идеалов) вносит отрицательный «вклад» ($Wald = 5,44$, $\exp(B) = 0,52$, $p < 0,02$) в данный тип представлений, следовательно, увеличение значимости данной ценности усиливает вероятность того, что женщина изменит представление о материнстве как об испытании. Такие ценности как самостоятельность (уровень нормативных идеалов) и доброта (уровень индивидуальных приоритетов) вносят «положительный» вклад ($Wald = 6,28$, $\exp(B) = 1,90$, $p < 0,01$; $Wald = 4,27$, $\exp(B) = 1,93$, $p < 0,03$), следовательно, будут способствовать тому, что женщины продолжают придерживаться представлений о материнстве как об испытании.

Мотив «отсутствие уверенности в «завтрашнем дне» вносит положительный «вклад» ($Wald = 4,92$, $\exp(B) = 1,76$, $p < 0,02$), следовательно, сильно выраженная тревога за будущее будет способствовать тому, что женщины продолжают придерживаться представлений о материнстве как об

испытании. Мотив «страх остаться одной с ребенком без поддержки со стороны близких людей» вносит «отрицательный» вклад ($Wald = 11,17$, $\exp(B) = 0,71$, $p < 0,00$), следовательно, увеличение осознания того, что в случае рождения ребенка женщине будет оказана помощь будет способствовать изменению данного типа представлений.

Результатов при проведении регрессионного анализа в группах женщин, не имеющих детей, в рамках данного типа представлений обнаружено не было.

Результаты регрессионного анализа в группе женщин с типом представлений о материнстве как об опеке представлен в таблице 36:

Таблица 36

Социально-демографические и социально-психологические предикторы в группе женщин с типом представлений о материнстве как об опеке

Женщины с типом представлений о материнстве как об опеке			
Характеристики	Значение b	Std.Err.	P
Социально-демографические характеристики			
Состав родительской семьи	-0,84	0,32	$p < 0,00$
Социально-психологические характеристики			
Достижения (уровень нормативных идеалов)	1,12	0,42	$p < 0,00$
Власть (уровень нормативных идеалов)	-0,43	0,21	$p < 0,03$
Безопасность (уровень нормативных идеалов)	0,24	0,11	$p < 0,03$
Конформность (уровень нормативных идеалов)	-0,31	0,15	$p < 0,04$
Мотивы избегания материнства			
Невозможность обеспечить ребенку достойный уровень материального благополучия	0,16	0,06	$p < 0,01$
Отталкивающее поведение детей (крики, шум, плач)	-0,42	0,16	$p < 0,01$
Отсутствие уверенности в «завтрашнем дне»	-0,21	0,08	$p < 0,01$
Нежелание обрекать ребенка на морально-нравственные и душевные страдания	0,15	0,07	$p < 0,04$

Модель представлена в следующем уравнении:

$$\begin{aligned} \text{Тип представлений о материнстве как об опеке} = & 4,106 + \text{отсутствие} \\ & \text{одного из родителей} * (-0,84) + \text{достижения (уровень нормативных} \\ & \text{идеалов)} * 1,12 + \text{власть (уровень нормативных идеалов)} * (-0,43) + \\ & \text{безопасность (уровень нормативных идеалов)} * 0,24 + \text{конформность} \\ & \text{(уровень нормативных идеалов)} * (-0,31) + \text{невозможность обеспечить} \\ & \text{ребенку достойный уровень материального благополучия} * 0,16 + \\ & \text{отталкивающее поведение детей (крики, шум, плач)} * (-0,42) + \\ & \text{отсутствие уверенности в «завтрашнем дне»} * (-0,21) + \text{нежелание} \\ & \text{обрекать ребенка на морально-нравственные и душевные страдания} * \\ & 0,15 \end{aligned}$$

29,7% зависимой переменной обусловлены следующими предикторами: состав родительской семьи, достижения (уровень нормативных идеалов), власть (уровень нормативных идеалов), конформность (уровень нормативных идеалов), безопасность (уровень нормативных идеалов) и мотивы: «невозможность обеспечить ребенку достойный уровень материального благополучия», «отталкивающее поведение детей (крики, шум, плач)», «нежелание обрекать ребенка на морально-нравственные и душевные страдания», «отсутствие уверенности в «завтрашнем дне».

Такая характеристика как «состав родительской семьи» вносит отрицательный «вклад» ($Wald = 6,75$, $\exp(B) = 0,43$, $p < 0,00$), следовательно, отсутствие в родительской семье одного из родителей способствует формированию представления о материнстве как об опеке. Сравнительный анализ М. А. Пуниной с коллегами показал, что у детей, выросших в неполных семьях, чаще наблюдаются проблемы со здоровьем по сравнению с детьми из полных семей (Пунина М.А. и др., 2006). Из положительных характеристик важно отметить, что женщины, выросшие в неполных семьях, наблюдается более высокий уровень социальной зрелости, также женщины из неполных семей охотнее готовы принимать поддержку в воспитании

ребенка со стороны близких (там же). Важно отметить, что согласно недавним исследованиям А. С. Сухаревой и В. А. Самойловой, есть специфика воспитания ребенка в семьях с отцом или матерью, тем не менее, общим для обоих полов является то, что они стремятся к созданию благожелательной для ребенка атмосферы (Сухарева С.А., Самойлова В.А., 2024). Таким образом, несмотря на то, что отсутствие одного из родителей является важным фактором формирования личности ребенка и его отношения к миру, при условии благоприятной атмосферы, созданной родителем, уже взрослый ребенок не обязательно будет испытывать личностный дискомфорт. Также важно отметить, что в семьях, где присутствует только один родитель, ребенок не может видеть несколько полоролевых моделей поведения, таким образом, у него может быть стремление «достраивать» образ отсутствующего родителя (Быстрова Н.В. и др., 2018). В семьях матерей – одиночек женщины выполняют двойную ролевую нагрузку (Хозяинова П.М., 2018), таким образом, предполагаем, что у дочерей, воспитанных в такое семье, может сложиться впечатление о том, что воспитание ребенка – это исключительно ответственность матери.

Такие ценности как достижение (уровень нормативных идеалов) и безопасность (уровень нормативных идеалов) вносят положительный «вклад» ($Wald = 6,96$, $\exp(B) = 3,07$, $p < 0,00$; $Wald = 4,64$, $\exp(B) = 1,27$, $p < 0,03$), следовательно, будут способствовать тому, что женщины продолжат придерживаться представлений о материнстве как об опеке. Такие ценности как власть (уровень нормативных идеалов) конформность (уровень нормативных идеалов) вносят «отрицательный» вклад ($Wald = 4,24$, $\exp(B) = 0,64$, $p < 0,03$; $Wald = 4,06$, $\exp(B) = 0,73$, $p < 0,04$), следовательно изменение данных ценностей будет способствовать тому, что женщины изменят свое представление о материнстве как об опеке.

Такие мотивы как «невозможность обеспечить ребенку достойный уровень материального благополучия» и «нежелание обрекать ребенка на морально-нравственные и душевные страдания» вносят положительный

«вклад» (Wald = 5,59, $\exp(B) = 1,17$, $p < 0,01$; Wald = 3,98, $\exp(B) = 1,19$, $p < 0,04$), следовательно, выраженность данных мотивов будет способствовать тому, что женщины продолжают придерживаться представлений о материнстве как об опеке. Такие мотивы как «отталкивающее поведение детей (крики, шум, плач)» и «отсутствие уверенности в «завтрашнем дне»» вносят «отрицательный» вклад (Wald = 6,25, $\exp(B) = 0,65$, $p < 0,01$; Wald = 6,57, $\exp(B) = 0,80$, $p < 0,01$), следовательно, выраженность данных мотивов будет способствовать тому, что женщины изменят данный тип представлений.

При исследовании бездетных женщин с неизменной позицией в рамках данного типа представлений было обнаружено, что 55,6% зависимой переменной обусловлены следующими предикторами: состав родительской семьи, работа, внешнее благополучие, общий уровень выраженности семейной дисфункции, лояльность к группе, конформность (уровень нормативных идеалов), доброта (уровень нормативных идеалов), самостоятельность (уровень нормативных идеалов), традиции (уровень индивидуальных приоритетов), доброта (уровень индивидуальных приоритетов), универсализм (уровень индивидуальных приоритетов), стимуляция (уровень индивидуальных приоритетов), достижения (уровень индивидуальных приоритетов), мотивы избегания материнства «нежелание обрекать ребенка на морально-нравственные и душевные страдания», «желание спасти планету от перенаселения, от экологической катастрофы».

Модель представлена в следующем уравнении:

Бездетные женщины с неизменной позицией с типом представлений о материнстве как об опеке = $9,135 + \text{состав родительской семьи} * (-0,82) + \text{семейный статус} (-1, 29) + \text{внешнее благополучие} * 1,61 + \text{общий уровень выраженности семейной дисфункции} * 0,56 + \text{лояльность к группе} * 0,49 + \text{конформность (уровень нормативных идеалов)} * 1,21 + \text{доброта (уровень нормативных идеалов)} * (-0,63) + \text{самостоятельность (уровень нормативных идеалов)} * (-0, 84) + \text{традиции (уровень индивидуальных}$

приоритетов) * 0,45 + доброта (уровень индивидуальных приоритетов) * (-0,28) + универсализм (уровень индивидуальных приоритетов) * 0,24 + стимуляция (уровень индивидуальных приоритетов) * (-0,41) + достижения (уровень индивидуальных приоритетов) * (-0,32) + нежелание обрекать ребенка на морально-нравственные и душевные страдания * 1,53 + желание спасти планету от перенаселения, от экологической катастрофы * (-1,57)

Отсутствие в семье одного из родителей (Wald = 5,01, $\exp(B) = 0,43$, $p < 0,02$), а также отсутствие партнера (Wald = 4,88, $\exp(B) = 0,27$, $p < 0,02$) будет способствовать формированию данного типа представлений. Возможно, это связано с тем, что женщины, воспитанные в неполной семье, более либерально относятся к мысли о воспитании ребенка без партнёра.

Такие характеристики как внешнее благополучие (Wald = 11,59, $\exp(B) = 5,01$, $p < 0,00$), общий уровень выраженности семейной дисфункции (Wald = 5,22, $\exp(B) = 1,76$, $p < 0,02$), лояльность к группе (Wald = 5,20, $\exp(B) = 1,63$, $p < 0,02$), конформность (уровень нормативных идеалов) (Wald = 11,09, $\exp(B) = 3,39$, $p < 0,00$), традиции (уровень индивидуальных приоритетов) (Wald = 5,47, $\exp(B) = 1,56$, $p < 0,01$), универсализм (уровень индивидуальных приоритетов) (Wald = 3,87, $\exp(B) = 1,27$, $p < 0,04$), мотив избегания материнства «нежелание обрекать ребенка на морально-нравственные и душевные страдания» (Wald = 5,83, $\exp(B) = 4,65$, $p < 0,01$) вносят положительный «вклад», следовательно, поддержание данных характеристик будет способствовать тому, что женщины данной группы продолжат придерживаться представлений о материнстве как об опеке.

Такие характеристики как конформность (уровень нормативных идеалов) (Wald = 11,09, $\exp(B) = 3,39$, $p < 0,00$), доброта (уровень нормативных идеалов) (Wald = 4,15, $\exp(B) = 0,52$, $p < 0,04$), самостоятельность (уровень нормативных идеалов) (Wald = 5,66, $\exp(B) = 2,31$, $p < 0,01$), доброта (уровень индивидуальных приоритетов) (Wald = 4,66, $\exp(B) = 0,75$, $p < 0,03$), стимуляция (уровень индивидуальных приоритетов)

(Wald = 6,28, $\exp(B) = 0,65$, $p < 0,01$), достижения (уровень индивидуальных приоритетов) (Wald = 4,25, $\exp(B) = 0,72$, $p < 0,03$), мотив избегания материнства «желание спасти планету от перенаселения, от экологической катастрофы» (Wald = 5,44, $\exp(B) = 0,20$, $p < 0,02$) вносят отрицательный «вклад», следовательно, изменения в данных характеристиках поспособствуют тому, что женщины перестанут придерживаться данного типа представлений.

Результатов при проведении регрессионного анализа в трёх других группах женщин, не имеющих детей, в рамках данного типа представлений обнаружено не было.

Результаты регрессионного анализа в группе женщин с типом представлений о материнстве как о призвании представлен в таблице 37:

Таблица 37

Социально-демографические и социально-психологические
предикторы в группе женщин с типом представлений о материнстве как о
призвании

Женщины с типом представлений о материнстве как о призвании			
Характеристики	Значение b	Std.Err.	P
Социально-демографические характеристики			
Порядок рождения в родительской семье (старший ребенок в семье-младший ребенок в семье/отсутствие сибсов)	-1,16	0,64	$p < 0,00$
Социально-психологические характеристики			
Социальная сложность	1,38	0,64	$p < 0,02$
Доброта (уровень нормативных идеалов)	-0,32	0,13	$p < 0,01$
Мотивы избегания материнства			
Страх воспитать ребенка, не соответствующего идеальным представлениям о нем	1,43	0,51	$p < 0,00$

Модель представлена в следующем уравнении:

Тип представлений о материнстве как о призвании = 2,235 + быть младшим ребенком в семье или не иметь сибсов * (-1,16) + социальная сложность * 1,38 + доброта (уровень нормативных идеалов) * (-0,32) +

**страх воспитать ребенка, не соответствующего идеальным
представлениям о нем * 1,43**

47,8% зависимой переменной обусловлены следующими предикторами: порядок рождения в родительской семье (старший ребенок в семье-младший ребенок в семье/отсутствие сибсов), социальная сложность, доброта (уровень нормативных идеалов) и мотив «страх воспитать ребенка, не соответствующего идеальным представлениям о нем».

Такая характеристика как «порядок рождения в родительской семье (старший ребенок в семье-младший ребенок в семье/отсутствие сибсов)» вносит «отрицательный» вклад ($Wald = 6,93$, $\exp(B) = 0,84$, $p < 0,00$), следовательно, быть младшим ребенком в семье или не иметь сибсов способствует формированию представления о материнстве как о призвании. Существует связь между порядком рождения в родительской семье и отношением женщины к материнству: позиция единственного ребенка характеризуется амбивалентным отношением к материнству, позиция старшего может характеризоваться отвержением данной роли, а для младшего ребенка свойственно откладывать материнство, но без долженствования (Бурменская Г. В. и др., 2018). Также важно отметить, что с одной стороны, младший ребенок может стать объектом всеобщей любви, но при этом их лидерский потенциал будет ниже, чем у старших сибсов (Карабанова, 2001), при этом младшему ребенку не всегда удастся стать частью семьи «на равных» с братьями и сестрами (Флейк-Хобсон К. и др., 1992). А. Адлер выделял два типа младших детей: 1) младшему сибсу может не нравиться своя «проигрышная» позиция по сравнению со старшими, поэтому во взрослом возрасте он будет стремиться к власти, чтобы обогнать своих сибсов; 2) или, наоборот, младший сибс будет стремиться избегать соревнований, становясь жертвами «комплекса неполноценности» (Паркаев П.О., Семёнова Л.Э., 2021). Учитывая детоцентрированность женщин данной группы, можно предположить, что их чрезмерная фиксация на ребенке,

желание его контролировать может быть проинтерпретирована как стратегия преодоления «комплекса неполноценности».

Такая характеристика как «социальная сложность» вносит положительный «вклад» ($Wald = 5,42$, $\exp(B) = 3,98$, $p < 0,02$), следовательно, отсутствие абсолютных правил, наличие множества вариантов для достижения цели будет способствовать тому, что женщины продолжают придерживаться представлений о материнстве как о призвании.

Такая ценность как доброта «уровень нормативных идеалов» вносит «отрицательный» вклад ($Wald = 6,03$, $\exp(B) = 0,72$, $p < 0,01$), следовательно, увеличение значимости данной ценности усиливает вероятность того, что женщина изменит представление о материнстве как об опеке.

Мотив «страх воспитать ребенка, не соответствующего идеальным представлениям о нём» вносит положительный «вклад» ($Wald = 7,79$, $\exp(B) = 4,20$, $p < 0,00$), следовательно, выраженность желания воспитать ребенка, исходя из своих идеальных представлений о нем, будет способствовать тому, что женщины продолжают придерживаться представлений о материнстве как о призвании.

Результатов при проведении регрессионного анализа в группах женщин, не имеющих детей, в рамках данного типа представлений обнаружено не было.

Результаты регрессионного анализа в группе женщин с типом представлений о материнстве как об ответственности представлен в таблице 38:

Социально-демографические и социально-психологические
предикторы в группе женщин с типом представлений о материнстве как об
ответственности

Женщины с типом представлений о материнстве как об ответственности			
Характеристики	Значение b	Std.Err.	P
Социально-психологические характеристики			
Универсализм (уровень нормативных идеалов)	0,52	0,25	p <0,04
Доброта (уровень нормативных идеалов)	-0,28	0,14	p <0,04
Универсализм (уровень индивидуальных приоритетов)	-0,37	0,12	p <0,00
Гедонизм (уровень индивидуальных приоритетов)	0,43	0,19	p <0,02
Конформность (уровень индивидуальных приоритетов)	0,23	0,08	p <0,00
Мотивы избегания материнства			
Отсутствие уверенности в «завтрашнем дне»	0,17	0,07	p <0,02
Страх остаться одной с ребенком без поддержки со стороны близких людей	-0,17	0,07	p <0,02
Нежелание обрекать ребенка на морально-нравственные и душевные страдания	0,21	0,09	p <0,02

Модель представлена в следующем уравнении:

$$\begin{aligned} &\text{Тип представлений о материнстве как об ответственности} = (-3,770) \\ &+ \text{универсализм (уровень нормативных идеалов)} * 0,52 + \text{доброта} \\ &(\text{уровень нормативных идеалов}) * (-0,28) + \text{универсализм (уровень} \\ &\text{индивидуальных приоритетов)} * (-0,37) + \text{гедонизм (уровень} \\ &\text{индивидуальных приоритетов)} * 0,43 + \text{конформность (уровень} \\ &\text{индивидуальных приоритетов)} * 0,23 + \text{отсутствие уверенности в} \\ &\text{«завтрашнем дне»} * 0,17 + \text{страх остаться одной без поддержки со} \\ &\text{стороны близких людей} * (-0,17) + \text{нежелание обрекать ребенка на} \\ &\text{морально-нравственные и душевные страдания} * 0,21 \end{aligned}$$

26,8% зависимой переменной обусловлены следующими предикторами: универсализм (уровень нормативных идеалов), универсализм (уровень индивидуальных приоритетов), гедонизм (уровень индивидуальных

приоритетов), доброта (уровень нормативных идеалов), конформность (уровень индивидуальных приоритетов) и мотивы «отсутствие уверенности в «завтрашнем дне», страх остаться одной с ребенком без поддержки со стороны близких людей, «нежелание обрекать ребенка на морально-нравственные и душевные страдания».

Такая ценность как универсализм (уровень индивидуальных приоритетов) вносит отрицательный «вклад» ($Wald = 8,37$, $\exp(B) = 0,68$, $p < 0,00$) в данный тип представлений, следовательно, увеличение значимости данной ценности усиливает вероятность того, что женщина изменит представление о материнстве как об ответственности. Ценность доброта (уровень нормативных идеалов) также вносит «отрицательный» вклад ($Wald = 4,01$, $\exp(B) = 0,75$, $p < 0,04$), следовательно, увеличение значимости данной ценности усиливает вероятность того, что женщина изменит представление о материнстве как об ответственности. И, наоборот, такие ценности как универсализм (уровень нормативных идеалов) и гедонизм (уровень индивидуальных приоритетов) вносят «положительный» вклад ($Wald = 4,13$, $\exp(B) = 1,69$, $p < 0,02$; $Wald = 4,91$, $\exp(B) = 1,51$, $p < 0,02$) и, следовательно, будут способствовать тому, что женщины продолжат придерживаться представлений о материнстве как об ответственности. Ценность конформность (уровень индивидуальных приоритетов) также вносит «положительный» вклад ($Wald = 7,12$, $\exp(B) = 1,26$, $p < 0,00$), следовательно, поддержание данных ценностей будет способствовать тому, что женщины продолжат придерживаться представлений о материнстве как об ответственности.

Мотив «отсутствие уверенности в «завтрашнем дне» вносит положительный «вклад» ($Wald = 5,02$, $\exp(B) = 1,18$, $p < 0,02$), следовательно, выраженность воспоминаний о детских потрясениях, будет способствовать тому, что женщины продолжат придерживаться представлений о материнстве как об ответственности. Мотив «нежелание обрекать ребенка на морально-нравственные и душевные страдания» вносит положительный

«вклад» ($Wald = 5,24$, $\exp(B) = 1,23$, $p < 0,01$), следовательно, страх за то, что ребенок будет страдать будет поддерживать тип представлений о материнстве как об ответственности. Данные результаты примечательны тем, что наш взгляд, женщины данной группы сами могут испытывать «душевные страдания» из-за чрезмерной гиперответственности и тревоги, следовательно, существуют риск того, что в случае появления ребенка женщины данной группы будут транслировать свои переживания на него. Мотив «страх остаться одной с ребенком без поддержки со стороны близких людей» ($Wald = 4,99$, $\exp(B) = 0,83$, $p < 0,02$) вносит отрицательный «вклад», следовательно, снижение тревоги из-за отсутствия помощи со стороны близких будет способствовать тому, что женщины пересмотрят данный тип представлений. Важно отметить, что, судя по результатам предыдущего параграфа, у женщин данной группы мотивы избегания материнства были преимущественно связаны с семейными дисфункциями, следовательно, работа по «принятию помощи со стороны близких» может быть сопряжена рядом трудностей.

Результатов при проведении регрессионного анализа в группах женщин, не имеющих детей, в рамках данного типа представлений обнаружено не было.

Выводы по итогам главы 3

1. На материале анализа социальных представлений о материнстве у женщин, не имеющих детей, была установлена их неоднородность в зависимости от планов относительно своего родительского статуса в будущем (желание иметь детей в будущем / нежелание иметь детей в будущем, возможности изменения позиции относительно деторождения и идентификация с социальной группой добровольно бездетных (или отсутствия такой идентификации)).

2. С помощью кластерного анализа ассоциаций, входящих в ядро социальных представлений, было определено шесть типов представлений о

материнстве: для женщин с типом представлений о материнстве как о бремени данный феномен - это физическое, экзистенциональное и психоэмоциональное напряжение; для женщин с типом представлений о материнстве как о трудности - непреодолимое препятствие; для женщин с типом представлений о материнстве как об испытании - это страх истощения (физического и эмоционального); для женщин с типом представлений о материнстве как об опеке – социально значимая роль, связанная с заботой и общественной значимостью; для женщин с типом представлений о материнстве как о призвании – ключевой элемент идентичности и самореализации; для женщин с типом представлений о материнстве как об ответственности – ценность, сопряженная со страхом несоответствия роли из-за перфекционизма и завышенных требований к себе.

3. Было обнаружено, что в зависимости от типа представлений женщины, не имеющие детей, различаются по социально-психологическим характеристикам:

— в рамках типа представлений о материнстве как о бремени у добровольно бездетных женщин с неизменной позицией слабо выражены этика автономии, ценность доброта (уровень нормативных идеалов) и социальная сложность, сильно выражены мотивы избегания материнства; у добровольно бездетных женщин с возможностью изменения позиции этика автономии и уважение к авторитету имеют средний уровень выраженности, мотивы избегания материнства выражены сильно; у бездетных женщины с неизменной позицией средний уровень выраженности социальной сложности и высокий уровень выраженности уважения к авторитету, мотивы избегания материнства не выражены; у бездетных женщин с возможностью изменения своей позиции средний уровень выраженности этики автономии, уважения к авторитету;

— в рамках типа представлений о материнстве как о трудности у добровольно бездетных женщин с неизменной позицией обнаружен высокий уровень выраженности элиминирования эмоций, мотивов избегания

материнства, а также низкий уровень выраженности религиозности, уважения к авторитету, чистоты, социальной сложности; у добровольно бездетных женщин с возможностью изменения позиции сильнее выражены этика автономии, контроль судьбы, мотивы избегания материнства; у бездетных женщин с неизменной позицией сильно выражены уважение к авторитету, чистота, наблюдается средний уровень выраженности религиозности и слабый уровень выраженности элиминирования эмоций; у бездетных женщин с возможностью изменения своей позиции наблюдается высокий уровень выраженности элиминирования эмоций, религиозности, социальной сложности, лояльности к группе, а также низкий уровень выраженности мотивов избегания материнства;

— в рамках типа представлений о материнстве как об испытании у добровольно бездетных женщин с неизменной позицией наименее выражены забота, этика автономии, социальная сложность, лояльность к группе, контроль судьбы, ценность власть, однако наиболее выражены мотивы избегания материнства; у добровольно бездетных женщин с возможностью изменения позиции наиболее выражены забота, этика автономии, лояльность к группе; у бездетных женщин с неизменной позицией обнаружен низкий уровень выраженности заботы, социальной сложности, контроля судьбы, а также высокий уровень выраженности ценности власть, лояльности к группе; у бездетных женщин с возможностью изменения своей позиции отмечен высокий уровень выраженности социальной сложности, лояльности к группе, контроля судьбы;

— в рамках типа представлений о материнстве как об опеке у добровольно бездетных женщин с возможностью изменения позиции обнаружен низкий уровень выраженности религиозности, справедливости, ценностей конформность и традиции, социальной сложности, лояльности к группе, уважения к авторитету, чистоты, а также высокий уровень выраженности этики автономии и мотивов избегания материнства; у бездетных женщин с неизменной позицией обнаружен низкий уровень

выраженности родительской критики, этики автономии, социального цинизма и высокий уровень выраженности религиозности, ценностей конформность и традиции, лояльности к группе, уважения к авторитету, чистоты; у бездетных женщин с возможностью изменения своей позиции обнаружен высокий уровень выраженности родительской критики, справедливости, социальной сложности, социального цинизма, низкий уровень выраженности религиозности;

— в рамках типа представлений о материнстве как об ответственности: у добровольно бездетных женщин с неизменной позицией обнаружен низкий уровень выраженности награды за усилия, этики автономии, религиозности, социальной сложности, уважения к авторитету, заботы, ценности доброта и высокий уровень выраженности элиминирования эмоций, социального цинизма, мотивов избегания материнства; у добровольно бездетные женщины с возможностью изменения позиции обнаружен низкий уровень выраженности элиминирования эмоций, уважения к авторитету, справедливости, высокий уровень выраженности награды за усилия, этики автономии, социальной сложности, ценностей доброта и власть, мотивов избегания материнства; у бездетных женщин с неизменной позицией обнаружен низкий уровень выраженности этики автономии, социальной сложности, социального цинизма, ценности власть, а также высокий уровень выраженности религиозности, уважения к авторитету, заботы, справедливости, ценности доброта; у бездетных женщин с возможностью изменения своей позиции обнаружен высокий уровень выраженности социальной сложности, заботы и низкий уровень выраженности уважения к авторитету;

— в рамках типа представлений о материнстве как о призвании различий обнаружено не было, так как данная группа является преимущественно однородной.

4. Было установлено, что на каждый тип представлений будут влиять уникальные социально-демографические и социально-

психологические предикторы, при этом были обнаружены и одинаковые предикторы, влияющие на несколько типов представлений:

— на представления женщин о материнстве как о бремени и об опеке влияет фактор «неполная семья»; возможно, для женщин первой группы данный фактор поспособствовал формированию представления о материнстве как о тяжелом и обременительном труде, в то время как для женщин второй - формированию жертвенной опеки и желанию компенсировать возможные лишения будущему ребенку;

— на представления женщин о материнстве как о трудности и о призвании влияет фактор «позиция младшего/единственного ребенка»; возможно, это поспособствовало формированию у женщин первой группы повышенной ценности собственного комфорта, а у женщин второй группы – перфекционизма и завышенных требованиям к ребенку;

— ценность гедонизм является общей для женщин с типами представлений о материнстве как о бремени, трудности и ответственности. Однако если для женщин первых двух групп, это, скорее, поспособствовало формированию представления о том, что материнство лишит их удовольствий жизни, то для женщин третьей группы данная ценность в дальнейшем может трансформироваться в желание обеспечить ребенку комфортную жизнь.

— анализ мотивов избегания материнства, влияющих на представления женщин о материнстве, показал, что в основе позиции женщин с типами представлений о материнстве как о бремени и о трудности лежит страх за своё собственное благополучие; в основе позиции женщин с типами представлений о материнстве как об испытании и об ответственности – экзистенциальные и социальные страхи; в основе позиции женщин с типами представлений о материнстве как об опеке и о призвании – страх несоответствия собственным ожиданиям.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Демографический кризис является одним из приоритетных вопросов со стороны государства в современной России. Важность его рассмотрения неоспорима и представляет интерес как для Правительства страны, так и для науки и всего общества в целом из-за проблем, связанных со стремлением женщин откладывать рождение детей или вовсе от них отказываться. С точки зрения психологии важно делать акцент на неоднородности группы «женщин, не имеющих детей» и брать в качестве критерия для их разделения не только «фертильность», но и такой показатель как «добровольность», а также делать акцент на самоидентификации женщин.

Целью нашего исследования являлось изучение социальных представлений о материнстве у женщин, не имеющих детей. В теоретической модели исследования, разработанной на основании анализа литературы, отражено предположение о неоднородности группы «женщин, не имеющих детей», их возможных различий по социально-психологическим характеристикам и о влиянии последних, а также социально-демографических характеристик на представления женщин о материнстве.

Нами были получены результаты, подтверждающие неоднородность социальных представлений о материнстве в группе женщин, не имеющих детей. Так, было обнаружено, что для добровольно бездетных женщин с неизменной позицией - душевные, физические и морально – нравственные страдания в вопросах материнства находятся на первом месте, для добровольно бездетных женщин с возможностью изменения позиции материнство связано, скорее, со страхом, сколько с нежеланием иметь детей вовсе, для бездетных женщин с неизменной позицией материнство - ответственное событие, не сопряженное с катастрофичностью и негативизмом, для бездетных женщин с возможностью изменения своей позиции - трудность, тем не менее, сопряженная и позитивными ассоциациями.

Результаты кластерного анализа ассоциаций, включенных в ядро социальных представлений, позволили выделить шесть типов представлений о материнстве: 1) материнство как бремя; 2) материнство как трудность; 3) материнство как испытание; 4) материнство как опека; 5) материнство как призвание; 6) материнство как ответственность. Чаще всего встречается тип представлений о материнстве как об опеке, практически в равной степени представлены типы представлений о материнстве как о трудности и об ответственности, в наименьшей степени встречаются женщины с типами представлений о материнстве как о бремени, об испытании и о призвании. У добровольно бездетных женщин с неизменной позицией чаще встречается тип представлений о материнстве как о бремени, у добровольно бездетных женщин с возможностью изменения позиции – об опеке, у бездетных женщин с неизменной позицией – о призвании, у бездетных женщин с возможностью изменения своей позиции – об испытании.

Было установлено, что женщины с типами представлений о материнстве как о бремени и о трудности схожи по социально-психологическим характеристикам (высокий уровень социального цинизма, элиминирования эмоций, репрессивного стиля воспитания в родительской семье и низкий уровень религиозности, уважения к авторитету), у женщин первой группы мотивы избегания материнства наиболее выражены по сравнению с женщинами всех других групп (с женщинами с типом представлений о материнстве как о трудности также были получены сходства, однако мотив «отвращение к процессу вынашивания, рождения и кормления ребенка» у женщин с типом представлений о материнстве как о бремени выражен сильнее). Женщины с типами представлений о материнстве как об опеке и о призвании также схожи по социально-психологическим характеристикам (высокий уровень религиозности, этики общества, ценностей традиции, стимуляция безопасности и низкий уровень социального цинизма, элиминирования эмоций, мотивы избегания материнства не выражены). Тем не менее, у женщин с типом представлений о

материнстве как об опеке уважение к авторитету – ниже, а репрессивный стиль воспитания в родительской семье – выше. У женщин с типом представлений о материнстве как об испытании обнаружен высокий уровень элиминирования эмоций, мотива избегания материнства «отвращение к процессу вынашивания, рождения и кормления ребенка», средний уровень социального цинизма и низкий уровень религиозности, уважения к авторитету, этики общества и ценности доброта. У женщин с типом представлений о материнстве как об испытании также обнаружен высокий уровень элиминирования эмоций, средний уровень социального цинизма и репрессивного стиля воспитания в родительской семье и низкий уровень религиозности, лояльности к группе, уважения к авторитету, этики общества, ценностей конформность, стимуляция, безопасность и доброта.

Анализ социально-психологических характеристик женщин, не имеющих детей, показал, что данные характеристики сильно зависят от того, какого типа представления о материнстве придерживается женщина. Однако важно отметить, что добровольно бездетные женщины с неизменной позицией практически во всех типах демонстрируют сильно выраженные мотивы избегания материнства и низкую выраженность лояльности к группе, уважения к авторитету, религиозности. Добровольно бездетные женщины демонстрируют высокую выраженность этики автономии, мотивов избегания материнства (однако эта характеристика всё же менее выражена, чем у добровольно бездетных женщин другой группы). Бездетные женщины с неизменной позицией преимущественно демонстрируют высокий уровень выраженности религиозности, уважения к авторитету, лояльности к группе, чистоты, им меньше свойственен социальный цинизм, а мотивы избегания материнства не выражены вовсе. У бездетных женщин с возможностью изменения своей позиции выражены забота и социальная сложность, мотивы избегания материнства практически не выражены по сравнению с добровольно бездетными женщинами.

Было обнаружено, что на представления женщин о материнстве влияют уникальные социально-психологические и социально-демографические предикторы, однако важно отметить, что типы представлений о материнстве как об испытании и об ответственности формируется исключительно под влиянием социально-психологических факторов. Были обнаружены и общие факторы, например, фактор «неполная семья» влияет и на представления женщин о материнстве как о бремени, и на представления женщин о материнстве как об опеке, а фактор «позиция младшего/единственного ребенка» - на представления женщин о материнстве как о трудности и о призвании. Ценность гедонизм оказывает влияния на представления женщин о материнстве как о бремени, о трудности и об ответственности, а мотив избегания материнства «отсутствие уверенности в «завтрашнем дне» встречается чаще всего и влияет на представления женщин о материнстве как о трудности, об испытании, об опеке и об ответственности. Это свидетельствует о том, что государству крайне важно продолжать политику в сфере охраны материнства, предлагать женщинам социальные льготы и привилегии.

Таким образом, основная гипотеза, что социальные представления о материнстве у женщин, не имеющих детей, являются неоднородными и зависят от таких факторов как планы относительно своего родительского статуса в будущем, возможность изменения своей позиции относительно деторождения, идентификация с социальной группой добровольно бездетных подтвердилась. Частная гипотеза, что женщины с разными типами представлений о материнстве различаются по социально-психологическим характеристикам - подтвердилась. Частная гипотеза, что на представления женщин о материнстве влияют социально-демографические и социально-психологические предикторы также подтвердилась.

Результаты полученных теоретических данных могут быть использованы в следующих направлениях практической деятельности:

1) в сфере психологического консультирования. Теоретический анализ литературы показал, что женщины, не имеющие детей, преимущественно воспринимаются как однородная группа, однако результаты данного исследования доказывают их неоднородность. Это подчёркивает важность дифференцированного подхода при изучении материнства и разработке мер поддержки. На основании проведенного исследования были разработаны рекомендации по консультированию женщин по вопросам материнства (Приложение 3);

2) в рамках подготовки консультирующих специалистов. Женщины, не имеющие детей и проблем с фертильностью, в настоящее время недостаточно освещены в учебной литературе по подготовке кадров высшей квалификации;

3) в разработке программ профилактики детско – родительских отношений. Согласно результатам исследования, семейные эмоциональные дисфункции влияют на формирование негативных представлений о материнстве, поэтому необходимо внедрение программ, направленных на повышение коммуникативной и конфликтологической компетентности внутри семьи;

4) в разработке мер государственной политики в сфере семьи и материнства. Пронаталистская политика государства направлена на стимулирование рождаемости («материнский капитал», «льготы для многодетных семей» и т.д.). Результаты исследования демонстрируют, что на принятие решения о деторождении влияют не только социально-демографические факторы, но и социально-психологические, поэтому важно делать акцент и на психологической подготовке женщин к материнству.

Следует отметить ряд ограничений данного исследования: 1) в анкете не было предусмотрено вопроса, направленного на получение информации относительно репродуктивных возможностей исследуемых, таким образом, в выборку могли попасть женщины, имеющие проблемы с фертильностью; 2) в анкете не было предусмотрено вопроса, направленного на получение

информации относительно места проживания исследуемых; 3) типология женщин построена только на основании ассоциаций, входящих в область ядра социальных представлений, без учета периферии; 4) влияние социально-демографических характеристик на представления женщин о материнстве не были проанализированы должным образом из-за ограничений, связанных с применением бинарной логистической регрессии.

В качестве перспектив дальнейших исследований следует отметить следующие моменты: 1) продолжение исследований социально-психологических характеристик с целью анализа различий в выделенных группах; 2) исследование социально-психологических характеристик женщин, нерешительных в вопросе материнства и сравнение их с женщинами с другими родительскими статусами; 3) сравнение по социально-психологическим характеристикам женщин и мужчин, нерешительных в вопросах родительства, и при этом с группой «добровольно бездетных» себя не идентифицирующих; 4) исследование различий в социально-психологических характеристиках в выделенных группах в зависимости от возраста респондентов; 5) исследование «жизненного пути» женщин, занимающих различное положение относительно деторождения, с помощью качественных методов исследования (глубинное интервью); 6) проведение лонгитюдных исследований с целью исследования изменений в рамках вопроса деторождения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абдулаева, А. М. Материнская позиция женщин, воспитывающих одного ребенка и двойню раннего возраста: обзор отечественных и зарубежных исследований / А. М. Абдулаева, М. А. Коргожа. – Текст : непосредственный // Психология человека в образовании, 2024. – Т. 6, № 1. – С. 18 – 32.
2. Абдулаева, З. З. «Штраф за материнство» или наличие детей как фактор снижения конкурентоспособности женщин на рынке труда / З. З. Абдулаева. – Текст : непосредственный // Региональные проблемы преобразования экономики, 2020. – № 9(119). – С. 132 – 138.
3. Абульханова, К. А. Социальное мышление личности / К.А. Абульханова. – Текст : непосредственный // Москва : Институт психологии РАН, 2002. – С. 88 – 103.
4. Авдеева, Н. Н. Особенности материнского отношения и привязанность ребенка к матери / Н. Н. Авдеева. – Текст : непосредственный // Психологическая наука и образование, 2006. – Т. 11, № 2. – С. 82 – 92.
5. Авдеева, Н. Н. Теория привязанности: современные исследования и перспективы / Н. Н. Авдеева. – Текст : непосредственный // Современная зарубежная психология, 2017. – Т. 6, № 2. – С. 7 – 14.
6. Агафонова, С. В. Материнство как нравственный выбор девушек / С. В. Агафонова, Н. Г. Брюхова. – Текст: непосредственный // Мир науки. Педагогика и психология. — 2024. — Т 12. — №3. — URL: <https://mir-nauki.com/PDF/01PSMN324.pdf> (дата обращения: 24.04.2025).
7. Александрова, Т. В. Семейные установки взрослых в связи с их детскими воспоминаниями о родительской семье / Т. В. Александрова, Л. М. Костина. – Текст : непосредственный // Азимут научных исследований: педагогика и психология, 2018. – Т. 7, № 4(25). – С. 277 – 279.

8. Алмазова, О. В. Привязанность к матери как фактор взаимоотношений взрослых сиблингов : специальность 19.00.13 «Психология развития, акмеология» : диссертация на соискание ученой степени кандидата психологических наук / Алмазова Ольга Викторовна. – Москва, 2014. – 265 с. – Текст : непосредственный.
9. Андреева, Г. М. Психология социального познания / Г. М. Андреева. – М.: Аспект Пресс, 2005. – 301 с.
10. Андреева Г.М. Презентации идентичности в контексте взаимодействия / Г. М. Андреева. – Текст: электронный // Психологические исследования, 2012. Режим доступа: <http://psystudy.ru>.
11. Андреева, Г. М. Социальное познание и социальные проблемы / Г. М. Андреева. – Текст: непосредственный // Национальный психологический журнал, 2013. - № 1(9). – С. 39 – 49.
12. Андреева, А. Д. Образ семьи и родительства у современных матерей: кросс-культурное исследование / А. Д. Андреева. – Текст : непосредственный // Теоретическая и экспериментальная психология, 2016. – Т. 9, № 2. – С. 17 – 30.
13. Апресян, С.В. Медико-психологические аспекты бесплодия / С.В. Апресян, А.А. Абашидзе, В.Ф. Аракелян. – Текст : непосредственный // Акушерство, гинекология и репродукция, 2013. — Т. 7. — № 1. — С. 8–10.
14. Архангельский, В. Н. Влияние уровня жизни на репродуктивное поведение россиян: гендерный аспект / В. Н. Архангельский, Т. К. Ростовская, Е. Н. Васильева. – Текст : непосредственный // Женщина в российском обществе, 2021. – № 3. – С. 3 – 24.
15. Баркова, Л. А. Феномен материнства как духовная ценность современного российского общества : специальность 09.00.11 «Социальная философия» : диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук / Баркова Людмила Александровна, 2019. – 176 с. – Текст : непосредственный.

16. Батуренко, С. А. Интеллектуальные предпосылки формирования феминистского дискурса в истории русской социологии / С. А. Батуренко. – Текст : непосредственный // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология, 2019. – Т. 25, № 4. – С. 193 – 208.

17. Батуренко, С. А. Марксистский феминизм: теоретический проект, генезис и опыт практической реализации в XX в. / С. А. Батуренко. – Текст : непосредственный // Вестник Московского университета. Социология и политология, 2019. – Т. 25, № 1. – С. 111 – 129.

18. Батуренко, С. А. Предпосылки оформления феминистского дискурса в русской социологии XIX в.: М. И. Михайлов / С. А. Батуренко. – Текст : непосредственный // Женщина в российском обществе, 2021. – № 1. – С. 116 – 125.

19. Безрукова, А. А. Европейская социально-философская мысль о положении женщины в обществе до начала XX века / А. А. Безрукова. – Текст : непосредственный // Вестник Майкопского государственного технологического университета, 2010. – № 4. – С. 132 – 137.

20. Белинская, Д. В. Социальный портрет чайлдфри / Д. В. Белинская. – Текст : непосредственный // Вестник Тамбовского университета. Серия: Общественные науки, 2018. – Т. 4, № 13. – С. 12 – 19.

21. Белинская, Е. П. Неполная семья как институт социализации: взаимосвязь представлений матери о психологическом благополучии ребенка и ее стратегий совладания с трудностями / Е. П. Белинская, Е. М. Дубовская. – Текст : непосредственный // Социальная психология и общество, 2016. – Т. 7, № 3. – С. 33 – 46.

22. Белова, А. В. «Я страшно зла на мою мать»: репродуктивное соперничество в семьях российских дворян XVIII-XIX веков / А. В. Белова. – Текст : непосредственный // Новый исторический вестник, 2018. – № 1(55). – С. 85 – 104.

23. Белозерова, Л. А. Стиливые особенности воспитания и родительское отношение матерей гиперактивных детей / Л. А. Белозерова, Е.

А. Брагина. – Текст : непосредственный // Современные исследования социальных проблем, 2018. – Т. 9, № 4-1. – С. 157 – 171.

24. Бердяев, Н. А. Метафизика пола и любви. / Н. А. Бердяев. – Москва : T8RUGRAM, 2018. – 100 с. – Текст : непосредственный.

25. Бердяев, Н. А. Философия свободы / Н. А. Бердяев. – Москва : Юрайт, 2017. – 202 с. – Текст : непосредственный.

26. Биккина, Ю. Е. Идея «женской проекции» культуры в философии Г. Зиммеля / Ю. Е. Биккина. – Текст : непосредственный // Екатеринбург : Вторые Лойфмановские чтения, 2006. – С. 23 – 27.

27. Бирюкова, С. С. Оценки «штрафа за материнство» в России / С. С. Бирюкова, А. О. Макаренцева. – Текст : непосредственный // Население и экономика, 2017. – Т. 1. – № 1. – С. 50 – 70.

28. Бичарова, М. М. Идеология чайлдфри и ее влияние на современную систему семейных ценностей / М. М. Бичарова, О. В. Морозова. – Текст : непосредственный // Глобальный научный потенциал, 2016. – № 12(69). – С. 7 – 10.

29. Бичарова, М. М. Ценностные основания современного российского общества и добровольная бездетность / М. М. Бичарова, И. В. Лебедева, Ю. С. Фролова. – Текст : непосредственный // Научно-технический прогресс и современное общество. – Москва: Профессиональная наука, 2017. – С. 211 – 217.

30. Блох, М. Е. Психологические характеристики беременных женщин, посещающих курсы подготовки к родам / М. Е. Блох, Е. А. Шаповалова, А. Г. Киселев. – Текст : непосредственный // Журнал акушерства и женских болезней, 2012. – Т. 61, № 5. – С. 49 – 54.

31. Блох, М. Е. Несчастье счастья материнства: о чем не принято говорить / М. Е. Блох. – Текст: электронный// Психологическая газета, 2024. – Режим доступа: <https://psy.su/feed/12103/>.

32. Боброва, Л. А. Диалогический подход в психологии: альтернатива к дуализму / Л. А. Боброва. – Текст : непосредственный //

Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 3: Философия. Реферативный журнал, 2012. – № 3. – С. 91 – 93.

33. Бовина, И. Б. К вопросу об исследовании социальных представлений: взгляд со стороны / И. Б. Бовина, Н. В. Дворянчиков, Д. В. Мельникова, Н. В. Лаврешкин. – Текст : непосредственный // Социальная психология и общество. 2022. – Т. 13. - № 3. – С. 8 – 25.

34. Бовина, И. Б. Теория социальных представлений: история и современное развитие / И. Б. Бовина. – Текст : непосредственный // Социологический журнал, 2010. – № 3. – С. 5 – 20.

35. Бовина, И.Б. Обыденные представления молодежи о России и современном мире / И.Б. Бовина, Т.Г. Стефаненко, О.А. Тихомандрицкая и др. – Текст: электронный // Педагогика. Психология. – 2010. - № 2. – URL: <https://zpu-journal.ru/e-zpu/2010/2/Bovina~Stefanenko~Tikhomandritskaya~Malysheva~Golynchik/>

36. Бовина И.Б. Человек в цифровом обществе: объяснительный потенциал одной социально-психологической теории [Электронный ресурс] / И. Б. Бовина, Н. В. Дворянчиков. – Текст : электронный // Психология и право. 2020. Том 10. № 3. С. 143–157. – URL: https://psyjournals.ru/journals/psylaw/archive/2020_n3/psylaw_2020_n3_Bovina_Dvoryanchikov.pdf

37. Бойко, В. В. От чего зависит потребность в детях / В. В. Бойко. – Текст : непосредственный // Москва : Рождаемость: известное и неизвестное, 1983. – С. 35 – 48.

38. Большунова, Т. В. Феномен чайлдфри: макросоциологический анализ / Т. В. Большунова. – Текст : непосредственный // Вестник университета, 2018. – № 4. – С. 145 – 149.

39. Борисова, А. Е. Взаимосвязь привязанности женщины к матери и ее отношения к своему ребенку : специальность 19.00.01 «Общая психология, психология личности, история психологии» : диссертация на соискание

ученой степени кандидата психологических наук / Борисова Анна Егоровна. – Москва, 2011. – 148 с. – Текст : непосредственный.

40. Борисова, А. Е. Детский опыт матери и ее отношение к собственному ребенку / А. Е. Борисова, Е. М. Ижванова. – Текст : непосредственный // Знание. Понимание. Умение, 2009. – № 4. – С. 128 – 131.

41. Борисова, О. А. Репродуктивная модель добровольной бездетности / О. А. Борисова. – Текст : непосредственный // Вестник Удмуртского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика, 2016. – Т. 26, № 3. – С. 22 – 25.

42. Бортникова, Ю. А. Особенности взаимодействия ребенка с матерью и тип контролирующего поведения матери и ребенка / Ю. А. Бортникова. – Текст : электронный // Психологическая наука и образование, 2003. – Т. 8, № 4. – Режим доступа: https://psyjournals.ru/journals/pse/archive/2003_n4/Bortnikova

43. Брутман, В. И. Влияние семейных факторов на формирование девиантного поведения матери / В. И. Брутман, А. Я. Варга, И. Ю. Хамитова. – Текст : непосредственный // Психологический журнал, 2000. – Т. 21, № 2. – С. 79 – 87.

44. Брутман, В. И. Девиантное материнское поведение / В. И. Брутман, А. Я. Варга, М. С. Радионова и др. – Текст : электронный // Консультативная психология и психотерапия, 1996. – Т. 4, №4. – Режим доступа: https://psyjournals.ru/journals/cpp/archive/1996_n4/25592

45. Брутман, В. И. Динамика психологического состояния женщин во время беременности и после родов / В. И. Брутман, Г. Г. Филиппова, И. Ю. Хамитова. – Текст : непосредственный // Вопросы психологии, 2002. – № 1. – С. 59-68. – EDN HGBSBQ.

46. Брутман, В. И. Формирование привязанности матери к ребенку в период беременности / В. И. Брутман, М. С. Родионова. – Текст : непосредственный // Вопросы психологии, 1997. – №7. – С. 38 – 47.

47. Брутман В.И. Некоторые психологические особенности женщин, отказывающихся от новорожденных / В. И. Брутман, С. Н. Ениколопов, М. С. Радионова. – Текст : непосредственный // Сироты России: проблемы, надежды, будущее, 1994. - С. 23-24.

48. Булыгина, М. В. Родительские установки, потребность в социально-психологической поддержке и отношения с собственной матерью в современных моделях материнства / М. В. Булыгина. – Текст : непосредственный // Социальная психология и общество, 2023. – Т. 14, № 3. – С. 46 – 63.

49. Булыгина, М. В. Сиблинговые отношения и их роль в жизни человека / М. В. Булыгина. – Текст : непосредственный // Современная зарубежная психология, 2021. – Т. 10, № 4. – С. 147 – 156.

50. Бурменская Г. В. Проблемы онто-и филогенеза привязанности к матери в теории Джона Боулби / Г. В. Бурменская. – Текст : электронный // Журнал Практической Психологии и Психоанализа, 2003. – №1. – Режим доступа: <https://psyjournal.ru/articles/problemny-i-filogeneza-privyazannosti-k-materi-v-teorii-dzhona-boulbi>

51. Бурменская Г.В. Эмоционально-смысловое отношение девушек к материнству / Г. В. Бурменская, О. В. Алмазова, О. А. Карабанова и др. – Текст : непосредственный // Консультативная психология и психотерапия, 2018. – Т. 26, № 4. - С. 46–64.

52. Бутова, О. А. Онтогенетические особенности макро- и микроэлементного статуса женского организма при нарушении осанки / О. А. Бутова, А. В. Фогель. – Текст : непосредственный // Современный мир, природа и человек: сб. науч. тр. Томск, 2009. – Т. 1, № 2. – С. 4 – 7.

53. Буторин, Г. Г. Неблагополучная семья как фактор нарушения психического развития у детей / Г. Г. Буторин, Н. В. Крыжановская - Текст: непосредственный // Общество: социология, психология, педагогика - 2016. – №. 4. – С. 1-4.

54. Бурага, Н. Репродуктивные установки и ценностные ориентации молодых женщин / Н. Бурага, И. Толмач – Текст: непосредственный // STUDIA UNIVERSITATIS MOLDAVIAE. - 2017. - №. 5 (105). – С. 183 – 187.

55. Бухтиярова, И. Н. Межличностные отношения детей и родителей: теоретико-методологический анализ / И. Н. Бухтиярова. – Текст : непосредственный // Общество: социология, психология, педагогика, 2019. - №. 3. – С. 76 – 80.

56. Бушкова-Шиклина, Э. В. Репродуктивные установки детности и контроля рождаемости у молодежи / Э. В. Бушкова-Шиклина, С. К. Корелина. – Текст : непосредственный // Социальные и гуманитарные знания, 2023. – Т. 9, № 4. – С. 382 – 393.

57. Быстрова, Н. В. Социально-психологические особенности детей из неполных семей / Н. В. Быстрова, С. А. Цыплакова, О. Д. Коротева. – Текст: непосредственный // Карельский научный журнал. – 2018. - Т. 7. - №1 (22). - С. 37-40.

58. Валитова, И. Е. Психологическая готовность к материнству у девушек разного возраста / И. Е. Валитова // Психологические проблемы современной семьи : сборник тезисов VI-ой Международной научной конференции, Москва - Звенигород - Екатеринбург, 30 сентября – 04 2015 года / Под редакцией: Карабановой О.А., Захаровой Е.И., Чурбановой С.М., Васягина Н.Н.. Том Часть 1. – Москва - Звенигород - Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2015. – С. 418-423.

59. Верстин, И. С. Проблема первобытного мышления в концепции Л. Леви – Брюля / И. С. Верстин. – Текст: непосредственный // Вестник университета. – 2013. - № 1. - С. 205-212.

60. Веселова Е.К. Нравственный выбор в жизненных ситуациях: диагностика психологических особенностей принятия морального решения / Е.К. Веселова // Практикум по психологии жизненных ситуаций. — СПб.: ООО Фирма «Стикс», 2016. — С. 74–101.

61. Вилюжанина, Т. А. Специфика ценностно-мотивационных

ориентаций женщин чайлдфри / Т. А. Виллюжанина. – Текст : непосредственный // Личностные и ситуационные детерминанты поведения и деятельности человека : материалы Международной научно-практической конференции, Донецк, 11 декабря 2020 года. – Донецк: Донецкий национальный университет, 2020. – С. 42 – 46.

62. Виноградова, Я. Е. Методологические приемы и методы изучения социальных представлений / Я. Е. Виноградова, С. Д. Гуриева. – Текст : непосредственный // Научное мнение, 2021. – № 10. – С. 10 – 13.

63. Виноградова, Я. Е. Феномен предательства: социальные представления / Я. Е. Виноградова. – Санкт-Петербург : Скифия-принт, 2023. – 112 с. – Текст : непосредственный.

64. Вихров, В. В. Трансформация семейных ценностей в современном обществе (на примере движения childfree) / В. В. Вихров, Е. Ю. Удалых. – Текст : непосредственный // Молодежный инновационный вестник, 2020. – Т. 9, № 1. – С. 25 – 26.

65. Газирова, Ю. С. Культурно-исторические аспекты материнства / Ю. С. Газирова, И. Г. Колпакова, Е. Н. Рыбакова и др. – Текст : непосредственный // Приложение к журналу «Образование и наука», 2007. – № 1(5). – С. 77 – 82.

66. Галактионов, И. В. Возрастные и структурные изменения в составе личностных свойств гендера в современном обществе / И. В. Галактионов. – Текст : непосредственный // Образовательный вестник Сознание, 2021. – Т. 23, № 2. – С. 4 – 16.

67. Гараева, Э. И. Добровольная бездетность в современной России: социологический анализ : специальность 54.40.00 : диссертация на соискание ученой степени кандидата социологических наук / Гараева Эльнара Ильфатовна, 2022. – 197 с. – Текст : непосредственный.

68. Гараева, Э. И. Социальный феномен движения «чайлдфри» / Э. И. Гараева. – Текст : непосредственный // Российское общество: история и

современность : сборник научных работ студентов и аспирантов. – Екатеринбург, 2014. – № 8. – С. 8 – 11.

69. Гараева, Э. И. Репродуктивные установки молодежи Мегалополиса (на материалах г. Екатеринбурга) / Э. И. Гараева // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки – 2020. - № 1. — С. 48–51.

70. Гареева, И. А. Социальная обусловленность репродуктивного поведения населения / И. А. Гареева. – Текст : непосредственный // Власть и управление на Востоке России, 2023. – № 1(102). – С. 101 – 110.

71. Гасанова, П. Г. Особенности родительско-детских отношений в неполной семье / П. Г. Гасанова, Д. М. Даудова. – Текст : непосредственный // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Психолого-педагогические науки, 2015. – № 3(32). – С. 6 – 11.

72. Гафизова, Н. Б. Восприятие бездетности современной молодежью: (Региональный аспект) / Н. Б. Гафизова, Е. О. Цалко. – Текст: непосредственный // Женщина в российском обществе. - 2023. - № 2. С. 120—132.

73. Гокова, О. В. Пронаталистская политика с позиции политической социологии / О. В. Гокова. – Текст : непосредственный // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета, 2017. – № 6(108). – С. 140 – 144.

74. Гокова, О. В. Анализ феномена childfree и формирование традиционных семейных ценностей у современной студенческой молодёжи в регионе (на примере Омской области) / О. В. Гокова. – Текст : непосредственный // Вестник Омского университета. Серия „Экономика“, 2024. - № 11. — С. 90–98.

75. Голубова, Т.Н. Анализ жизненных ценностей представителей течения childfree (чайлдфри) / Т. Н. Голубова, З. Р. Махкамова, А. И. Литвиненко, Г. Н. Санина. – Текст : непосредственный // Инновации в науке, 2016. – № 11(60). – С. 57 – 62.

76. Гржибовский, А. М. Анализ трех и более независимых групп количественных данных / А. М. Гржибовский. – Текст : непосредственный // Экология человека, 2008. - № 1. — С. 50–58.

77. Гудкова, Т. Б. Репродуктивные намерения россиян: мотивация и сдерживающие факторы / Т. Б. Гудкова. – Текст : непосредственный // Демографическое обозрение, 2019. – Т. 6, № 4. – С. 83 – 103.

78. Гунзунова, Б. А. Взаимосвязь психологической готовности к материнству и эмоциональных особенностей беременных женщин / Б. А. Гунзунова. – Текст : непосредственный // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Психология, 2019. – Т. 28. – С. 3 – 11.

79. Гуриева, С. Д. Феномен недоверия в социальных представлениях о предательстве / С. Д. Гуриева, Я. Е. Виноградова. – Текст : непосредственный // Вестник Вятского государственного университета, 2019. – № 3. – С. 132 – 139.

80. Гуриева, С. Д. Формирование социальных представлений о доверии в подростковом возрасте / С. Д. Гуриева, М. М. Борисова. – Текст : непосредственный // Современные исследования социальных проблем, 2017. – Т. 8, № 2-1. – С. 20 – 39.

81. Гусева Ю.Е. Гендерный подход в гештальт-терапии семейных и детско-родительских отношений / Ю. Е. Гусева. – Текст : непосредственный // Семья и дети в современном мире: Сборник материалов Международной научно-практической конференции, Санкт – Петербург, 19 апреля 2019 года. – Санкт – Петербург: Изд-во РГУП им. А. И. Герцена, 2019. - С. 273-279.

82. Дадаева, Т. М. Семьи чайлдфри в регионе: миф или реальность? / Т. М. Дадаева. – Текст : непосредственный // Регионология, 2017. – Т. 25, № 3(100). – С. 456 – 471.

83. Дамте, Д. Дискуссия о дологическом мышлении в отечественной психологии религии 1920-х / Д. Дамте. – Текст: непосредственный // Религиоведческие исследования. – 2022. - № 1 (25). – С. 25 – 51.

84. Денисова, В. А. Материнство как социально-культурный феномен с позиции различных психологических направлений / В. А. Денисова. – Текст : непосредственный // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке, 2012. – № 2(18). – С. 115 – 118.

85. Денисова, К. Духовное есть политическое: зачем феминизму сверхреальная и мультитемпоральная утопия / К. Денисова. – Текст : непосредственный // Логос, 2022. – Т. 32, № 1(146). – С. 87 – 102.

86. Донцов, А. И. Концепция социальных представлений в современной французской психологии / А. И. Донцов, Т. П. Емельянова. – Текст : непосредственный // Вопросы психологии, 1984. – № 1. – С. 147 – 152.

87. Долгих, А. Г. Представления современной молодежи о предстоящем материнстве и отцовстве как компонент психологической готовности к будущему родительству: специальность 19.00.13 «Психология развития, акмеология» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата психологических наук / Долгих Александра Георгиевна. – Москва, 2019. – 36 с. – Текст : непосредственный.

88. Джигоева, Г. Х. Воспитание единственного ребенка в семье как важная психолого - педагогическая проблема / Г. Х. Джигоева, Д. О. Караева // Молодежь и наука: актуальные проблемы социально-экономического развития регионов России : Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции, Владикавказ, 22 апреля 2016 года. – Владикавказ: ИПЦ ИП Цопанова А.Ю., 2016. – С. 331-335.

89. Дюпра-Куштанина, В. А. Женская бездетность и сценарии жизненного пути / В. А. Дюпра – Куштанина, С. Ю. Лутошкина. – Текст: непосредственный // Мир России. Социология. Этнология, 2014. - №2. – С. 183 – 203.

90. Егорова, В. Н. Детско-родительские отношения в материнской семье / В. Н. Егорова, Н. В. Матвеева. – Текст : непосредственный //

Современные исследования социальных проблем, 2018. – Т. 9, № 10. – С. 37 – 53.

91. Емельянова, Т. П. Психологическое благополучие и социальные представления о жизни в мегаполисе / Т. П. Емельянова. – Текст : непосредственный // Знание. Понимание. Умение, 2015. – № 1. – С. 213 – 223.

92. Емельянова, Т. П. Социальные представления: история, теория и эмпирические исследования / Т. П. Емельянова. — Москва : Институт психологии РАН, 2016. — 480 с.

93. Емельянова, Т. П. Социальное представление-понятие и концепция: итоги последнего десятилетия / Т. П. Емельянова. – Текст : непосредственный // Психологический журнал, 2001. – Т. 22, № 6. – С. 39 – 47.

94. Емельянова, Т. П. Феномен когнитивной полифазии в социальных представлениях о душевнобольных / Т. П. Емельянова, Т. В. Израелян. – Текст : непосредственный // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика, 2021. – Т. 18, № 2. – С. 346 – 362.

95. Еремеева, А. И. Трансформация структуры социальных представлений незамужних женщин об одиноком материнстве посредством цифровых технологий / А. И. Еремеева, Г. В. Довжик. – Текст : непосредственный // Цифровая социология, 2020. – Т. 3, № 3. – С. 29 – 34.

96. Ерофеева, М. А. Чайдфри-семья: функции и ценности / М. А. Ерофеева. – Текст : непосредственный // Актуальные проблемы развития личности в современном социокультурном пространстве. – Москва : КноРус, 2021. – С. 85 – 90.

97. Ефимова, А. А. Феномен одинокого материнства: взгляд изнутри / А. А. Ефимова, Е. Ю. Чеботарева. – Текст : непосредственный // Психология и психотерапия семьи, 2018. – № 3. – С. 5 – 17.

98. Жуковская, С. В. Психологические аспекты бесплодия: современный взгляд на проблему (обзор литературы) / С. В. Жуковская. –

Текст: непосредственный // Репродуктивное здоровье. Восточная Европа. – 2023. – Т. 13. - № 5. – С. 519 – 527.

99. Загирова, Э. М. Добровольная бездетность: отношение и оценка в общественном сознании дагестанского населения / Э. М. Загирова. – Текст : непосредственный // Caucasian Science Bridge, 2023. - Т. 6, № 1 (19). - С. 40-50.

100. Захаров, А. И. Происхождение детских неврозов и психотерапия / А. И. Захаров. – Москва : ЭКСМО-Пресс, 2000. – 672 с. – Текст : непосредственный.

101. Захаров, А. И. Ребенок до рождения и психотерапия последствий психических травм / А. И. Захаров. – Санкт-Петербург : Союз, 1998. — 144 с. – Текст : непосредственный.

102. Захарова, Е. И. Внутренняя материнская позиция женщин, беременность которых наступила с помощью ЭКО / Е. И. Захарова, В. А. Якупова. – Текст : непосредственный // Национальный психологический журнал, 2015. – № 1(17). – С. 96 – 104.

103. Захарова, Е. И. Отношения дочери с матерью как фактор освоения ею собственного материнства / Е. И. Захарова. – Текст : непосредственный // Мир психологии, 2018. – № 1(93). – С. 134 – 143.

104. Захарова, Е. И. Условия становления негативного отношения современных женщин к материнской роли / Е. И. Захарова. – Текст : непосредственный // Культурно-историческая психология, 2015. – Т. 11, № 1. – С. 44 – 49.

105. Захарова Е.И. Роль ценностно-смысловой ориентировки в психологической подготовке женщины к родам / Е. И. Захарова. – Текст : непосредственный // Журнал практического психолога, 2002. - № 4–5. - С. 53–60.

106. Захарова, Г. А. Проблема возраста в исследовании материнства / Г. А. Захарова. – Текст: непосредственный // Вестник КРСУ, 2010. -Т. 10, № 11. – С. 74 – 78.

107. Захарова Е.И. Особенности взаимодействия матерей с детьми в условиях «позднего» материнства Е. И. Захарова. – Текст : непосредственный // Национальный психологический журнал, 2014. - №2(14). - С. 97-101.
108. Земзюлина, И. Н. Мотивационно-ценностные установки людей с позицией чайлдфри в юношеском возрасте / И. Н. Земзюлина, А. В. Северинова. – Текст : непосредственный // Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие, 2020. – Т. 8, № 2(29). – С. 216 – 224.
109. Зиммель, Г. Женская культура / Г. Зиммель. – Москва : Юрист, 1996. – С. 234 – 265. – Текст : непосредственный.
110. Иванова, В. С. Childfree как показатель кризиса современной семьи / В. С. Иванова. – Текст : непосредственный // Международный научно-исследовательский журнал, 2015. – № 1-4(32). – С. 50 – 51.
111. Иванова, Н. П. Неполная семья: особенности социализации детей / Н. П. Иванова. – Текст : непосредственный // Социальная педагогика, 2011. - № 6. – С. 115 – 121.
112. Ильина, Т. И. Эмоциональное выгорание матерей как социально-психологический феномен в контексте современной культуры / Т. И. Ильина. – Текст : непосредственный // Человек и образование, 2020. – № 1(62). – С. 138 – 144.
113. Ипполитова, Е. А. Субъективная картина жизненного пути женщин, не планирующих рождение ребенка / Е. А. Ипполитова, Н. А. Лужбина, И. А. Ральникова. – Текст : электронный // Мир науки. Педагогика и психология, 2023. – Т. 11, № 2. – Режим доступа : <https://mir-nauki.com/PDF/47PSMN223.pdf>
114. Исупова, О. Г. Демографическая и семейная политика в разных странах: концептуальные подходы и практики / О. Г. Исупова. – Текст : непосредственный // Демографическое обозрение, 2020. – Т. 7, № 3. – С. 51 – 83.

115. Исупова, О. Г. Три волны феминизма / О.Г. Исупова. – Текст : электронный // Демоскоп, 2010. – №407-408. – Режим доступа : <https://www.demoscope.ru/weekly/2010/0407/gender03.php>

116. Исупова, О. Г. Феномен чайлдфри в обществе / О. Г. Исупова. – Текст : электронный // Постнаука, 2014. – Режим доступа: <https://postnauka.org/video/31220>

117. Казанцева, Е. В. К вопросу о характеристике нарративной структуры социальных представлений / Е. В. Казанцева, О. А. Липовая. – Текст : непосредственный // Психология и психотехника, 2019. – № 1. – С. 33 – 43.

118. Калачикова, О. Н. Мотивация выбора бездетности (по данным глубинных интервью) / О. Н. Калачикова. – Текст : непосредственный // Социальное знание в современном обществе: проблемы, закономерности, перспективы : материалы IV Международной научно-практической конференции, Минск, 09–10 ноября 2023 года. – Гомель: Редакция газеты «Гомельская праўда», 2023. – С. 284 – 287.

119. Карандашев В. Н. Методика Шварца для изучения ценностей личности: концепция и методическое руководство. — СПб.: Речь, 2004 - 70 с.

120. Казнин, Л. Н. А. И. Герцен о развитии личности женщины / Л. Н. Казнин. – Текст: непосредственный // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2010. - № 1 – С. 338 – 343.

121. Казачихина, М. В. Чайлдфри как одна из форм современной семьи / М. В. Казанчихина. – Текст : непосредственный // Вестник социально-гуманитарного образования и науки, 2014. - № 3. - С. 10-14.

122. Камзина, О. А. Исследование жизненных сценариев у представителей сообщества «Childfree» / О. А. Камзина, Н. Ю. Самыкина. – Текст : непосредственный // Вестник Самарского государственного университета, 2014. – № 1(112). – С. 213 – 223.

123. Капустин, С. А. Сбалансированный стиль родительского воспитания и его влияние на развитие личности детей / С. А. Капустин. –

Текст : электронный// Психологическая газета, 2023. – Режим доступа: <https://psy.su/feed/9426/>.

124. Карпенко, А. А. Характерные черты личности матерей в диаде «Мать-маловесный ребенок» / А. А. Карпенко. – Текст : непосредственный // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология, 2016. – № 4. – С. 76 – 80.

125. Киричик, Е. С. Проблема материнства и мотивации деторождения в современном обществе / Е. С. Киричик, Е. В. Ярмольчик – Текст : непосредственный // Молодежь XXI века: образование, наука, инновации. – Витебск: Витебский государственный университет им. П.М. Машерова, 2023. – С. 137 – 139.

126. Кислов, А. Г. Отношение студенческой молодёжи Свердловской области к феномену чайлдфри / А. Г. Кислов, И. В. Шапко. – Текст : непосредственный // Научный диалог, 2016. – №2 (50). – С. 362 – 373.

127. Клецина, И. С. Гендерная проблематика в социальной психологии: направления исследований / И. С. Клецина. – Текст : непосредственный // Социальная психология и общество, 2022. – Т. 13, № 4. – С. 5 – 12.

128. Клецина, И. С. Нормы женского поведения: традиционная и современная модели / И. С. Клецина, Е. В. Иоффе. – Текст : непосредственный // Женщина в российском обществе, 2019. – № 3. – С. 72 – 90.

129. Ковалева, А. И. Социализация / А. И. Ковалева. – Текст : непосредственный // Знание. Понимание. Умение, 2004. – 1. – С. 139 – 143.

130. Козлова, И. Е. Особенности сиблинговых отношений в двухдетных семьях / И. Е. Козлова. – Текст : непосредственный // Психологические исследования, 2010. – № 4(12). – С. 9 – 18.

131. Козырева, В. В. Психологические особенности женщин, выбирающих осознанную бездетность / В. В. Козырева. – Текст : непосредственный // Вестник университета, 2022. – № 6. – С. 200 – 208.

132. Костина, Н. Б. Добровольная бездетность: сущность, факторы детерминации / Н. Б. Костина, Э. И. Гараева. – Текст: непосредственный // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. – 2019. - № 5 (62). - С. 159–168.

133. Коптелова, Н. Г. Антитеза «Мужественность - женственность» в литературной критике и публицистике Д. С. Мережковского 1890-1910 годов / Н. Г. Коптелова – Текст: непосредственный // Вестник Костромского государственного университета, 2016. - № 1 – С. 93 – 97.

134. Копейкина, М. А. Некоторые черты проблемного поля материнских переживаний / М. А. Копейкина, И. А. Мещерякова. – Текст : непосредственный // Психологический журнал Международного университета природы, общества и человека «Дубна», 2014. – №4. – С. 21 – 44.

135. Корнетов, Н. А. Послеродовая депрессия – центральная проблема охраны психического здоровья раннего материнства / Н. А. Корнетов. – Текст : непосредственный // Бюллетень сибирской медицины, 2015. – Т. 14. - № 6. – С. 5 – 25.

136. Корниенко, Д. С. Психометрическая проверка опросника деструктивных и конструктивных репродуктивных мотивов / Д. С. Корниенко, А. Г. Радостева, Т. М. Харламова. – Текст : непосредственный // Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Психологические и педагогические науки, 2017. – № 1. – С. 122 – 132.

137. Косцова, М. В. Психологические предикторы феномена «чайлдфри» у женщин репродуктивного возраста / М. В. Косцова, А. Л. Корепанов, Н. А. Костеньков. – Текст : непосредственный // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета, 2022. – № 4(64). – С. 241 – 251.

138. Котова, А. В. Взаимосвязь восприятия беременной женщины движения плода с опытом отношений со своей матерью в раннем онтогенезе

/ А. В. Котова. – Текст : непосредственный // Вестник университета, 2012. – № 7. – С. 263 – 268.

139. Кочepasова, А. Ю. Ценностно-нормативные установки как основание репродуктивных стратегий / А. Ю. Кочepasова. – Текст.: непосредственный // Национальная ассоциация ученых, 2020. - № 58. – С. 4 – 6.

140. Крысько, А. А. Представления о материнстве и возрастных особенностях детей у девушек старшего подросткового возраста / А. А. Крысько, М. Е. Ланцбург. – Текст : непосредственный // Психологическая наука и образование, 2014. – Т. 6, № 2. – С. 129 – 138.

141. Кудинов, С.И. Психологические предпосылки самореализации женщин в современной России / С. И. Кудинов., Н. А. Ежова. - Текст.: непосредственный // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика, 2011. - № 2. – С. 5 – 10.

142. Кузьмина, А. С. Негативный детский опыт как предиктор аффективных нарушений у женщин на позднем сроке беременности / А. С. Кузьмина, И. Я. Стоянова, Е. С. Прайзендорф и др. – Текст: непосредственный // Психология человека в образовании, 2025. – Т. 7. - № 2. – С. 244 – 255.

143. Куликов, Л. В. Субъективная картина материнства в российских и зарубежных исследованиях / Л. В. Куликов, А. Ю. Маленова, Ю. В. Потапова. – Текст : непосредственный // Вестник Московского университета, 2020. – № 4. – С. 135 – 167.

144. Куцубей, А. Т. Психологические особенности и мотивы отказа от рождения детей представителей чайлдфри / А. Т. Куцубей, И. В. Пономарева. – Текст : непосредственный // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология, 2019. – Т. 5 (71), № 3. – С. 94 – 104.

145. Лактионова, М. А. Гендерное насилие как социокультурный феномен: к постановке проблемы / М. А. Лактионова. – Текст :

непосредственный // Вестник Майкопского государственного технологического университета, 2010. – № 4. – С. 142 – 150.

146. Лангмейер, Й. Психическая депривация в детском возрасте / Й. Лангмейер, З. Матейчек. – Москва : Альма-Матер, 1984. – 350 с. – Текст : непосредственный.

147. Ланцбург, М. Е. Психологическая помощь в оптимизации диадических отношений на основе ресурсного подхода / М. Е. Ланцбург. – Текст : непосредственный // Рождение и жизнь: Материалы международной конференции по клинической психологии детства. – Санкт-Петербург: СПбГПМА, 2010. – С. 138–141.

148. Лебедева, И. В. Чайлдфри на Западе и в России / И. В. Лебедева. – Текст : непосредственный // Успехи современной науки, 2016. – Т. 9, № 12. – С. 11 – 14.

149. Левченко, В. В. Отношение к феномену чайлдфри современной молодежи: региональный аспект / В. В. Левченко, Я. О. Баяндина. – Текст : непосредственный // Вестник университета, 2022. – № 12. – С. 188 – 196.

150. Лемиш, В. В. Системный анализ социальных представлений о здоровье у мужчин на разных этапах взрослости / В. В. Лемиш. – Текст : непосредственный // Системная психология и социология, 2022. – № 1(41). – С. 30 – 47.

151. Лисина, М. И. Формирование личности ребенка в общении / М. И. Лисина. – Санкт-Петербург: Питер, 2009. – 320 с. – Текст : непосредственный.

152. Ломакин, И. В. Чайлдфри или добровольно бездетные? К переопределению концептуального поля исследований не родительства в России / И. В. Ломакин. – Текст : непосредственный // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены, 2019. – № 6(154). – С. 394 – 436.

153. Лукьянченко, Н. В. Социально-психологические особенности сиблинговых отношений как значимый фактор становления и жизненного

пути зрелой личности / Н. В. Лукьянченко. – Текст : непосредственный // Психологическая наука и образование, 2010. – Т. 15, № 1. – С. 31 – 40.

154. Лукьянова, Е. Е. Ассоциативный эксперимент как метод исследования языкового сознания школьника / Е. Е. Лукьянова. – Текст: непосредственный // Вестник ТВГУ. Серия «Филология». – 2020. - №. 4 (67). – С. 244 – 249.

155. Лысенко, Т. А. Феномен чайлдфри и сознательная бездетность / Т. А. Лысенко, Д. Д. Дашкевич, А. В. Мотузко. – Текст : непосредственный // NovaInfo.Ru, 2024. – № 141. – С. 134 – 136.

156. Лысюк, А. И. Мужские и женские миры в трудах Василия Розанова / А. И. Лысюк, М. Г. Соколовская. – Текст : непосредственный // Веснік Брэсцкага ўніверсітэта, 2020. – С. 126 – 134.

157. Магденко, О. В. Деструктивные репродуктивные мотивации у беременных женщин при становлении материнской ролевой идентичности (психокоррекционный аспект) : специальность 19.00.04 «Медицинская психология» : диссертация на соискание ученой степени кандидата психологических наук / Магденко Ольга Владиславовна. – Томск, 2012. – 259 с. – Текст : непосредственный.

158. Макаренцева, А. О. (Не) желание иметь детей в зеркале опросов населения / А. О. Макаренцева, Н. И. Галиева. – Текст : непосредственный // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены, 2021. – №. 4. – С. 492 – 515.

159. Макаренцева, А. О. Новые тенденции в репродуктивном поведении населения // А. О. Макаренцева, Е. А. Середкина. – Москва : РАНХиГС, 2021. – 42 с. – Текст : непосредственный.

160. Макаренцева, А. О. Факторы, устойчивость и реализация репродуктивных намерений в России / А. О. Макаренцева, С. С. Бирюкова. – Текст : непосредственный // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены, 2023. – № 2(174). – С. 31 – 56.

161. Мамышева Н.Л., Шелехов И.Л. Материнство в зеркале невротического конфликта // Вестник ТГПУ. 2005. № 1. С. 91–94.

162. Мамаев, В. В. Когнитивная карта о мотивах выбора чайлдфри / В. В. Мамаев, А. А. Васильева // Актуальные проблемы моделирования, проектирования и прогнозирования социальных и политических процессов в мультикультуральном пространстве современного общества. – Ростов-на-Дону: Общество с ограниченной ответственностью «Фонд науки и образования», 2022. – С. 88 – 91.

163. Мартынова, О. А. Женский вопрос в философии П. Н. Ткачёва / О. А. Мартынова. – Текст : непосредственный // Международный научно-исследовательский журнал, 2020. – № 5-2(95). – С. 206 – 210.

164. Матрос, М. А. Феномен «чайлдфри» в современном обществе / М. А. Матрос, Ж. А. Карапетова. – Текст : непосредственный // Петрозаводск: Международный центр научного партнерства «Новая Наука», 2021. – С. 172 – 175.

165. Марцинковская Т. Д. Научная школа социальной психологии Г. М. Андреевой: традиции и современность / Т. Д. Марцинковская, Д. А. Хорошилов. – Текст : непосредственный // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология, 2022. – № 3. – С. 8 – 21.

166. Махиянова А. В. Семья как ценность и агент социализации / А. В. Махиянова, Л. В. Шелуханова. – Текст : непосредственный // Вестник Челябинского государственного университета, 2012. – № 18 (272). – С. 44 – 48.

167. Мелконян, А. А. Исследование ценностных предпочтений добровольно бездетных людей (чайлдфри) / А. А. Мелконян, А. А. Мкртчян. – Текст : непосредственный // Проблемы развития личности в условиях глобализации: психолого-педагогические аспекты. – Ереван: Российско-Армянский (Славянский) университет, 2019. – С. 244 – 250.

168. Мецлер, В.В. Особенности содержания социальных представлений о материнстве в юношеском возрасте / В. В. Мецлер. – Текст:

непосредственный // Вестник №1. – 2009. - № 1– С. 178 – 184.

169. Мережковский Д. С. Тайна Запада: Атлантида – Европа / Д. С. Мережковский. – Москва : Т8, 2018. – 492 с. – Текст : непосредственный.

170. Мид М. Культура и мир детства: Избранные произведения / М. Мид. – Москва : Наука, 1988. – 429 с. – Текст : непосредственный.

171. Мид, М. Мужское и женское. Исследование полового вопроса в меняющемся мире / М. Мид. – М.: РОСМЭН, 2004. – 411 с.

172. Микляева, А. В. "#Онажемать": имплицитные социальные представления о материнстве в современном российском интернет-дискурсе / А. В. Микляева, П. В. Румянцева. – Текст : непосредственный // Женщина в российском обществе, 2018. – № 1(86). – С. 67 – 77.

173. Мисиюк, Ю. В. Эссенциализм в структуре интенсивного материнства у российских женщин / Ю. В. Мисиюк. – Текст : непосредственный // Психология человека в образовании, 2022. - Т. 4, №3. - С. 281–293.

174. Мисиюк Ю.В. Исследование выраженности установок на интенсивное родительство у российских женщин / Ю.В. Мисиюк, С.А. Хазова // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика, 2021. - Том 27, № 3. - С. 91-98.

175. Михалева, А. А. Чайлдфри как проявление кризиса семьи / А. А. Михалева. – Текст : непосредственный // Человеческий фактор: Социальный психолог, 2018. – №2 (36). – С. 189 – 197.

176. Мишина, М. М. Психологические особенности взаимоотношений родителей и старших школьников, воспитывающихся в семьях с одним и двумя детьми / М. М. Мишина, П. С. Полякова. – Текст: электронный // Прикладная психология и психоанализ, 2022. - № 2. URL: <http://ppip.idnk.ru> (дата обращения: 25.04.2025).

177. Мицюк, Н. А. Проблема материнства в современных зарубежных исторических исследованиях / Н. А. Мицюк. – Текст : непосредственный // Вестник ТвГУ. Серия: История, 2017. – С. 124 – 134.

178. Молодцова, Н. Г. Особенности ценностно-смысловой сферы представителей чайлдфри в России / Н. Г. Молодцова. – Текст : непосредственный // Социальная педагогика, 2021. – № 3. – С. 25 – 30.

179. Молодцова, Т.Г. Изучение стилей семейного воспитания родителей старших дошкольников / Т.Г. Молодцова, И.А. Кучерявенко. - Текст непосредственный, электронный // Молодой ученый, 2018. - № 5 (191). - С. 154-157.

180. Мордас, Е. С. Отношения с матерью и удовлетворенность материнством у женщин среднего возраста / Е. С. Мордас, А. М. Демидова. – Текст : непосредственный // Психология и психотехника, 2024. – № 1. – С. 54 – 69.

181. Морозова, И. С. Апробация опросника «Репродуктивные мотивы» / И. С. Морозова, К. Н. Белогай, Ю. В. Борисенко, Т. О. Отт. – Текст : непосредственный // Вестник Кемеровского государственного университета, 2014. – № 3-3(59). – С. 140 – 145.

182. Москвитина, М. М. Психологическая характеристика осужденных беременных женщин / М. М. Москвитина, Б. Г. Бовин. – Текст : непосредственный // Психология и право, 2022. – Т. 12, №1. – С. 15 – 29.

183. Московичи, С. От коллективных представлений к социальным / С. Московичи. – Текст : непосредственный // Вопросы социологии, 1992. – Т. 1., № 2. – С. 83 – 96.

184. Моц, А. Психология женского насилия. Преступление против тела: под ред. Е. Вейцман / А. Моц. – М.: Когито – Центр, 2021. – 455 с.

185. Мягкова, М. А. Психологические типы одиноких матерей / М. А. Мягкова. – Текст : непосредственный // Педагогическое образование в России, 2012. – № 6. – С. 194 – 198.

186. Наследов, А. Д. SPSS 15: профессиональный статистический анализ данных / А. Д. Наследов. – СПб.: Питер (Айлиб), 2011. – 416 с.

187. Невструева, Т. Х. Представления о материнстве девушек-социальных сирот в контексте проблемы психологической готовности к

материнству / Т. Х. Невструева, Л. Л. Кон. – Текст : непосредственный // Мир науки. Педагогика и психология, 2019. – Т. 7, № 4. – С. 44 – 57.

188. Непочатых, Е. П. Социальные представления студентов медицинского вуза о материнстве / Е. П. Непочатых, Н. А. Кетова, К. А. Холодова. – Текст : непосредственный // Коллекция гуманитарных исследований, 2017. – № 5(8). – С. 75 – 84.

189. Новицкий, Е. И. Типологизация бездетных семей / Е. И. Новицкий – Текст: непосредственный // Актуальные социологические исследования, 2015. - № 4. – С. 38 – 42.

190. Новоселова, Е. Н. Добровольная бездетность как угроза демографической безопасности России / Е. Н. Новоселова. – Текст : непосредственный // Вестник Московского университета. Социология и политология, 2012. – № 1. – С. 99 – 110.

191. Обухова, Л. Ф. Семья и ребенок: психологический аспект детского развития / Л. Ф. Обухова, О. А. Шаграева. – Москва : Жизнь и мысль, 1999. – 168 с. – Текст : непосредственный.

192. Обухова Л.Ф. К 120-летию со дня рождения Л.С. Выготского и Ж. Пиаже / Л. Ф. Обухова. – Текст: непосредственный // Культурно-историческая психология. 2016. – Т. 12. - № 3. - С. 226–231.

193. Обухова, Л. Ф. Семья и ребенок: психологический аспект детского развития: учебное пособие / Л. Ф. Обухова, О. А. Шаграева. – М.: Изд-во «Жизнь и смысл», 1999. – 168 с.

194. Орлевская, М. Я хочу ребенка / М. Орлевская. – Текст : непосредственный // Счастливые родители, 2004. – № 3. – С. 76 – 78.

195. Осипенко, И. М. Психологические особенности женщин с кризисной беременностью в ситуации репродуктивного выбора / И. М. Осипенко. – Текст : непосредственный // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология, 2019. – № 3. – С. 388 – 401.

196. Осипова, И. Репродуктивные установки россиян и отношение к государственным мерам поддержки рождаемости / И. Осипова – Текст:

непосредственный // Демографическое обозрение, 2020. – Т 7. - №. 2. – С. 97 – 120.

197. Павлова, Е. В. Социальные представления как содержание индивидуального сознания: обоснование методологии исследования / Е. В. Павлова. – Текст : непосредственный // Азимут научных исследований: педагогика и психология, 2018. – Т. 7, № 1(22). – С. 294 – 296.

198. Пальцева Т. В. Психологические условия становления и развития репродуктивных установок в детско-юношеском возрасте: от 5 до 18 лет: дис. псих. соц. наук / Т. В. Пальцева – Москва, 2006.

199. Паркаев, П. О. Личностные особенности молодых людей с разной сиблинговой позицией / П. О. Паркаев, Л. Э. Семенова. – Текст: непосредственный // Нижегородский психологический альманах, 2021. - №1. - С. 120-130.

200. Петрова Е. Ю. Страхи женщин в связи с будущей беременностью и помощь психолога / Е. Ю. Петрова. – Текст: электронный // Психологическая газета, 2018. – Режим доступа: <https://psy.su/feed/6684/>

201. Петрова, И. В. Репродуктивное поведение семьи социально-управленческий аспект (на материалах Забайкальского края) : специальность 22.00.08 «Социология управления» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата социологических наук / Петрова Ирина Владимировна. – Чита, 2012. – 22 с. – Текст : непосредственный.

202. Петрова, Н. Н. Психологические факторы искусственного прерывания беременности / Н. Н. Петрова. – Текст : непосредственный // Вестник Санкт-Петербургского университета. Медицина, 2006. – № 3. – С. 120 – 124.

203. Перова А.П. Психологические особенности женщин-чайлдфри: современный взгляд / А. П. Перова, Ж. Ю. Кара. – Текст: непосредственный // Мир науки. Педагогика и психология, 2020. – Т. 8, № 6. - С. 1-9.

204. Переселкова, З. Ю. Установки на бездетность в сознании студенческой молодежи под влиянием идеологии «чайлдфри» (региональный аспект) / З. Ю. Переселкова // Социология, 2024. - № 1 (19). - С. 55-60.

205. Подвойский, Д. Г. Социологический реализм Эмиля Дюркгейма / Д. Г. Подвойский. – Текст: посредственный // Южно-российский журнал социальных наук, 2004. - № 2. - С. 112-123.

206. ПолUTOва, М. А. Ценностные и мотивационные установки сообщества «Чайлдфри» с позиций постмодернизма / М. А. ПолUTOва, О. О. Жанбаз. – Текст : непосредственный // Вестник Забайкальского государственного университета, 2015. – № 1(116). – С. 89 – 100.

207. Полякова, И. Г. Гендерные стратегии мотивации в репродукции / И. Г. Полякова, Г. Р. Акрамова. – Текст : непосредственный // Koion, 2024. – Т. 4, № 3. – С. 57 – 73.

208. Почебут, Л. Г. Социальная психология / Л. Г. Почебут, И. А. Мейжис. – Санкт-Петербург: Питер, 2016. – 672 с. – Текст : непосредственный.

209. Протасова, И. Н. Моральные основы этнической толерантности / И. Н. Протасова, О. А. Сычев. – Текст: непосредственный // Вестник РУДН. Серия: Психология и педагогика, 2019. - Т. 16, № 3. - С. 327-340.

210. Пророкова, М. В. Особенности «спора о женщинах» в итальянском гуманизме XVI века / М. В. Пророкова. – Текст : непосредственный // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, 2010. – № 124. – С. 78 – 90.

211. Пузанова, Ж. В. Метод неоконченных предложений в исследовании социальных представлений (на примере образа террориста) / Ж. В. Пузанова, А. Г. Тертышникова. – Текст : непосредственный // Теория и практика общественного развития, 2015. – № 4. – С. 12 – 15.

212. Пунина, М. А. Влияние социально-гигиенических и медико-биологических факторов на состояние здоровья школьников из неполных семей: специальность 14.00.09 «Гигиена»: автореферат диссертации на

соискание ученой степени кандидата медицинских наук / Пунина Марина Александровна. – Смоленск, 2009. – 23 с. – Текст: непосредственный.

213. Пушкарева, Т. Н. Основы и клиническое значение материнской привязанности / Т. Н. Пушкарева. – Текст : непосредственный // Журнал практической психологии и психоанализа, 2002. – Т. 4. – С. 4 – 8.

214. Пушкина, Н. В. Идентификация с «пустым» образом матери / Н. В. Пушкина / - Текст: непосредственный // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование», 2013. - №. 1. – С. 151 - 157.

215. Пьянкова, Л. А. Психологический контекст феномена материнства / Л. А. Пьянкова, В. Е. Хомичева. – Текст : непосредственный // Общество: социология, психология, педагогика, 2017. – № 3. – С. 40 – 44.

216. Раага, П. П. Размышления практического психолога о психологической природе бесплодия / П. П. Раага. – Текст: электронный // Психологическая газета, 2024. – Режим доступа: <https://psy.su/pubs/8954/>.

217. Радостева, А. Г. Мотивация рождения ребенка как компонент репродуктивной установки / А. Г. Радостева. – Текст : непосредственный // Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Психологические и педагогические науки, 2019. – № 1. – С. 73 – 79.

218. Рамазанова И. В. Диагностика исследований представлений о материнстве у молодых женщин разных этносов (на примере женщин русского этноса и женщин народов Дагестана) / И. В. Рамазанова. – Текст: непосредственный // Вестник Тамбовского университета. Сер.: гуманитарные науки, 2008. - № 12. - С. 181–187.

219. Рачицкая М. К. Движение чайлдфри в молодёжной среде / М. К. Рачицкая, О. А. Петровская. – Текст : электронный // Студенческий научный форум, 2015. – Режим доступа: <http://www.scienceforum.ru/2015/1052/8692> (дата обращения 05.05.2016).

220. Рогова, А. М. Социальные факторы распространения чайлдфри в России / А. М. Рогова, С. А. Давыдов. – Текст : непосредственный //

Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований, 2023. – № 1. – С. 76 – 81.

221. Романова, И. В. Чайлдфри в контексте трансформации семейных отношений / И. В. Романова, О. О. Жанбаз. – Текст : непосредственный // Вестник Забайкальского государственного университета, 2014. – № 12(115). – С. 89 – 97.

222. Ростовская, Т. К. Репродуктивные стратегии и практики россиян: по итогам всероссийского исследования / Т. К. Ростовская, Е. Н. Васильева. – Текст : непосредственный // Human Progress, 2021. – Т. 7, № 2. – С. 1 – 11.

223. Румянцева, Т. Г. Тема «прекрасного пола» в творчестве Иммануила Канта / Т. Г. Румянцева. – Текст : непосредственный // Женщины-ученые Беларуси и Казахстана : Сборник материалов международной научно-практической конференции, Минск, 01–02 марта 2018 года. – Минск: Республиканский институт высшей школы, 2018. – С. 329 – 331.

224. Руссо, Ж.-Ж. Эмиль, или О воспитании / Ж.-Ж. Руссо. – Москва, 1961. – Т. 1. – 850 с. – Текст : непосредственный.

225. Рыцарева, Т. В. Соотношение симптоматического поведения подростка с параметрами семейной системы / Т. В. Рыцарева. – Текст: непосредственный // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. Серия: педагогика, психология, социальная работа, ювенология, социокинетика, 2014. – Т. 20, № 2. - С. 38-42.

226. Савинков, С. Н. Проблема изучения феномена «отцовства» и значение его роли в процессе семейного воспитания / С. Н. Савинков. – Текст : непосредственный // Психолог, 2019. – № 4. – С. 34 – 40.

227. Саенко, Л. А. Девиантное поведение в современном родительстве / Л. А. Саенко, Г. С. Гукасова. – Текст : непосредственный // Дискуссия, 2012. – № 9. – С. 144 – 147.

228. Саликова, Э. М. В. Структура социальных репрезентаций жизненного пути студенчества, выраженных средствами метафор / Э. М. В.

Саликова. – Текст : непосредственный // Проблемы современного образования, 2020. – № 6. – С. 43 – 58.

229. Салыхиева Л. М., Савельева Ж. В. Добровольная бездетность в российском обществе и медиа: конструирование социальной проблемы чайлдфри / Л. М. Салыхиева, Ж. В. Савельева. – Текст : непосредственный // Научный Татарстан, 2018. – №. 4. – С. 46-61.

230. Саночкина, А. В. Типологические особенности самосознания женщин, применяющих насилие по отношению к ребенку / А. В. Саночкина, Н. Н. Васягина, К. Браун. – Текст : непосредственный // Психология. Психофизиология, 2022. – Т. 15, № 3. – С. 5 – 13.

231. Сидоренко, Е. В. Методы математической обработки в психологии / Е. В. Сидоренко. — СПб.: ООО «Речь», 2000. — 350 с.

232. Скрипкина, Т. П. Социальные представления о легитимизации агрессии у военнослужащих с разным профессиональным статусом / Т. П. Скрипкина. – Текст : непосредственный // Прикладная юридическая психология, 2022. – №1(58). С. 6 – 18.

233. Смирнова, И. В. Репликация исследования С. Московичи: методологические трудности, результаты / И. В. Смирнова. – Текст : непосредственный // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология, 2013. – № 4(16). – С. 149 – 157.

234. Соколовская, Т.А. Влияние социально-экономических факторов и гендерных особенностей на репродуктивное поведение населения / Т. А. Соколовская, О. В. Армашевская, А. Ш. Сененко. – Текст: непосредственный // Социальные аспекты здоровья населения, 2022. - № 68 (5). – С. 1 – 33.

235. Соколюк, Н. В. Гендерные отношения в сфере родительства: история и современность / Н. В. Соколюк. – Текст : непосредственный // Известия Дальневосточного федерального университета. Экономика и управление, 2009. - № 1. – С. 89 – 104.

236. Соловьева, Е. В. Внутренняя материнская позиция: структура и содержание / Е. В. Соловьева. – Текст : непосредственный // Перспективы науки, 2012. – № 5(32). – С. 411 – 414.

237. Сорокина, Е. Н. Личностная автономия женщины – матери и сепарационный процесс: к постановке проблемы / Е. Н. Сорокина. – Текст: непосредственный // Проблемы современного педагогического образования, 2021. - № 1. - С. 391-394.

238. Стоянова, И. Я. Мотивации деторождения беременных женщин в ракурсе становления материнской идентичности / И. Я. Стоянова, О. В. Магденко. – Текст : непосредственный // Медицинская психология в России, 2012. – №3 (14). – С. 14.

239. Субботина, Н. Д. Методологические подходы к исследованию феномена материнства / Н. Д. Субботина, Е. А. Лушина. – Текст : непосредственный // Гуманитарный вектор, 2023. – Т. 18, № 2. – С. 27 – 36.

240. Султанова, И. В. Социально-психологическая направленность движения childfree в молодежной среде / И. В. Султанова. – Текст : непосредственный // Проблемы современного педагогического образования, 2018. – № 59-1. – С. 485 – 488.

241. Сулимов, К. А. Особенности использования моральной лексики депутатами фракций Государственной думы: эмпирическая оценка на основе контент-анализа / К. А. Сулимов, О. А. Сычев, К. И. Белоусов. – Текст: непосредственный // Вестник Пермского университета. Политология, 2022. - Т. 16, № 1. - С. 58-73.

242. Сухарева, А. С. Родительство в неполных семьях: сравнительный анализ материнских и отцовских семей / С. А. Сухарева, Самойлова В. А. – Текст: непосредственный // Векторы благополучия: экономика и социум, 2024. – Т. 52, №4. - С. 1-14.

243. Сычев, О. А. Диагностика моральных оснований: апробация русскоязычной версии опросника MFQ / О. А. Сычев, И. Н. Протасова, К. И. Белоусова. – Текст: непосредственный // Российский психологический

журнал, 2018. – Т. 15, №. 3. – С. 88 – 115. – Текст : непосредственный // Социально-психологические проблемы образования. Вопросы теории и практики, 2006. - №. 4. – С. 67 – 72.

244. Счастливая, Т. Н. Феноменология материнства как социально-психологическая проблема / Т. Н. Счастливая, М. Ю. Чибисова. -

245. Татарко, А.Н. Разработка и апробация сокращенной версии методики «Социальные аксиомы» М. Бонда и К. Леунга / А. Н. Татарко, Н. М. Лебедева. – Текст: непосредственный // Культурно-историческая психология, 2020. - Т. 16 - № 1. - С. 96—110.

246. Татарко А.Н., Лебедева Н.М. Методы этнической и кросскультурной психологии. М.: НИУ ВШЭ, 2011. 260 с.

247. Тертышникова, А. Г. Методологические и методические аспекты изучения социальных представлений об интеллигенции / А. Г. Тертышникова. – Текст: непосредственный // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология, 2012. - № 4. – С. 35 – 49.

248. Тенденции распространения ценностей чайлдфри в России и их влияние на кризис института семьи / С. М. Вильданова, А. А. Граничная, А. Р. Мингалиева, Л. М. Салыхиева. – Текст : непосредственный // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены, 2017. – № 3(139). – С. 192 – 205.

249. Трухан, Е. А. Влияние порядка рождения и sibлинговой позиции ребенка на формирование его личности / Е. А. Трухан. – Текст: непосредственный // Образование и воспитание. – 2013. - N12. – С.48-52.

250. Типикина, А. А. Тема женщины в философии В. В. Розанова / А. А. Типикина. – Текст : непосредственный // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования, 2023. – Т. 23, № 3(63). – С. 324 – 335.

251. Типикина, А. А. Феминизм и антифеминизм в размышлениях русских философов / А. А. Типикина, И. В. Желтикова. – Текст :

непосредственный // Abyss (Вопросы философии, политологии и социальной антропологии), 2017. – № 2(2). – С. 186 – 195.

252. Тимченко, Д.Д. Возраст и женское бесплодие: обзор отечественных и зарубежных исследований [Электронный ресурс] / Д.Д. Тимченко. - Текст: электронный // Современная зарубежная психология, 2024. – Т.13, № 2. - С. 73—82. - URL: https://psyjournals.ru/journals/jmfp/archive/2024_n3/jmfp_2024_n3_Timchenko.pdf

253. Тулегенова, А. Г. Влияние старших сиблингов на процесс социализации младших детей в семье / А. Г. Тулегенова, В. В. Васильева. – Текст : непосредственный // Научный вестник Крыма, 2018. – № 1(12). – С. 1 – 15.

254. Тювина, Н.А. Бесплодие и психическое расстройство у женщин. Сообщение 1 / Н.А. Тювина, А.О. Николаевская. – Текст : непосредственный // Неврология, нейропсихиатрия, психосоматика, 2019. — № 11(4). — С. 117–124.

255. Улыбышева, А. М. Отношение к материнству первородящих женщин / А. М. Улыбышева, М. Н. Котлярова. – Текст : непосредственный // Мир педагогики и психологии, 2023. – № 12(89). – С. 275 – 287.

256. Устин, П. Н. Мотивы и ценности в структуре жизненного мира представительниц сообщества чайлдфри / П. Н. Устин. – Текст : непосредственный // Теоретический и практический потенциал современной науки. – Москва : Перо, 2018. – С. 85 – 88.

257. Ушакова, В. Р. Ценность семьи и родительства у молодежи с разными моделями репродуктивного поведения / В. Р. Ушакова. – Текст : непосредственный // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика, 2020. – Т. 20, № 3. – С. 322 – 328.

258. Филиппова, Г. Г. Психология материнства: Концептуальная модель / Филиппова Г. Г. – Москва : Институт молодёжи, 1999. – 286 с. – Текст : непосредственный.

259. Филиппова, Г. Г. Эмоциональное выгорание матери: новая проблема в перинатальной психотерапии / Г. Г. Филиппова. – Текст : непосредственный // Антология российской психотерапии и психологии. – Москва: Общероссийская общественная организация «Общероссийская профессиональная психотерапевтическая лига», 2017. – С. 154 – 159.

260. Филиппова, Г. Г. Эмоциональное выгорание матери: новая проблема в перинатальной психотерапии / Г.Г. Филиппова. – Текст : электронный // Психологическая газета, 2022. – Режим доступа: <https://psy.su/feed/9851/?ysclid=mar6ia0zkr47717314>.

261. Филиппова, Г.Г. Репродуктивный компонент возрастной идентичности и феномен «отложенного материнства» / Г.Г. Филиппова. – Текст : непосредственный // Медицинская психология в России: сетевой науч. Журн, 2023. — Т. 15, № 2. — С. 12–26.

262. Филиппова, Г.Г. Психология материнства: учебное пособие / Г. Г. Филиппова. – М.: Изд-во Института Психотерапии, 2002. – 240 с.

263. Фомина, О. В. Дисфункциональная семья и отклоняющееся поведение ребенка / О. В. Фомина. – Текст : электронный// Психологическая газета, 2018. – Режим доступа: <https://psy.su/feed/6751/>.

264. Фоминых, Е. С. Интерперсональные факторы деформации индивидуального хронотопа личности / Е. С. Фоминых - Текст: непосредственный // Проблемы современного педагогического образования, 2018. - №. 1. – С. 472 - 475.

265. Хазова, С. А. Особенности гестационной доминанты женщин, не встающих на учет по беременности / С. А. Хазова, И. А. Золотова. – Текст : непосредственный // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова, 2009. – Т. 15, № 4. – С. 200 – 206.

266. Халфина, Р. Р. Психосоциальные причины развития чайлдфри в России / Р. Р. Халфина, Т. В. Тимченко, Е. В. Сафронова. – Текст : непосредственный // Проблемы современного педагогического образования, 2018. – № 60-4. – С. 475 – 478.

267. Хитрук, Е. Б. «Женский вопрос» в философии Платона / Е. Б. Хитрук. – Текст : непосредственный // Идеи и идеалы, 2016. – №2 (28). – С. 40 – 52.

268. Хитрук, Е. Б. Амбивалентность концептуализации категории «женское» в философии Фомы Аквинского / Е. Б. Хитрук. – Текст : непосредственный // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики, 2017. – № 4(78). – С. 205 – 207.

269. Хитрук, Е. Б. Гендерная проблематика в современной философии: учебное пособие / Е. Б. Хитрук. – Томск: Томский государственный университет, 2015. – 60 с. – Текст : непосредственный.

270. Хозяинова, П. М. Связь личностных особенностей матерей и характера взаимодействия матери с ребенком в неполной семье / П. М. Хозяинова. – Текст: непосредственный // Южно – российский журнал социальных наук. – 2018. - Т. 19. - №1. - С. 102-116.

271. Холмогорова А.Б. Стандартизация опросника «Семейные эмоциональные коммуникации» / А. Б. Холмогорова, С. В. Воликова, М. Г. Сорокова. – Текст : непосредственный // Консультативная психология и психотерапия, 2016. - Т. 24, № 4. - С. 97—125.

272. Хорошилов, Д. А. Когнитивная полифазия как стратегия преадаптации к социальным изменениям / Д. А. Хорошилов. – Текст : непосредственный // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология, 2022. – Т. 12, № 2. – С. 161 – 171.

273. Черный, Е. В. Исследование жизненных проектов молодежи Крыма / Е. В. Черный, О. Р. Тучина. – Текст: непосредственный // Ученые

записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Социология. Педагогика. Психология, 2020. – Т. 6 (72), № 3. - С. 127-148.

274. Чибисова, М. Ю. Этологические концепции материнства в зарубежной психологии / М. Ю. Чибисова. – Текст : электронный // Этология. Ру, 2010. – Режим доступа: https://community.akusherstvo.ru/articles/prenatalnaya_i_perinatalnaya_psihologiya/etologicheskie_koncepcii_materinstva_v_zarubezhnoj_psihologii/

275. Шибаршина, О. Ю. Эволюция представлений о сущности мужчины и женщины в античной философии / О.Ю. Шабаршина – Текст: непосредственный // Научный вестник Московского государственного технического университета гражданской авиации, 2015. - № 215. – С. 1 – 5.

276. Шалаева, Н. Ю. Автоматизированная база данных для исследования социальных представлений по методу П. Вержеса / Н. Ю. Шалаева, С. Садран. – Текст : непосредственный // Известия Самарского научного центра Российской академии наук, 2015. – Т. 17, № 1-1. – С. 110 – 113.

277. Шаповаленко, И. В. Современное родительство: новые исследовательские подходы / И. В. Шаповаленко. – Текст : непосредственный // Современная зарубежная психология, 2022. – Т. 11, № 1. – С. 58 – 67.

278. Шелехов, И. Л. Авторская концепция психологического механизма формирования нарушений материнско-детских взаимоотношений, девиантного материнства, добровольной бездетности / И. Л. Шелехов, О. Г. Берестнева, Л. А. Петрова. – Текст : непосредственный // Проблемы современного педагогического образования, 2019. – № 62-1. – С. 404 – 406.

279. Шестернина, Т. Д. Особенности ценностно-мотивационной сферы личности женщин, выбирающих осознанную бездетность / Т. Д. Шестернина, А. М. Панькова. – Текст : непосредственный // Актуальные вопросы современной психологии, конфликтологии и управления: взгляд молодых исследователей :. – Екатеринбург: [б.и.], 2021. – С. 341 – 347.

280. Шляпникова, Ю. В. Психологические факторы репродуктивного поведения представительниц сообщества чайлдфри / Ю. В. Шляпникова, П. Н. Устин, Л. М. Попов. – Текст : непосредственный // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования, 2018. – Т. 7, № 5А. – С. 107-113.

281. Эльячефф, К. Дочки – матери. Третий лишний // К. Эльячефф, Н. Эйниш. – М.: Институт общегуманитарных исследований, 2018. – 448 с.

282. Якимова, Т. В. Особенности общения сиблингов в условиях детского дома / Т. В. Якимова. – Текст : непосредственный // Культурно-историческая психология, 2011. – № 4. – С. 23 – 28.

283. Якупова, В. А. Особенности внутренней позиции матери у участниц программы ЭКО / В. А. Якупова, Е. И. Захарова. – Текст : непосредственный // Культурно-историческая психология, 2016. – Т. 12, № 1. – С. 46–55.

284. Янак, А. Л. Концептуализация немодального родительства / А. Л. Янак. – Текст : непосредственный // Социологические исследования, 2022. – № 4. – С. 56 – 67.

285. Abramowska-Kmon, A. Coping strategies for happy childless ageing: an explorative study in Poland / A. Abramowska-Kmon, A. Mynarska, S. Timoszuk. – Текст : электронный // Genus, 2023. – Vol. 79, №. 1. – Режим доступа: <https://genus.springeropen.com/articles/10.1186/s41118-022-00180-8#Sec20>

286. Abric, J. C. Central system, peripheral system: their functions and roles in the dynamics of social representations / J. C. Abric. – Текст : непосредственный // Papers on social representations, 1993. – Vol. 2. – P. 75 – 78.

287. Abric, J. C. Experimental study of group creativity: Task representation, group structure, and performance / J. C. Abric. – Текст : непосредственный // European journal of social psychology, 1971. – Vol. 1, № 3. – P. 311 – 326.

288. Abric, J. C. La recherche du noyau central et de la zone muette des représentations sociales / J. C. Abric. – Текст : непосредственный // Ramonville Saint-Agnes: Ed. Erès., 2003. – P. 59–80.
289. An experimental investigation into the formation of intergroup representations / W. Doise, G. Csepei, H. D. Dann [и др.] – Текст : непосредственный // European journal of social psychology, 1972. – Vol. 2, № 2. – P. 202 – 204.
290. Badinter, E. L'amour en plus: histoire de l'amour maternel, XVII-XX siècle / E. Badinter. – Flammarion, 2010. – 448 p. – Текст : непосредственный.
291. Badinter, E. Le conflit: la femme et la mère / E. Badinter. – Flammarion, 2011. – 220 p. – Текст : непосредственный.
292. Baer, A. M. Covert forms of child abuse: A preliminary study / A. M. Baer, R. B. Wathey. – Текст : непосредственный // Child psychiatry and human development, 1977. – Vol. 8, № 2. – P. 115 – 128.
293. Blackstone, A. «There's more thinking to decide» how the childfree decide not to parent / A. Blackstone, M. D. Stewart. – Текст : непосредственный // The Family Journal, 2016. – Vol. 24, № 3. – P. 296 – 303.
294. Blackstone, A. Childless... or childfree? / A. Blackstone. – Текст : непосредственный // Contexts, 2014. – Vol. 13, № 4. – P. 68 – 70.
295. Blackstone, A. Choosing to be childfree: Research on the decision not to parent / A. Blackstone, M. D. Stewart. – Текст : непосредственный // Sociology Compass, 2012. – Vol. 6, № 9. – C. 718 – 727.
296. Blackstone, A. Childfree by Choice: The Movement Redefining Family and Creating a New Age of Independence / A. Blackstone. – Penguin, 2019. – 304 p. – Текст : непосредственный.
297. Bram, S. Through the looking glass: Voluntary childlessness as a mirror of contemporary changes in the meaning of parenthood / S. Bram. – Текст : непосредственный // The first child and family formation. – Carolina Population Center, 1978. – P. 368 – 391.

298. Bram, S. To have or have not: A social psychological study of voluntarily childless couples, parents-to-be, and parents / S. Bram. – Unpublished doctoral dissertation. – University of Michigan, Ann Arbor, 1974. – 24 p.

299. Couvrette, A. The «deviant good mother» motherhood experiences of substance-using and lawbreaking women / A. Couvrette, S. Brochu, C. Plourde. – Текст : непосредственный // Journal of drug issues, 2016. – Vol. 46, № 4. – P. 292 – 307.

300. Dariotis, J. K. (2004). Fertility intention emergence and process during late adolescence and early adulthood: voluntary childlessness as a special case. Paper presented at the Population Association of America 2004 Annual Conference, USA.

301. Does the reason matter? Variations in childlessness concerns among US women / J. McQuillan, A. L. Greil, P. Wonch Hill [и др.] – Текст : непосредственный // Journal of marriage and family, 2012. – Vol. 74, № 5. – С. 1166 – 1181.

302. Doise, W. L'ancrage dans les études sur les représentations sociales / W. Doise. – Текст : непосредственный // Bulletin de psychologie, 1992. – Vol. 45. № 405. – P. 189 – 195.

303. Doise, W. Levels of explanation in social psychology / W. Doise. – Cambridge.: Cambridge University PressParis, 1986. – 183 p.

304. Dolan, R. Pregnancy in prison, mental health and admission to prison mother and baby units / R. Dolan. – Текст : непосредственный // The Journal of Forensic Psychiatry & Psychology, 2019. – Vol. 30, № 3. – P. 448 – 466.

305. Donath, O. “I kind of want to want”: Women who are undecided about becoming mothers / O. Donath, N. Berkovitch, D. Segal-Engelchin. – Текст : электронный // Frontiers in Psychology, 2022. – Vol. 13. – Режим доступа: <https://www.frontiersin.org/journals/psychology/articles/10.3389/fpsyg.2022.848384/full>

306. Doyle, J. A phenomenological exploration of the childfree choice in a sample of Australian women / J. Doyle, J. A. Pooley, L. Breen. – Текст :

непосредственный // Journal of health psychology, 2013. – Vol. 18, № 3. – P. 397 – 407.

307. Dykstra, P. A. Roads less taken: Developing a nuanced view of older adults without children / P. A. Dykstra, G. O. Hagestad. – Текст : непосредственный // Journal of family issues, 2007. – Vol. 28, №. 10. – P. 1275 – 1310.

308. Farr, R.M. The roots of modern social psychology / R. M. Farr. – Oxford: Blackwell Publishers, 1996. – 166 p. – Текст : непосредственный.

309. Faulk, L. J. Destructive Maternity in Aurora Leigh / L. J. Faulk // Victorian Literature and Culture, 2013. – Vol. 41, № 1. – С. 41 – 54.

310. Fiori, F. Choosing to Remain Childless? A Comparative Study of Fertility Intentions Among Women and Men in Italy and Britain / F. Fiori, F. Rinesi, E. Graham. – Текст : непосредственный // European Journal of Population, 2017. – P. 319 – 350.

311. Fisher, B. M. Affirming Social Value / B. M. Fisher. – Текст : электронный // Childfree across the disciplines: Academic and activist perspectives on not choosing children, 2022. – Режим доступа: <https://www.degruyter.com/document/doi/10.36019/9781978823129-002/pdf?licenseType=restricted>

312. Gates, S. R. La tierra es nuestra: revisiones nerudianas a Whitman en «Que despierte el Leñador» del Canto general / S. R. Gates. – Текст : непосредственный // Romance Notes, 2019. – Vol. 59, №3. – P. 447 – 458.

313. Gietel-Basten, S. Self-definition and evaluation of the term «childfree» among Hong Kong women / S. Gietel-Basten, A. S. W. Yeung. – Текст : электронный // SAGE Open, 2023. – Vol. 13, №. 4. – Режим доступа: <https://journals.sagepub.com/doi/full/10.1177/21582440231198994>

314. Gillespie, R. Voluntary childlessness in the United Kingdom/ R. Gillespie. – Текст : непосредственный // Reproductive Health Matters, 1999. – №7 (13). – P. 43 – 53.

315. Gillespie, R. When no means no: Disbelief, disregard and deviance as

discourses of voluntary childlessness / R. Gillespie. – Текст : непосредственный // Women's studies international forum. – Pergamon, 2000. – Vol. 23, №. 2. – P. 223 – 234.

316. Graham, M. Women's attitudes towards children and motherhood: A predictor of future childlessness? / M. Graham, C. Smith, M. Shield. – Текст : непосредственный // Journal of Social Inclusion, 2015. – Vol. 6, №5. – P. 5 – 18.

317. Graham J., Haidt J., Nosek B. A. Liberals and conservatives rely on different sets of moral foundations // Journal of Personality and Social Psychology. 2009. Vol. 96 (5). P. 1029-1046.

318. Grayston, A. D. Female perpetrators of child sexual abuse: A review of the clinical and empirical literature / A. D. Grayston, R. V. De Luca. – Текст : непосредственный // Aggression and violent behavior, 1999. – Vol. 4, № 1. – P. 93 – 106.

319. Herzlich, C. (1969). Santé et maladie : Analyse d'une représentation sociale [Health and illness: Analysis of a social representation]. Paris: Editions de l'Ecole des Hautes Etudes en Sciences Sociales. 301p.

320. Hird, M. J. Women without children: A contradiction in terms? / M. J. Hird, K. Abshoff. – Текст : непосредственный // Journal of comparative family studies, 2000. – Vol. 31, №. 3. – P. 347 – 366.

321. Höglund, B. Why and when choosing child-free life in Sweden? Reasons, influencing factors and personal and societal factors: Individual interviews during 2020–2021 / B. Höglund, I. Hildingsson. – Текст : электронный // Sexual & Reproductive Healthcare, 2023. – Vol. 35. – Режим доступа: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S187757562200115X>

322. Houseknecht, S. K. Reference group support for voluntary childlessness: Evidence for conformity / S. K. Houseknecht. – Текст : непосредственный // Journal of Marriage and the Family, 1977. – P. 285 – 292.

323. Houseknecht, S. K. Timing of the decision to remain voluntarily childless: Evidence for continuous socialization / S. K. Houseknecht. – Текст :

непосредственный // *Psychology of Women Quarterly*, 1979. – Vol. 4, № 1. – P. 81 – 96.

324. Houseknecht, S. K. Voluntary Childlessness / S. K. Houseknecht. – Текст : непосредственный // *Handbook of Marriage and the Family*. – Springer, 1987 – P. 369 – 395.

325. Houseknecht, S. K. Social psychological aspects of voluntary childlessness / S. K. Houseknecht. – Unpublished master's thesis. – Pennsylvania State University, University Park, 1974. – 16 p. – Текст : непосредственный.

326. Ibodova, G. Psychological relations between family members / G. Ibodova, O. R. Avezov. – Текст : непосредственный // *Oriental renaissance: Innovative, educational, natural and social sciences*, 2022. – Vol. 2, № 2. – P. 945 – 949.

327. Iverson, H. You don't want kids?!: Exploring evaluations of those without children / H. Iverson, B. Lindsay, C. C. MacInnis. – Текст : электронный // *The Journal of social psychology*, 2020. – Т. 160, № 5. – С. 719 – 733.

328. Jacobsen, R. B. Black versus White single parents and the value of children / R. B. Jacobsen, J. J. Bigner. – Текст : непосредственный // *Journal of Black Studies*, 1991. – Vol. 21, № 3. – P. 302 – 312.

329. Jodelet, D. Madness and social representations: Living with the mad in one French community / D. Jodelet. – Univ of California press, 1991. – 303 p. – Текст : непосредственный.

330. Jodelet, D. Représentation sociale: phénomènes, concept et théorie / D. Jodelet – Текст : непосредственный // *Psychologie sociale*, 1984. – Vol. 2. – P. 357 – 378.

331. Jodelet, D. Social representations study and interlocation between knowledges in a globalized space / D. Jodelet. – Текст : электронный // *Production of Knowledge and Social Representations*, 2012.

332. Jodelet, D. (2008). The beautiful invention. *Journal for the theory of social behaviour*, 38(4), 411-430.

333. Jodelet, D. (1989). Représentations sociales : un domaine en expansion. In D. Jodelet (Ed.), *Les représentations sociales*. Paris, PUF, pp. 47-78.
334. Keizer, R. Pathways into childlessness: Evidence of gendered life course dynamics / R. Keizer, P. A. Dykstra, M. D. Jansen. – Текст : непосредственный // *Journal of biosocial science*, 2008. – Vol. 40, №. 6. – P. 863 – 878.
335. Letherby, G. Childless and bereft? Stereotypes and realities in relation to «voluntary» and «involuntary» childlessness and womanhood / G. Letherby. – Текст : непосредственный // *Sociological Inquiry*, 2002. – Vol. 72(1). – P. 7 – 20.
336. Manning-Kelly, S. M. The experience of voluntarily childless women in contemporary New England / S. M. Manning-Kelly. – Текст : электронный // *Masters Thesis*. – Smith College, Northampton, MA, 2007. – Режим доступа: <https://scholarworks.smith.edu/theses/1277/>
337. Markova, I. Dialogicality and Social Representations: The Dynamics of Mind / Markova I. – Cambridge: Cambridge University Press, 2003. – 224 p. – Текст : непосредственный.
338. Martin, L. J. Delaying, debating and declining motherhood / L. J. Martin. – Текст : непосредственный // *Culture, Health and Sexuality*, 2021. - Vol. 23. - No. 8. - P. 1034–1049.
339. Moliner, P. *Les représentations sociales* / P. Moliner, C. Guimelli. - Presses universitaires de Grenoble. – Grenoble: Presses universitaires de Grenoble, 2015. – 139 p.
340. Moscovici S. *Psychologie sociale* . – Paris: Presses Universitaires de France, 1984. – 566 p.
341. Moscovici, S. Toward a Social Psychology of Science. *Journal for the Theory of Social Behaviour* 23(4), 1993. – P. 343 – 374.
342. Moscovici, S. *La psychanalyse: son image et son public*. Paris: Presses Universitaires de France, 1976. - 652 p.

343. McLeod. D. A. Female offenders in child sexual abuse cases: A national picture / D. A. McLeod. – Текст : непосредственный // Journal of child sexual abuse, 2015. – Vol. 24. – № 1. – P. 97 – 114.
344. McQuillan, J. The importance of motherhood among women in the contemporary United States / J. McQuillan, A. L. Greil, K. M. Shreffler. – Текст : непосредственный // Gender & Society, 2008. – Vol. 22, №. 4. – P. 477 – 496.
345. Michna, N. A. O kobietach i matkach: Elisabeth Badinter o kryzysie kobiecej tozsamosci / Michna, N. A. – Текст : непосредственный// Kwartalnik Filozoficzny, 2014. – Vol. 42. – P. 133 – 154.
346. Moore, J. Reconsidering childfreedom: A feminist exploration of discursive identity construction in childfree LiveJournal communities / J. Moore. – Текст : электронный // Papers in Communication Studies, 2014. – Vol. 50. – Режим доступа: <http://digitalcommons.unl.edu/commstudiespapers/50>
347. Nandy, A. Motherhood and Choice. Uncommon Mothers, Childfree Women / A. Nandy. - Delhi: Zubaan, 2017. – 395 p.
348. Onayli, S. Mother-daughter relationship and daughter's self esteem / S. Onayli, O. Erdur-Baker. – Текст : непосредственный // Procedia-Social and Behavioral Sciences, 2013. – Vol. 84. – P. 327 – 331.
349. Park, K. Choosing childlessness: Weber's typology of action and motives of the voluntarily childless / K. Park. – Текст : непосредственный // Sociological inquiry, 2005. – Vol. 75, №. 3. – P. 372 – 402.
350. Park, K. Stigma management among the voluntarily childless / K. Park. – Текст : непосредственный // Sociological perspectives, 2002. – Vol. 45, №. 1. – P. 21 – 45.
351. Parlak, S. A phenomenological study on voluntarily childless women / S. Parlak, I. Tekin. – Текст : непосредственный // Psikoloji Çalışmaları, 2020. – Vol. 40, № 1. – P. 161 – 186.
352. Pepitone, A. Social Psychology and Real Life Social Behavior / A. Pepitone. – Текст : непосредственный // Rassegna di Psychologia, 2008. – Vol. 2. – P. 21 – 30.

353. Rich S. «Unnatural», «unwomanly», «uncreditable» and «undervalued»: The significance of being a childless woman in Australian society / S. Rich, A. Taket, M. Graham, J. Shelley. – Текст : непосредственный // Gender Issues, 2011. – Vol. 28. – P. 226 – 247.

354. Rizka S. M. Childfree Phenomenon in Indonesia / S. M. Rizka, T. K. Yeninarsih, M. Mutmainnah, Y. Yuhasriati. – Текст : непосредственный // Proceedings of AICS-Social Sciences, 2021. – Vol. 11. – P. 336 – 341.

355. Rubinstein, R. L. Childless elderly: Theoretical perspectives and practical concerns / R. L. Rubinstein. – Текст : непосредственный // Journal of Cross-Cultural Gerontology, 1987. – Vol. 2. – P. 1 – 14.

356. Sakman, E. Gönüllü çocuksuzluk: Çocuk sahibi olmama kararının altında yatan faktörler ve karşılaşılan tepkiler hakkında bir derleme / E. Sakman. – Текст : непосредственный // Psikoloji Çalışmaları, 2021. – Vol. 41, №. 1. – P. 83 – 109.

357. Schwartz S.H. Universals in the content and structure of values: Theory and empirical tests in 20 countries // M. Zanna (ed.). Advances in experimental social psychology. N.Y.: Academic Press, 1992. Vol. 25. P. 1–65.

358. Salgado, F. «I am my own future» representations and experiences of childfree women / F. Salgado, S. I. Magalhães. – Текст : непосредственный // Women's Studies International Forum. – Pergamon, 2024. – Vol. 102. – P. 1 – 9.

359. Schumacher, M. M. Woman's Self-Interest or Sacrificial Motherhood: Personal Desires, Natural Inclinations and the Meaning of Love / M. M. Schumacher. – Текст : непосредственный // The Thomist: A Speculative Quarterly Review, 2013. – Vol. 77, № 1. – P. 71 – 101.

360. Settle, B. «It's the Choices You Make That Get You There»: Decision-Making Pathways of Childfree Women / B. Settle, K. Brumley. – Текст : непосредственный // Michigan Family Review, 2014. – Vol. 18, № 1. – P. 1 – 22.

361. Shapiro, G. Voluntary childlessness: A critical review of the literature / G. Shapiro. – Текст : электронный // Studies in the Maternal. – 2014. – Vol. 6, № 1. – Режим доступа: <https://www.mamsie.bbk.ac.uk/article/id/4218/>

362. Stone, A. Conflicts of Motherhood, Then and Now / A. Stone. – Текст : непосредственный // *Studies in the Maternal*, 2020. – №13(1). – С. 1 – 8.
363. Tessarolo, M. Il movimento childfree / M. Tessarolo. – Текст : непосредственный // *Rivista di Studi Familiari*, 2006. – Vol.11(1). – P. 47 – 58.
364. Tietjens-Meyers, D. (2001). The rush to motherhood - pronatalist discourse and women's autonomy. *Signs: Journal of Women in Culture & Society*, 26(3), 735-773.
365. The impact of motherhood on women's career progression: A scoping review of evidence-based interventions / A. J. C. Torres, L. Barbosa-Silva, L. C. Oliveira-Silva. – Текст : электронный // *Behavioral Sciences*, 2024. – Vol. 14, № 4. – Режим доступа: <https://www.mdpi.com/2076-328X/14/4/275>
366. Vala, J. Representações sociais: para uma psicologia social do pensamento social / J. Vala. – Текст : непосредственный // *Psicologia social*, 1993. – Vol. 5. – P. 353 – 384.
367. Veevers, J. E. (1973). The social meanings of parenthood. *Psychiatry*, 36, 291-310.
368. Veevers, J. E. Childless by Choice / J. E. Veevers. – Toronto: Butterworths, 1980. – 254 p. – Текст : непосредственный.
369. Verges, P. Noyau centrale, saillance et propriétés structurales / P. Verges., T. Tyszka // *Papers on Social Representations*. — 1994. — Vol. 3(1). — P. 3–12.
370. Watling Neal, J. Prevalence and characteristics of childfree adults in Michigan (USA) / J. Watling Neal, Z. P. Neal. – Текст : электронный // *Plos one*, 2021. – Vol. 16, № 6. – Режим доступа: <https://journals.plos.org/plosone/article?id=10.1371/journal.pone.0252528>
371. Williamson, T. Mothering ideology: A qualitative exploration of mothers' perceptions of navigating motherhood pressures and partner relationships / T. Williamson, D. L. Wagstaff, J. Goodwin, N. Smith. – Текст : непосредственный // *Sex Roles*, 2023. – Vol. 88, № 1. – С. 101 – 117.

372. Wilson, H. Deviant (M)others: The construction of teenage motherhood in contemporary discourse / H. Wilson, A. Huntington. – Текст : непосредственный // Journal of social policy, 2006. – Vol. 35, № 1. – P. 59 – 76.

373. Winnicott, D. W. The Child, the Family, and the Outside World / D. W. Winnicott. – Penguin UK, 2021. – 256 p. – Текст : непосредственный.

374. Zemp, M. The role of constructiveness in interparental conflict for mothers' perception of children's health / M. Zemp, M. Jockers, J. Mata. – Текст : непосредственный // Family Relations, 2020. – Vol. 69, № 4. – P. 683 – 697.

375. Zulaikha, S. The Childfree Phenomenon in Some Influencers / S. Zulaikha. – Текст : непосредственный // ARRUS Journal of Social Sciences and Humanities, 2023. – Vol. 3, № 1. – С. 59 – 64.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Анкета «Мотивы избегания материнства»

Вам предлагается принять участие в исследовании представлений женщин о материнстве.

Вам будет предложено ответить на несколько вопросов, результаты которых будут в обобщенном виде использованы в подготовке диссертационного исследования. Обращаем внимание, что вся информация, полученная благодаря данному опросу, конфиденциальна.

Спасибо за участие!

1. Укажите Ваш возраст _____
2. Укажите уровень Вашего образования (если в данный момент Вы учитесь – напишите «студентка») _____
3. Планируете ли Вы в будущем становиться матерью?
 1. Да, планирую
 2. Нет, не планирую
4. Если Вы ответили **отрицательно** на предыдущий вопрос, скажите, насколько вероятно, что Ваша позиция может измениться?
 1. Точно не изменится
 2. Допускаю, что моя позиция может измениться
5. Относите ли Вы себя к группе «добровольно бездетных»?
 1. Да
 2. Нет
6. На данный момент Вы состоите в отношениях?
 1. Да, живем в законном браке
 2. Да, но отношения официально не зарегистрированы
 3. Да, но вместе не живем
 4. Нет
7. Вы выросли в полной семье?
 1. Да, у меня были оба родителя
 2. Да, но один из родителей был мне не родным
 3. Да, но меня воспитывали бабушка с дедушкой или опекуны
 4. Нет, у меня был(а) только мать
 5. Нет, у меня был(а) только отец

6. Нет, я выросла в специализированном учреждении (детский дом)

8. У Вас есть братья или сестры?

1. Да, один(одна)
2. Да, я выросла в многодетной семье (3 ребенка и больше)
3. Нет

9. Если Вы ответили **положительно на предыдущий вопрос, скажите, каким по счету ребенком в семье Вы являетесь?**

1. Старший ребенок в многодетной семье
2. Средний ребенок в многодетной семье
3. Младший ребенок в многодетной семье
4. Старший ребенок в семье
5. Младший ребенок в семье

10. Работаете ли Вы?

1. Да, работа постоянная
2. Да, однако работа непостоянная (фриланс)
3. Нет

11. Обеспечиваете ли вы себя финансово самостоятельно?

1. Да, полностью себя обеспечиваю
2. Да, однако периодически помогают родители/партнер
3. Нет, не обеспечиваю

1. Инструкция: «Напишите 5 ассоциаций к слову материнство».

Материнство – _____

2. Инструкция: ниже приведен ряд утверждений, характеризующих причины, по которым женщины избегают материнства. Оцените, насколько каждое из утверждений применимо к Вам, поставив «+» в соответствующей колонке

№	Перечень утверждения	1 (это совсем не про меня)	2	3	4	5	6	7 (это точно про меня)
1	Воспоминания о детских потрясениях и кризисах							
2	Отталкивающее поведение детей (крики, шум, плач)							
3	Обиды на родителей							

4	Желание построить успешную карьеру и занять высокую должность							
5	Желание сохранить здоровье и неготовность жертвовать здоровьем ради вынашивания и рождения ребенка							
6	Желание сохранить свое материальное благополучие							
7	Отвращение к процессу вынашивания, рождения и кормления ребенка							
8	Страх не вернуться в привычную физическую форму после родов							
9	Страх передать ребенку свою генетику и психические расстройства							
10	Страх родить больного ребенка							
11	Страх воспитать ребенка, не соответствующего идеальным представлениям о нём							
12	Желание посвящать время преимущественно себе или партнеру							
13	Желание спасти планету от перенаселения, от экологической катастрофы							
14	Нежелание обрекать ребенка на морально-нравственные и душевные страдания							
15	Невозможность обеспечить ребенку достойный уровень материального благополучия							
16	Отсутствие уверенности в «завтрашнем дне»							
17	Страх остаться одной с ребенком без поддержки со стороны близких людей							
18	Отсутствие «потребности в детях» как обязательного компонента успешной жизни							

Социально-психологические характеристики личности женщин, не имеющих детей, в зависимости от типа представлений о материнстве

Группа	Социально-психологические характеристики
Тип представлений женщин о материнстве как о бремени	
Добровольно бездетные женщины с неизменной позицией	слабо выражены этика автономии, ценность доброта (уровень нормативных идеалов) и социальная сложность, однако наиболее выражены мотивы избегания материнства: «отталкивающее поведение детей (крики, шум, плач)», «желание сохранить здоровье и неготовность жертвовать здоровьем ради вынашивания и рождения ребенка», «отвращение к процессу вынашивания, рождения и кормления ребенка», «отсутствие потребности в детях как обязательного компонента успешной жизни»
Добровольно бездетные женщины с возможностью изменения позиции	этика автономии и уважение к авторитету имеют средний уровень выраженности, наиболее выражен мотив избегания материнства «отталкивающее поведение детей (крики, шум, плач)»
Бездетные женщины с неизменной позицией	средний уровень выраженности социальной сложности и высокий уровень выраженности уважения к авторитету, мотивы избегания материнства не выражены
Бездетные женщины с возможностью изменения своей позиции	средний уровень выраженности этики автономии, уважения к авторитету, мотивы избегания также не выражены по сравнению с обеими группами добровольно бездетных женщин
Тип представлений женщин о материнстве как о трудности	
Добровольно бездетные женщины с неизменной позицией	высокий уровень выраженности элиминирования эмоций и мотивов избегания материнства «желание сохранить своё материальное благополучие», «отталкивающее поведение детей (крики, шум, плач), ««желание сохранить здоровье и неготовность жертвовать здоровьем ради вынашивания и рождения ребенка», «отвращение к процессу вынашивания, рождения и кормления ребенка», «нежелание обрекать ребенка на морально-нравственные и душевные страдания», «отсутствие потребности в детях как обязательного компонента успешной жизни», а также низкий уровень выраженности религиозности, уважения к авторитету, чистоты, социальной сложности
Добровольно бездетные женщины с возможностью изменения позиции	сильнее выражены этика автономии, контроль судьбы и мотивы избегания материнства «отталкивающее поведение детей (крики, шум, плач), «отсутствие потребности в детях как обязательного компонента успешной жизни», меньше выражены религиозность, уважение к авторитету, а также мотив избегания материнства «желание сохранить своё материальное благополучие» по сравнению с другой группой добровольно бездетных
Бездетные женщины с неизменной позицией	сильно выражены уважение к авторитету, чистота, наблюдается средний уровень выраженности религиозности и слабый уровень выраженности элиминирования эмоций

Бездетные женщины с возможностью изменения своей позиции	высокий уровень выраженности элиминирования эмоций, религиозности, социальной сложности, лояльности к группе, средний уровень выраженности мотива избегания материнства «отсутствие потребности в детях как обязательного компонента успешной жизни», а также низкий уровень выраженности других мотивов избегания материнства
Тип представлений женщин о материнстве как об испытании	
Добровольно бездетные женщины с неизменной позицией	наименее выражены забота, этика автономии, социальная сложность, лояльность к группе, контроль судьбы, ценность власть, однако наиболее выражены мотивы избегания материнства «отвращение к процессу вынашивания, рождения и кормления ребенка», «нежелание обрекать ребенка на морально-нравственные и душевные страдания», «отсутствие потребности в детях как обязательного компонента успешной жизни»
Добровольно бездетные женщины с возможностью изменения позиции	наиболее выражены забота, этика автономии, лояльность к группе
Бездетные женщины с неизменной позицией	низкий уровень выраженности заботы, социальной сложности, контроля судьбы, однако высокий уровень выраженности ценности власть, лояльности к группе
Бездетные женщины с возможностью изменения своей позиции	высокий уровень выраженности социальной сложности, лояльности к группе, контроля судьбы; мотивы избегания материнства по сравнению с добровольно бездетными женщинами – не выражены
Тип представлений женщин о материнстве как об опеке	
Добровольно бездетные женщины с неизменной позицией	практически не представлены в рамках данного типа представлений
Добровольно бездетные женщины с возможностью изменения позиции	низкий уровень выраженности религиозности, справедливости, ценностей конформность и традиции, социальной сложности, лояльности к группе, уважения к авторитету, чистоты, а также высокий уровень выраженности этики автономии и мотивов избегания материнства «отвращение к процессу вынашивания, рождения и кормления ребенка», «желание сохранить здоровье и неготовность жертвовать здоровьем ради вынашивания и рождения ребенка», «нежелание обрекать ребенка на морально-нравственные и душевные страдания», «страх воспитать ребенка, не соответствующего идеальным представлениям о нём», «отсутствие потребности в детях как обязательного компонента успешной жизни»
Бездетные женщины с неизменной позицией	низкий уровень выраженности родительской критики, этики автономии, социального цинизма и высокий уровень выраженности религиозности, ценностей конформность и традиции, лояльности к группе, уважения к авторитету, чистоты
Бездетные женщины с возможностью изменения своей позиции	высокий уровень выраженности родительской критики, справедливости, социальной сложности, социального цинизма, низкий уровень выраженности религиозности, мотивы избегания материнства по сравнению с добровольно бездетными женщинами – не выражены
Тип представлений женщин о материнстве как о призвании	
В рамках данного типа представлений подавляющим большинством женщин, входящих в данную	

группу, являются бездетные женщины с неизменной позицией, следовательно, данная группа является единственной преимущественно однородной по своему составу	
Тип представлений женщин о материнстве как об ответственности	
Добровольно бездетные женщины с неизменной позицией	низкий уровень выраженности награды за усилия, этики автономии, религиозности, социальной сложности, уважения к авторитету, заботы, ценности доброта и высокий уровень выраженности элиминирования эмоций, социального цинизма, мотивов избегания материнства «отталкивающее поведение детей (крики, шум, плач)», «желание сохранить здоровье и неготовность жертвовать здоровьем ради вынашивания и рождения ребенка», «отвращение к процессу вынашивания, рождения и кормления ребенка», «отсутствие потребности в детях как обязательного компонента успешной жизни»
Добровольно бездетные женщины с возможностью изменения позиции	низкий уровень выраженности элиминирования эмоций, уважения к авторитету, справедливости, высокий уровень выраженности награды за усилия, этики автономии, социальной сложности, ценностей доброта и власть, мотива избегания материнства «отсутствие потребности в детях как обязательного компонента успешной жизни»
Бездетные женщины с неизменной позицией	низкий уровень выраженности этики автономии, социальной сложности, социального цинизма, ценности власть, а также высокий уровень выраженности религиозности, уважения к авторитету, заботы, справедливости, ценности доброта
Бездетные женщины с возможностью изменения своей позиции	высокий уровень выраженности социальной сложности, заботы и низкий уровень выраженности уважения к авторитету, мотивы избегания материнства по сравнению с добровольно бездетными женщинами – не выражены

Рекомендации по консультированию женщин по вопросам материнства

Цель рекомендаций: оказание помощи женщинам при пересмотре их представлений относительно материнства, а также поиск баланса между их личными потребностями и социальными ожиданиями.

Целевая аудитория: женщины, не имеющие детей.

Основные принципы предлагаемого подхода к консультированию: при консультировании женщин по вопросам материнства важен *дифференцированный подход*. Данный подход предполагает учет типа представлений женщин о материнстве, а также планов относительно своего родительского статуса в будущем, возможности изменения своей позиции относительно деторождения, идентификации с социальной группой добровольно бездетных.

Рекомендации были сформулированы в русле когнитивно – поведенческого подхода. Данный подход был выбран исходя из следующих аспектов: 1) научная обоснованность; 2) структурированность и конкретность; 3) фокус на изменении мышления и поведения; 4) краткосрочность и экономичность; 5) акцент на самостоятельной работе; 6) гибкость и адаптивность; 7) возможность широкого применения в работе с разными типами клиентов.

Тем не менее, важно отметить, что у когнитивно-поведенческого подхода также существует и ряд серьезных ограничений, например, сниженный уровень глубокой эмоциональной поддержки и «механистический» взгляд на природу человека. Данные аспекты важно учитывать при работе с женщинами в рамках интимно-личностных вопросов, в том числе и по вопросу материнства. Таким образом, все техники, предложенные далее, носят рекомендательный характер, и могут быть

изменены/откорректированы в зависимости от модальности специалиста и индивидуальных особенностей клиента.

Добровольно бездетные женщины с неизменной позицией

В данную группу входят женщины, заявившие, что желают навсегда оставаться бездетными и отметившие неизменность данной позиции и при этом идентифицирующие себя с социальной группой добровольно бездетных.

Социально - психологические особенности женщин данной группы, следующие:

- преобладание рационального и материалистического взгляда на мир;
- индивидуализм и низкая социальная солидарность;
- ограниченная (слабо выраженная) привязанность к семье и близким;
- низкая конформность и авторитарность;
- негативный взгляд на мир и природу человека;
- эмоциональная подавленность и запрет на выражение эмоций (формируется в родительской семье);
- релятивизм в моральных суждениях;
- преобладание мотивов избегания материнства, связанных с деторождением и последующим уходом за ребенком (отвращение к процессу вынашивания, рождения и кормления ребенка), а также с ценностью ребенка (отсутствие детей как обязательного компонента в жизни женщины).

Для женщин данной группы материнство – это то, что приносит преимущественно душевные, физические и морально-нравственные страдания; чаще всего у них выражено представление о данном феномене

как о бремени, то есть материнство сопряжено психоэмоциональным, физическим и экзистенциальным напряжением.

Основные трудности, которые могут возникнуть при консультировании женщин данной группы, следующие: 1) экзистенциальный кризис; 2) депрессия и отрицание жизни; 3) выраженный негативизм; 4) пассивность; 4) пессимизм; 5) одиночество; 6) беспомощность.

Общие рекомендации по консультированию добровольно бездетных женщин с неизменной позицией с учетом их преобладающего типа представлений, а также социально-демографических и социально-психологических предикторов, влияющих на формирование данного типа представлений, следующие:

1. Работа с иррациональными установками.
2. Проработка семейной системы и детских травм*
3. Выявление и изменение автоматических мыслей.
4. Работа по регулированию эмоций.
5. Поддержание психоэмоционального благополучия. В случае беременности женщины данной группы заслуживают особого внимания со стороны специалистов (в том числе и смежных профессий)**

**пояснение: на данный тип представлений о материнстве влияют многодетность и отсутствие одного из родителей*
*** при работе с данным запросом обязательно необходима работа специалистов смежных профессий (психотерапевты, психиатры и т.д.), т.к. в случае беременности есть риск депрессии и других аффективных расстройств*

Представленные рекомендации направлены, в первую очередь, на работу с их преимущественно пессимистичным взглядом на мир и ощущением уязвимости. Важно отметить, что женщины данной группы, вероятно, не обратятся к специалисту с запросом, связанным с возможным материнством, тем не менее, следует допустить, что при работе с их особенностями, отмеченными ранее, женщины могут задуматься о пересмотре своей позиции.

При работе с женщинами данной группы необходимо развивать понимание того, что в жизни существует несколько вариантов для достижения цели, формировать гибкость мышления, работать над регуляцией эмоций и снижением тревожности.

К пересмотру данного типа представлений женщинами данной группы может поспособствовать работа со стороны специалиста по осознанию ими важности заботы о благополучии и прав личности, ценности доброты. Однако важно отметить, что формирование данных аспектов может быть затруднено из-за глубоких внутренних кризисов (вероятно, сама мысль «заботы о ком-нибудь» может вызывать у них дискомфорт). Это может связано с родительской семьей, так как у женщин данной группы могут быть выражены обида на родителей и воспоминания о детских кризисах и потрясениях.

Отдельного внимания заслуживает работа с сиблинговой подсистемой, так как есть вероятность, что у женщин данной группы есть ряд психологических проблем, сформированных в результате неконструктивного взаимодействия с сибсами; также важно проанализировать роль родителей в урегулировании возможных конфликтов между ними.

Добровольно бездетные женщины с возможностью изменения позиции

В данную группу входят женщины, заявившие, что желают оставаться бездетными, но отметившие возможность изменения своей позиции и при этом идентифицирующие себя с социальной группой добровольно бездетных.

Социально - психологические особенности женщин данной группы, следующие:

- умеренно - рациональное мировоззрение (отсутствие идеализации и крайнего цинизма в отношении людей);

- готовность помогать окружающим, заботиться о близких (однако без ярко-выраженного альтруизма);
- уважение к социальным нормам, но при сохранении внутренней автономии (не конформисты);
- отсутствие стремления к материнству как к обязательному компоненту жизни женщины, при одновременном признании важности данной социальной роли и отсутствии к ней отвращения.

Для женщин данной группы характерен, скорее, страх материнства, нежели нежелание становится матерью вовсе; чаще всего у них выражено представление о данном феномене *как об опеке*, то есть представление о том, что материнство - социально значимая роль, связанная с заботой и общественной значимостью⁶.

Основные трудности, которые могут возникнуть при консультировании женщин данной группы, следующие: 1) неудовлетворенность собой и своей жизнью, 2) недостаток самостоятельных сил для изменений, 3) реактивность на стимулы жизни, 4) отсутствие инициативности.

Однако важно отметить, что есть несколько положительных моментов, на которые консультирующему специалисту следует обратить внимание при работе с женщинами данной группы: 1) внутренняя опора в некоторых сферах жизни; 2) готовность следовать за значимой фигурой; 3) социальные правила и нормы имеют определенное значение.

Общие рекомендации по консультированию добровольно бездетных женщин с возможностью изменения позиции с учетом их преобладающего типа представлений, а также социально-демографических и социально-

⁶ Важно отметить, что данные результаты не отражают стереотипное представление о добровольно бездетных женщинах как о женщинах, преимущественно ненавидящих детей и нежелающих их иметь. Данные результаты могут свидетельствовать о том, что женщинам данной группы, скорее, легче идентифицировать себя с группой добровольно бездетных из-за страха не справиться с потенциальной ролью матери, так как согласно результатам, для них материнство – значимая социальная роль. В пользу данного предположения может свидетельствовать возможность допущения изменения позиции относительно деторождения в будущем, тем не менее, мотив избегания материнства, связанный с ценностью ребенка в жизни женщины, имеет средний уровень выраженности.

психологических предикторов, влияющих на формирование данного типа представлений, следующие:

1. Коррекция дисфункциональных установок о материнской роли*
2. Формирование сбалансированного образа материнства
3. Работа с тревогой и гиперответственностью.
4. Работа с тревогой, связанной с отсутствием уверенности в «завтрашнем дне».
5. Развитие навыков самоподдержки.

**пояснение: на данный тип представлений о материнстве влияет отсутствие одного из родителей*

Специфика работы с данной группой заключается в том, что, несмотря на то, что, для женщин данной группы материнство хоть и воспринимается как нечто социально важное, тем не менее, не характеризуется как единственная ценность.

Важно работать над поддержанием ценности материнства (или над его формированием), над осознанием женщиной того, что усилия рано или поздно приводят к достижению результата, помогают избегать негативных последствий, а также над повышением уровня выраженности стремления сохранять благополучие близких и повышать его.

Особое внимание следует уделить вопросам, связанным с отсутствием уверенности женщин данной группы в «завтрашнем дне», а также со страхами обречь ребенка на морально-нравственные и душевные страдания, отсутствие финансового благополучия. Возможно, данные страхи будут усиливаться, если женщины будут испытывать трудности, связанные с отсутствием жилья, достойного уровня заработной платы, работы, так как в данном случае они будут переживать из-за неполноценного, на их взгляд, выполнения своих материнских обязанностей. Также важно при работе с данной проблемой актуализировать и семейные сценарии, полученные в детстве.

Бездетные женщины с неизменной позицией

В данную группу входят женщины, заявившие о желании иметь детей и не идентифицирующие себя с социальной группой добровольно бездетных.

Социально - психологические особенности женщин данной группы, следующие:

- ориентация на традиции;
- ценность социального статуса и доминирования;
- выраженная ориентация на сохранение и укрепление своего положения;
- отсутствие циничного взгляда на природу человека;
- отсутствие релятивизма в моральных суждениях;
- одобрение воздержанности, нравственности и чистоты.

Для женщин данной группы материнство – это ответственное событие, которое практически не сопряжено катастрофичностью и негативизмом; чаще всего у них выражено представление о данном феномене **как о призвании**, то есть представление о том, что материнство - ключевой элемент идентичности и самореализации женщины. Однако важно отметить, что у женщин данной группы широко представлен и тип представлений о материнстве **как об опеке**⁷.

Основные трудности, которые могут возникнуть при консультировании женщин данной группы, следующие: 1) чрезмерно выраженная ориентация на социальные нормы и идеалы; 2) идеализм; 3) слабо выражено понимание себя и своих возможностей.

⁷ В сочетании с желанием иметь детей, неизменностью данной позиции и отсутствием идентификации с группой добровольно бездетных – бездетные женщины с неизменной позицией и типом представлений о материнстве как об опеке - представляют самый оптимальный вариант родительства и в коррективке не нуждаются, поэтому в разработке данных рекомендаций акцент был сделан на женщинах данной группы с типом представлений о материнстве как о призвании

Общие рекомендации по консультированию бездетных женщин с неизменной позицией с учетом их преобладающего типа представлений, а также социально-демографических и социально-психологических предикторов, влияющих на формирование данного типа представлений, следующие:

1. Работа с детскими травмами и семейной системой*.
2. Коррекция детоцентризма.
3. Формирование субъект-субъектных отношений.
4. Работа с идеализацией материнства.

<i>*пояснение: позиция младшего ребенка в семье или единственного является детерминантой, влияющей на данный тип представлений</i>
--

Основная проблема при консультировании женщин данной группы – проблема выраженной детоцентрированности и отсутствие видение иных сфер для самореализации. Важно отметить, что при работе с бездетными женщинами с неизменной позиции, разделяющих данный тип представлений, особенно важна работа по коррективке sibлинговой подсистемы, а также с желанием женщин строить собственную идентичность исключительно вокруг материнства.

Также важно отметить, что женщины данной группы чрезмерно ориентированы на общество, а также на принятые там правила и нормы поведения, тем самым, женщины данной группы могут оказаться «не гибкими» в принятии ряда важных решений, в том числе связанных с материнством. Допускается, что вектор жизни направлен преимущественно на смирение с происходящим, что может привести к разочарованию в будущем.

Бездетные женщины с возможностью изменения своей позиции

В данную группу входят женщины, заявившие, что желают оставаться бездетными, но отметившие возможность изменения своей позиции и при этом не идентифицирующие себя с социальной группой добровольно бездетных.

Социально - психологические особенности женщин данной группы, следующие:

- частичное игнорирование традиционных женских ролей;
- умеренное уважение к авторитетам;
- запрет на выражение эмоций (преимущественно негативных);
- ценностная система – противоречива и амбивалентна (одновременная ориентация и на социальные ожидания, и на собственные внутренние границы);
- преобладание мотивов избегания материнства, связанных со спецификой поведения ребенка (крики, шум, плач), а также с его ценностью в жизни женщины.

Женщины данной группы не занимают четкую позицию относительно материнства; чаще всего у них выражено представление о данном феномене *как об испытании*, то есть представление о том, что материнство – это то, что истощает ресурсы женщины.

Основная трудность, которая может возникнуть при консультировании женщин данной группы – кризис идентичности.

Общие рекомендации по консультированию бездетных женщин с возможностью изменения своей позиции с учетом их преобладающего типа представлений, а также социально-демографических и социально-психологических предикторов, влияющих на формирование данного типа представлений, следующие:

1. Развитие критического мышления относительно материнских стереотипов.
2. Коррекция страха эмоционального выгорания.
3. Формирование навыков самосострадания.
4. Работа с катастрофизацией будущего.
5. Акцент на ресурсных аспектах.

Специфика работы с женщинами данной группы заключается в отсутствии их самоопределения относительно материнства, что может приводить к непониманию своего «Я». Данная специфика может усугубляться ярко выраженной катастрофизацией, неуверенностью в себе, эмоциональной разбалансированностью.

При консультировании бездетных женщин с возможностью изменения своей позиции важно работать над формированием осознания женщиной того, что существует множество вариантов для достижения цели, а также над осознанием того, что существуют разные способы влиять на судьбу. Также важно делать акцент на их возможном страхе не справиться с поведением ребенка (крики, шум, плач), проговаривать с ними возможность делегирования ряда обязанностей (при возможности) помощникам (няни, родители и т.д.).

Женщины данной группы вызывают особую обеспокоенность, так как женщины описанных ранее групп занимают более устойчивую позицию относительно материнства; основная опасность при работе с бездетными женщинами с возможностью изменения своей позиции заключается в их вероятном сожалении о нереализованном материнстве в дальнейшем. Для предотвращения этого, помимо описанных выше рекомендаций, важно работать со страхом остаться одной без поддержки со стороны близких, а также с отсутствием уверенности «в завтрашнем дне».